

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

**КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ В XX – НАЧАЛЕ XXI В.:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ**

Сборник научных статей

Нальчик • 2016

УДК – 94(470.64)+316.7(470.64)
ББК – 63.3(2КБ)64+60.523(2КБ)
К – 12

Печатается по решению Ученого совета ФГБНУ
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»

Научный редактор:
Дзамихов К.Ф.

Редколлегия:
Кешева З.М., Кумыкова Д.М., Оширов Р.Г.

**Кабардино-Балкария в XX – начале XXI в.: политические
и социокультурные преобразования.** – Нальчик: Изда-
тельский отдел КБИГИ, 2016. – 156 с.

Сборник научных статей посвящен отдельным аспектам политических и социокультурных трансформаций в новейшей истории Кабардино-Балкарии. Общим для вошедших в сборник работ послужил междисциплинарный подход в освещении различных вопросов общей темы. Несмотря на то, что в названии тематического сборника отражены только политические и социокультурные аспекты, в основу единой исследовательской концепции легло понимание того, что комплексное освещение данных проблем возможно только в их тесной связи с другими вопросами экономического, демографического, конфессионального составляющих. Работы, представленные здесь, полезны как введением в научный оборот неизвестных эмпирических материалов-первоисточников, так реинтерпретацией уже сложившихся представлений относительно объекта и предмета исследования, а также постановкой новых задач. Сборник адресован научным работникам, аспирантам и студентам социогуманитарного профиля, а так же тем, кто интересуется вопросами новейшей истории России в региональном измерении.

THE FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENCE ESTABLISHMENT
THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE OF HUMANITARIAN RESEARCH

**KABARDINO-BALKARIA IN THE XX – EARLY XXI CENTURY:
POLITICAL AND SOCIO-CULTURAL
TRANSFORMATION**

The collection of scientific articles

Nalchik • 2016

UDK – 94(470.64)+316.7(470.64)
BBK – 63.3(2КБ)64+60.523(2КБ)
К – 12

Printed according to the decision of the Scientific Council
of the Federal State Budgetary Science Establishment
the Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Researches

Scientific editor:

Dzamihov K.F.

Editorial board:

Kesheva Z.M., Kum Oshroev R.G.

**Kabardino-Balkaria in the XX – early XXI century: political
and socio-cultural transformation.** – Nalchik: Issuing office of
KBIHR, 2016. – 156 p.

Collection of scientific articles dedicated to specific aspects of the political and socio-cultural transformations in modern history of Kabardino-Balkaria. A common feature of the works included in the collection served as an interdisciplinary approach in covering the various issues common theme. Despite the fact that only the political and socio-cultural aspects of the theme of the collection reflects the artist, based on a single study has laid down the concept of the understanding that a comprehensive data coverage of problems is possible only in their close connection with other issues of economic, demographic, confessional components. The works presented here are useful as an introduction to the scientific revolution of unknown primary sources of empirical materials, as well as reinterpretation of established ideas about the object and subject of study, as well as new challenges. The volume is addressed to scientists, graduate students and socio-humanitarian profile, as well as those who are interested in the modern history of Russia in the regional dimension.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тетуев А.И.</i> Национальная политика на Северном Кавказе в период советской власти: общая характеристика (1917–1985 гг.)	7
<i>Кармов А.Х.</i> Общественно-политическая ситуация в Кабарде и Балкарии после гражданской войны и начало борьбы с политическим бандитизмом в 1920 г.	33
<i>Гугова М.Х.</i> Изменение социально-правового статуса горянки (на примере Кабардино-Балкарии)	51
<i>Шомахов З.Х.</i> Динамика социальной мобильности населения Кабардино-Балкарии в условиях советской модернизации	67
<i>Жанситов О.А.</i> Кабардинское общество в условиях урбанизации: проблемы освоения города	80
<i>Алхасов М.М.</i> К вопросу о политических преобразованиях в Кабардино-Балкарской республике в конце XX – начале XXI вв. ...	90
<i>Кешева З.М.</i> Проблемы трансформации танцевальной культуры народов КБР в условиях глобализации	96
<i>Вислова А.Д.</i> Современные инновационные траектории профилактики наркомании	109
<i>Ошроев Р.Г.</i> К итогам осмысления издержек социальных трансформаций в КБР в фокусе исламского фундаментализма	121

CONTENTS

<i>Tetuev A.I.</i> National policy in the North Caucasus during the soviet power: general characteristics (1917–1985 biennium)	7
<i>Karmov A.H.</i> Social and political situation in Kabarda and Balkaria and start fighting against political banditry in 1920	33
<i>Gugova M.H.</i> Changing the social and legal status goryanka (on the example of the Kabardino-Balkaria)	51
<i>Shomahov Z.H.</i> The dynamics of social mobility of the population Kabardino-Balkaria under soviet modernization	67
<i>Zhansitov O.A.</i> Kabardian society in terms of urbanization: problems of development of the city	80
<i>Alkhasov M.M.</i> To the guestion of political transformation in the Kabardino-Balkar republic in the late XX – early XXI centuries	90
<i>Kesheva Z.M.</i> KBR peoples dance culture transformation issues in the context of globalization	96
<i>Vislova A.D.</i> Modern innovative trajectory of drug abuse prevention	109
<i>Oshroev R.G.</i> To the results and lessons of comprehension of expenses of social transformations in KBR in focus of islam fundamentalism	121

А.И. Темуев

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ:
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА (1917–1985 гг.)**

Выявлены особенности национальной политики советского государства на Северном Кавказе на разных этапах становления и развития общества. Анализируются проблемы создания и развития различных формы национальной государственности народов Северного Кавказа и достижения в преодолении социально-экономической отсталости. Выявлены серьезные ошибки и деформации, допущенные в национальной политике.

Ключевые слова: национальная политика, съезд, народ, автономия, национальные советы, конституция, промышленность, национальная культура, деформация, патриотизм, депортация, реабилитация, национальные проблемы.

Направленность национальной политики советского государства существенно отличалась на разных этапах становления и развития общества. На общем фоне достижений в условиях строящегося социализма в государственной национальной политике были допущены серьезные ошибки, деформации. Поэтому истоки многих современных межнациональных конфликтов на территории России и постсоветском пространстве кроются в советской эпохе и более ранних периодах. В связи с этим совершенствование межнациональных отношений в Российской Федерации настоятельно требует обращения к советскому и дореволюционному опыту регулирования межэтнических отношений в многонациональных регионах и государстве в целом. Существует настоятельная необходимость с новых методологических позиций более объективно и взвешенно оценить смысл и значение происходивших на заре советской власти событий в области межнациональных отношений. Актуальность темы также обусловлена важностью изучения регионального аспекта реализации советской национальной политики. Исследование

специфики механизма взаимоотношений власти и этносов в многонациональном Северном Кавказе позволяет проанализировать многообразие форм и методов подобного взаимодействия, выявить наиболее существенные особенности политики органов государственной власти.

Победа Февральской революции сопровождалась демократическими преобразованиями и активизацией этнических общностей России. Северный Кавказ также не остался в стороне от процесса этнической мобилизации. В условиях развала царского самодержавия актуализировалась задача национально-государственного устройства. Стремление к созданию региональной автономии воплотилось в жизнь при формировании «Союза объединенных горцев Кавказа» (6 марта 1917 г.), основной целью которого было создание национально-территориальной автономии в составе Российской Федеративной Демократической Республики. Предполагалось, что она будет провозглашена на Всероссийском Учредительном собрании.

На I съезде горских народов Северного Кавказа и Дагестана, открывшемся 1 мая 1917 г. во Владикавказе, был провозглашен «Союз горцев» как национально-политическая единица, принята Политическая программа и Конституция «Союза объединенных горцев», избран Центральный комитет как руководящий исполнительный орган. Лояльный к Временному правительству Союз являлся законодательным и исполнительным органом на территории Терской, Кубанской и Дагестанской областей¹.

Важно отметить, что в Программе, принятой на I съезде, закладывались основы строительства федеративных отношений не только по вертикали, но и по горизонтали, проводилась линия на союз со всеми силами, выступавшими за федеративное устройство России. В сентябре 1917 г. в него вступила Абхазия. 20 октября 1917 г. «Союз объединенных горцев» присоединился к «Юго-восточному союзу», куда входило казачество Дона, Кубани, Терека и Астрахани. Был заключен «союзный договор», в котором указывалось: «Союз ставит своей целью достижение скорейшего учреждения Российской демократической федеративной республики с признанием членом союза отдельными ее штатами»².

В начале ноября 1917 г. Союз провозгласил создание Горской республики и сформировал Горское правительство. Провозглашение и попытка проведения в жизнь принципов федерализма

«Союзом объединенных горцев Кавказа» представляются особо значимыми, если учесть, что большевистская партия в это время еще не имела четкой позиции относительно федеративного характера государственного устройства России.

После прихода к власти большевиков национальная буржуазия на Северном Кавказе в подавляющем большинстве, потеряв надежду укрепиться в составе России, возглавила движение за выход из нее на основе лозунга о праве наций на самоопределение. Россию охватил «бум суверенизации – империя начала распадаться, как картонный домик»³. Лидеры Горской республики также все более склонялись к идее государственной независимости и в мае 1918 г. объявили о решении отделиться от России.

Чтобы предотвратить полный распад страны необходимо было срочно провозгласить теоретико-правовые основы, на которых бы строилось государство.

В январе 1918 г. была принята «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой объявлялось, что «Советская Российская Республика утверждается на основе союза свободных наций как Федерация Советских национальных республик». В развитие этого документа на III Всероссийском съезде Советов был принят еще один важный документ – «О федеральных учреждениях Российских республик»⁴. Основные положения этих документов вошли затем в Конституцию РСФСР 1918 г. В ней было закреплено право советов тех областей, которые отличались особым бытом и национальным составом, объединялись в автономные областные союзы и т.д., указывалось, что эти автономные областные союзы входят на началах федерации в РСФСР⁵. Следовательно, по Декларации Россия признавалась Федерацией советских национальных республик, а по Конституции – автономных национальных союзов, т.е. «автономия» уже в законодательном порядке признается элементом федерации. После включения Декларации в Конституцию РСФСР 1918 г. понятия федерация и автономия фактически объединились в одно целое, что и определило развитие государственно-территориальной организации России на последующие годы.

Автономии в абсолютном своем большинстве появились в результате провозглашения их на съездах народов, проживающих в составе РСФСР. Отсутствие местного пролетариата, не могло не сказаться на состоянии прочности большевистских организа-

ций, возникших как самостоятельные организации в крае только спустя 4 месяца после победы Октябрьской революции в центре страны⁶. Естественно, указанные обстоятельства требовали от большевиков Терека исключительной гибкости, маневренности.

Учитывая сложность обстановки в крае, необходимость сохранения «социалистического блока», большевики не ставили вопрос о провозглашении советской власти на I съезде народов Терской области, проходившем в Моздоке 25–31 января 1918 г. Власть Совета Народных Комиссаров в Терской области была признана в Пятигорске 4 марта 1918 г. на проходившем II съезде народов Терека. Бывшую Терскую область съезд торжественно провозгласил Терской автономной советской республикой и объявил ее частью РСФСР. Процессы возникновения и утверждения советской власти на Тереке имели свои специфические черты, отличалась от остальной части РСФСР и структура органов власти.

На основе утвержденного съездом «Проекта основных положений по управлению Терским краем», исследователи иногда называют его Конституцией Терской области. В состав Терского края входили территории четырех отделов и шести округов, в том числе Нальчикского округа, который составляли Кабарда и Балкария. В пределах, предоставленных основными законами Российской Федеративной Советской Республики, Терский край имел всю полноту власти на своей территории. Терский край имел право вступать с соседними республиками в договорные отношения по предметам специального законодательства, суда и управления постольку, поскольку эти договорные отношения не противоречили Конституции Российской Федеративной Республики.

Терский Народный Совет (высший орган государственной власти между съездами) обладал всей полнотой законодательной, административной и судебной власти при условии, чтобы акты власти: во-первых, не содержали в себе ничего противоречащего Конституции Российской Федеративной Республики; во-вторых, не нарушали основных прав гражданства, предоставленных Конституцией общероссийской; в третьих, могли быть отменены, если того хочет большинство населения Терского края⁷.

Терская Республика, завершившая свое существование в феврале 1919 г., не сыграла той роли в истории Северного Кавказа, которая ей предназначалась, а именно – создание и развитие национальной государственности народов региона. Терская Респу-

блика была не национально-территориальной, а территориальной, областной автономией, что не соответствовало национально-территориальному принципу построения советской Федерации. С точки зрения теории федерализма, значимо то, что Терская Советская Автономная Республика была важным этапом становления национальной государственности, выступавшей и как форма политического самоопределения горских народов, и как административно-политический институт управления этими народами со стороны центральной государственной власти.

Следующим этапом в истории образования национальной государственности народов Северного Кавказа явилось образование Горской АССР. Поскольку обретение начал государственности каждым из малочисленных народов Северного Кавказа на деле означало дробление его на множество автономных территориальных единиц, что могло затруднить экономическое развитие, был взят курс на создание многонациональных государственных образований.

В октябре 1920 г. на краевом совещании коммунистических организаций Дона и Кавказа были определены конкретные меры по автономизации. В его резолюции признавалось необходимым создание «горских автономных республик, входящих в состав РСФСР»⁸. И только вслед за этим был созван Съезд народов Терека (17 ноября 1920 г. во Владикавказе), провозгласивший образование Горской АССР.

20 января 1921 г. ВЦИК РСФСР принял постановления «Об Автономной Дагестанской Социалистической Республике», «Об Автономной Горской Социалистической Республике», состоявшей из шести административных округов: Чеченского, Ингушского, Осетинского, Кабардинского, Балкарского и Карачаевского.

Как административные округа они не могли играть значительной роли в строительстве федеративных отношений, субъектом которых выступала ГАССР. Полномочия последней также не были широки. К весне 1921 г. удалось определить практически те сферы, в которых ГАССР наделялась исключительными правами. К таким относились «внутренние» дела, т.е. дела, затрагивавшие только районы республики, самостоятельное проведение границ между округами, районами и участками, охрана порядка, устройство коммунальной жизни (жилища, юстиция, народное образование), землеустройство, социальное обеспече-

ние, образование совхозов, поиск новых способов урожайности, устройство больничных учреждений по охране здоровья, борьба с эпидемиями, помощь по трудоустройству⁹.

Народные комиссариаты ГАССР были организованы по принципу двойного подчинения. Они несли ответственность в пределах своих полномочий перед вышестоящими наркоматами РСФСР, а также перед Совнаркомом и ЦИК Горской АССР. Вопросы внешней торговли и иностранных дел не подлежали ведению органов республики и относились исключительно к компетенции государственных органов Российской Федерации¹⁰.

Решения ЦИК и СНК Горской Республики могли быть обжалованы исполнительными комитетами округов перед ВЦИК и СНК РСФСР в случаях, если эти акты противоречили Конституции РСФСР или постановлению ВЦИК «Об автономии Горской Социалистической Советской Республики». На практике поводов для этого было немало. Проведение некоторых мероприятий в масштабах всей республики нередко воспринималось отдельной частью населения как ущемление их национальных интересов.

Органы власти Горской АССР подобно руководству Терской Республики в 1918 г. занялись решением наиболее острого земельного вопроса за счет перекраивания границ между горскими народами. Механизм, предложенный органами власти Горской Республики для решения аграрной проблемы, способствовал разделению народов на два полюса по признаку обеспечения земель – с одной стороны – относительно благополучная в этом отношении Кабарда, и практически все остальные – с другой. При таких обстоятельствах начался распад Горской АССР.

21 мая 1921 г. вопрос о выделении Кабарды из Горской АССР в самостоятельную автономную область обсуждался на объединенном заседании Кабардинского окрисполкома и парткома. В последующем рассмотрение его было продолжено на IV съезде советов кабардинского округа (10–13 июня 1921 г.), партийных, комсомольских, советских и профсоюзных собраниях, сельских сходах и митингах. Таким образом, кабардинский народ сам непосредственно ставил вопрос о создании своей национальной государственности – автономной области. Высказывалось даже мнение о необходимости самоопределиться не в форме административной автономии, а политической, т.е. вместо автономной области создать автономную республику. Такое предложение было призна-

но преждевременным в силу «неподготовленности кабардинского народа к самоопределению в форме АССР ни с точки зрения экономического, ни политического, ни культурного развития»¹¹.

1 сентября 1921 г. ВЦИК РСФСР постановил выделить из территории ГАССР Кабардинскую Автономную область (КАО) после чего она имела связь непосредственно с центром РСФСР. Нормативной базой для этого являлась статья 8 Конституции РСФСР 1918 г., согласно которой сами народы на своих съездах советов определяют свой политический статус. Организационное образование Кабардинской АО было завершено на учредительном съезде Советов Кабардинской области в конце ноября 1921 г. Так, Кабарда впервые была провозглашена полноправным субъектом РСФСР со статусом автономной области. Кабардинский народ обрел национальную государственность.

Вскоре назрел вопрос о выделении Балкарии из Горской АССР. Прошлое было убедительным подтверждением единства всех сторон общественно-политической жизни кабардинцев и балкарцев. Территориальная и экономическая общность двух разных народов – вот тот объективный фактор, способствовавший их объединению, что отодвинуло этнический признак на второй план. Кроме того, Нальчик являлся единым политическим, экономическим и культурным центром Кабарды и Балкарии.

Постановлением ВЦИК от 16 января 1922 г. Балкарский округ выделился из состава ГАССР и была образована Кабардино-Балкарская автономная область. В том же году образовались Карачаево-Черкесская и Чеченская, а в 1924 г. – Северо-Осетинская и Ингушская автономные области. Определение территориальных границ при их выделении осуществлялось в сложных экономических и политических условиях. К тому же реорганизация Горской АССР в автономные национальные республики и автономные области осложнялась чрезвычайной национальной дробностью. В силу этого приходилось объединять в одну автономную единицу несколько национальностей, ибо они были малочисленны, чтобы образовать свое административное целое, и слишком отсталые в культурно-хозяйственном отношении, чтобы иметь свой аппарат власти.

Ввиду того, что в ряде мест за основу брались не национальный, а социально-экономический фактор, принцип национального самоопределения не получил достаточной полноты, что в

дальнейшем стимулировало стремление этих народов к образованию своих национальных единиц. Поэтому основы современной конфликтогенности на Северном Кавказе были заложены 20-е годы XX века в период конструирования новых общностей при помощи механизмов административно-территориальных переделов. Национально-государственное строительство осуществлялось субъективно исходя из большевистской концепции, что по мере строительства социализма произойдет стирание национальных различий. Все это привело при отсутствии четких критериев при выборе форм национальной государственности:

- искусственному созданию многосубъектных государственных образований для неродственных этносов и напротив, разделению этнически близких народов по различным республикам;
- произвольному определению границ без учета исторически установившихся территорий проживающих там народов, частые административно-территориальные изменения.

Провозглашение автономии этнических общностей Северного Кавказа давало им возможность и создавать национально-государственное образование, и реализовать свое право на национальное самоопределение, что способствовало бы усилению экономических и политических связей с более экономически развитыми областями страны, развивало хозяйственную и культурную жизнь народов. Получение народами Северного Кавказа своей государственности явилось политической основой ликвидации их фактического национального неравенства. В процессе развития национальных отношений предполагалось и совершенствование государственного устройства в СССР.

После упразднения Горской АССР в 1924 г. был образован Юго-Восточный район с экономсоветом, утвержденный окончательно 13 февраля 1924 г. как Юго-Восточный край. В его состав включались все территориальные образования на Северном Кавказе, за исключением Дагестана. По нашему мнению, это следовало бы рассматривать в качестве нового подхода к решению многих региональных проблем, связанных с центробежными тенденциями. В соответствии с этим изменялись как принципы формирования территориального управления, так и методы деятельности аппарата власти. В качестве примера поиска путей совершенствования системы управления, новых форм регулирования национальных отношений в 1920-е годы можно

рассматривать и создание 16 октября 1924 г. Северо-Кавказского края (было принято постановление Президиума ВЦИК) в составе 11 округов, 4 автономных областей. Известно о создании в это же время Северного края, Сибирского, Ниже-Волжского, Нижегородского и др.¹²

Указанные факты позволяют сделать однозначный вывод: в 1920-е годы в выработке принципов управления доминирующим оставался национальный фактор. Этнические общности получали возможность реализации государственных начал в форме национально-территориальных образований (автономная республика, автономная область, национальные районы и национальные советы).

Общие основы правового положения автономной области были определены Конституциями РСФСР 1918 и 1925 гг., а также Конституцией СССР 1924 года. Более подробно основы правового положения автономной области устанавливались в «Положении о Северо-Кавказском крае», утвержденном постановлением ВЦИК 25 января 1925 года¹³.

Важную роль в установлении межнациональных связей играли специальные представительства национальных автономных республиканских и областных органов Советской власти при ВЦИК, с мая 1920 г. – при Наркомнаце. Постановление Президиума ВЦИК было принято по этому вопросу 20 сентября 1920 г.¹⁴ Каждая из автономных республик и областей направляла в Наркомнац представительство (представитель и два сотрудника). В последующем штат представительств заметно пополнялся, что объяснялось увеличением объема работы, расширением сфер межнациональных связей. Представители, объединившись, образовывали руководящий орган Наркомнаца – Совет национальностей с президиумом в составе 5 членов¹⁵. Для этносов, не имевших своих представительств, создавались отделы по работе среди национальных меньшинств. Совет национальностей руководил всей работой по становлению и развитию межнациональных связей на территории Российской Федерации. Для оперативности руководства Наркомнац учреждал институт уполномоченных, в обязанность которых вменялось содействие проведению в законодательстве и управлении данной автономной единицы общих принципов политики РСФСР в национальном вопросе, осведомление Наркомнаца о проделанной работе, помощь на-

селению в улучшении материального благосостояния и культурном развитии, охрана прав, установление прочных и дружественных взаимоотношений между всеми национальностями данной территории. Уполномоченные наделялись правом вхождения с совещательным голосом в состав исполкомов советов.

С декабря 1920 г. Наркомнац на основе постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об учреждении представительств Наркомнаца в автономных республиках и автономных областях» от 16 декабря 1920 г. организовал свои представительства при правительствах автономных республик и при правительствах суверенных советских союзных республик¹⁶. В их обязанности вменялось наблюдение за проведением советской национальной политики, установление правильных взаимоотношений между органами РСФСР и автономных республик, взаимная информация. Представительства должны были заниматься изучением исторической и культурной жизни народов и национальностей, особенностей быта и традиций, содействовать улучшению экономического положения, соответствующих народностей и национальных групп, охранять интересы национальных меньшинств, устранять ошибки в действиях представителей, прибывших из центра и слабо знавших местные условия¹⁷.

После упразднения Наркомнаца в 1923 г. институт постоянного представительства национальных республик и областей стал функционировать при ВЦИК. Постоянное представительство обязано было решать во всех центральных учреждениях РСФСР различные вопросы, касающиеся как области в целом, так и отдельных ее учреждений.

Для осуществления задач, стоящих перед представительством, оно наделялось правом совещательного голоса на заседаниях всех центральных органов РСФСР при рассмотрении вопросов, относящихся к автономной области. Имело право также вносить по поручению областного исполкома в Президиум ВЦИК, СНК и Экономическое совещание РСФСР проекты законодательных актов и предложения по другим вопросам, давать заключения по рассматриваемым высшими органами РСФСР проектам декретов, постановлений, распоряжений и других актов, касающихся представляемой области. Постоянное представительство обязано было докладывать высшим органам РСФСР возражения областного исполкома и его Президиума.

Безусловно, коренные изменения во взаимосвязи народов внесло образование СССР в декабре 1922 г. Отношения приобретали более объемный характер, строились на широкой демократической основе, с учетом, прежде всего, интересов всей страны. В общесоюзных органах предусматривалось и представительство малочисленных народов, многие из которых к этому времени не имели своих национально-государственных образований или только приобретали их. В Союзном ЦИК представительство от национальных районов Северного Кавказа было следующим: от Горской республики – 2 чел., от Кабардино-Балкарской автономной области – 1, Северо-Кавказского края и Донской области – 4. Всего же от Российской Федерации – 216 человек¹⁸.

Представители этнических общностей принимали участие в работе съездов Советов СССР. Так, во II съезде Советов СССР (1924 г.) участвовали председатели представительств: от Горской АССР – Е.Д. Рамонов, от Дагестанской АССР – А.Е. Скачко, от Кабардино-Балкарской автономной области – Н.А. Катханов¹⁹.

В сложной социальной обстановке послевоенного периода представительства проводили огромную работу по укреплению межнациональных связей. Так, представительства Горской АССР функционировали в Закавказской Федерации, Дагестане, Грузии. Представительство Кабардино-Балкарской автономной области при Наркомате по делам национальностей было образовано в марте 1922 г. (при Наркомнаце – до 20 марта 1924 г.), и существовало при ВЦИКе – до 3 декабря 1938 г., т.е. до принятия решения Президиума Верховного Совета СССР о его ликвидации²⁰.

Представительство налаживало связи с другими органами власти в центре и республике. Так, сразу же после создания хозяйственного органа в республике – Совета народного хозяйства – представительство обратилось с письмом, в котором излагались формы взаимоотношений с ним. Представительство зачастую выступало инициатором различных программ деятельности хозяйственных органов республики. В частности, им было предложено Совету народного хозяйства сосредоточить усилия на восстановлении и развитии сельского хозяйства, создании перерабатывающей промышленности, консервных фабрик, решении вопросов реализации продукции, выгодного обмена между регионами²¹.

Система представительств органов власти автономных областей на Северном Кавказе уже в 1920-е годы претерпела измене-

ния и в связи с преобразованиями в административном устройстве Российской Федерации, в частности, созданием в 1924 г. новых территориальных единиц – областей, краев применительно к югу России – Юго-Восточного, а затем Северокавказского края. Органы власти суверенных национально-государственных образований обязаны теперь были подчиняться по горизонтали краевому центру. В результате в административном управлении появилось еще одно промежуточное звено, что привело к увеличению аппарата управления, созданию ненужных структур, нарушению уже сложившихся связей.

Следует отметить, что представительства сыграли заметную роль не в плане поиска необходимых материальных ресурсов для своих национальных государственных образований, как это утверждают отдельные исследователи проблемы национальных отношений, а в выработке совершенно новых подходов в установлении связей между народами, в развитии экономики и культуры в национальных регионах страны. Вместе с тем анализ планов работ представительств при Президиуме ВЦИК показывает, что в условиях административно-командной системы перечень вопросов, подлежащих разрешению и «продвижению» в Москве, был слишком широк, задачи, вполне посильные местным органам власти, решались в Москве²². Безусловно, это сдерживало инициативу на местах и не способствовало развитию многоуровневой системы власти, федеративных отношений.

С образованием Северо-Кавказского края осуществлялось и совершенствование самого национально-государственного управления и регулирования. В 1920-е годы в СССР была создана сеть национальных районов и советов, образовано 250 национальных районов и 5300 сельских национальных советов. Например, на территории Северо-Кавказского края действовали 65 национальных районов и 86 национальных советов²³.

В качестве иллюстрации можно проследить распределение национальных советов в Кабардино-Балкарской автономной области. По данным 7 округов, к концу 1920-х годов функционировали 54 кабардинских сельских национальных совета, 21 балкарский, 18 русских и украинских, 3 немецких, 1 кумыкский, 1 еврейский, 1 осетинский. Всего 99 национальных советов²⁴. Все это свидетельствует о гибкости государственной политики в сфере национальных отношений в области, стремлении к вовлечению

в работу советов представителей местных народов. При этом особое внимание обращалось на состав органов власти. И это не случайно. Население национальных районов Северо-Кавказского края болезненно воспринимало назначение направляемых центром специалистов на руководящие должности в аппарате управления. Однако избежать недовольства не всегда удавалось, так как на местах, как в 1920-е годы, так и 1930-х ощущалась острая нехватка специалистов-выходцев из местных народов, знакомых с работой в органах государственной власти.

В дальнейшем, по мере утверждения командно-административной системы представительства, национальные районы и советы, признанные как неэффективные, были ликвидированы повсеместно в 1930-е годы. В указанный период наблюдается деформация национальной политики и при рассмотрении иных вопросов. Так, формально КБАО пользовалась самостоятельностью в вопросах, связанных с особенностью быта, нравов и обычаев народов, населяющих эту область. На деле велась борьба со многими обычаями и традициями, объявленными «тормозом на пути к прогрессу», «реакционными» и «невежественными». «Культурное и духовное возрождение» в ходе культурной революции нередко сочеталось с насильственной интернационализацией образа жизни, нивелировкой национальных различий.

С провозглашением автономии этнические общности Северного Кавказа получили более широкую возможность организовывать местные школы, суды, администрацию, создавать национальные кадры и приобщать их к делу управления областью, что отвечало задачам социалистического преобразования края. Все явления, признанные «несоветскими», искоренялись. Таким образом, автономная область как форма национальной государственности в полиэтничной федерации, борясь успешно с «дореволюционными пережитками», в то же время многое теряла в плане сохранения и развития этнической культуры. Происходил процесс разрушения национальных традиций, этнической самобытности.

Несомненно, успехи в строительстве новой жизни были бы еще более значительными, если бы не сказались просчеты административно-командной системы. Ошибки, искривления национальной политики, допущенные в 1920–1930-е гг., нанесли жестокий удар по основам интернационального единства

народов, успевших сложиться за первые послереволюционные десятилетия. Административно-командная система управления проникла во все поры общественной жизни, в том числе и в сферу регулирования национальными процессами; строго централизованная структура политической власти в стране разрушала принципы федерализма, лежавшие в основе создания СССР; репрессии и террор, которые Сталин обрушил на народы, привели к физическому уничтожению кадров национальной интеллигенции. Депортация народов в 1940-е годы возвели национальное насилие в ранг государственной политики. Практика сталинизма сама по себе порождала трудности в национально-культурном развитии народов, усугубляла и ужесточала на этой почве возникавшие межнациональные противоречия.

Вместе с тем деформации в сфере национальных отношений, утверждение административно-командной системы управления не могли приостановить процессы их объективного развития, а также строительства основ провозглашенного социализма. Автономные области шли по пути ликвидации фактического неравенства народов Северного Кавказа. Впечатляющими были успехи в ликвидации неграмотности и малограмотности, создании национальной интеллигенции, сыгравшей огромную роль в культурном развитии региона²⁵. Огромными усилиями горских народов при бескорыстной помощи многих регионов страны заново создавались промышленность, формировался национальный отряд рабочего класса. По своему составу он был многонациональным. На промышленных предприятиях трудились русские, украинцы, татары, армяне, представители коренных национальностей. Экономический рост автономных областей Северного Кавказа явился основой интернационального сплочения трудящихся региона. Определенные сдвиги были в области реконструкции сельского хозяйства.

С конца 1920-х до середины 1930-х гг. произошли существенные изменения в области взаимоотношений между союзными органами власти и республиканскими. Были значительно расширены права союзных органов власти, усилилась централизация союзного государства²⁶. Центр узурпировал многие права республик. Хозяйственная самостоятельность республик все более сужалась. В ряде случаев централизация стала осуществляться с нарушением провозглашенных ленинских принципов. Это

находило свое выражение в ущемлении суверенных прав союзных республик²⁷. Соответствующим образом развивались отношения между государственными органами союзных республик и автономных образований в их составе. Стремление союзных органов власти к централизации превратило по форме автономное, а по сути, унитарное Российское государство, в тоталитарное государство.

Прошедшие в стране перемены как политического, социально-экономического характера, так и национально-государственного устройства позволили приступить к разработке новой Конституции СССР. Она была принята 5 декабря 1936 г. Решение вопросов федеративных отношений, национально-государственного строительства базировалось в ней «на прежних принципах, но качественно ином уровне»²⁸. В статье 22 Конституции СССР 1936 г., устанавливавшей административно-территориальное деление РСФСР, наряду с Дагестаном статус автономных республик получили автономии Северная Осетия, Чечено-Ингушетия, Кабардино-Балкария.

Преобразование автономной области в автономную республику означало переход к более высокой форме национальной государственности – от административно-политической к государственно-политической. Особенность автономной республики состояла в том, что она, являясь составной частью союзной республики, осуществляла свою государственную власть на автономных началах лишь в области внутреннего самоуправления. Пределы компетенции автономной республики – в области законодательной, исполнительно-распорядительной и судебной власти, устанавливались при ее участии высшими органами союзной республики и Союза ССР.

Присущие автономной республике элементы государственного суверенитета выражались в территориальном верховенстве и в учредительной власти, которая заключалась в праве принятия Конституции, учитывающий ее особенности²⁹. Эти положения были отражены и в Конституции РСФСР 1937 г. Конституция автономной республики подлежала утверждению на уровне РСФСР. За органами власти РСФСР закреплялись такие полномочия, которые вполне могла осуществлять автономная республика. Более того, Конституция РСФСР регулировала и вопросы организации государственной власти автономных респу-

блик. Таким образом, с одной стороны, автономные республики можно рассматривать как форму государственного самоопределения наций, с другой – нельзя не отметить их неравноправие по отношению к союзным республикам, хотя и те, и другие являются частью единого союзного государства. Этот факт всегда сохранял в себе дестабилизирующий элемент³⁰.

В 1937 г. были утверждены проекты конституций вновь образованных автономных республик, составленные в полном соответствии с конституциями СССР и РСФСР. Так, Конституция Кабардино-Балкарской АССР провозглашала, что Кабардино-Балкария «входит в Российскую Советскую Федеративную Социалистическую республику в качестве одного из членов этой федерации»³¹. С преобразованием автономных областей в автономные республики положение о включении их в краевые объединения было пересмотрено. Это объяснялось той установкой, согласно которой национальное государственное образование не находилось бы в рамках административной единицы.

В Конституции РСФСР было зафиксировано, что Кабардино-Балкария имеет свою территорию. Она не может быть изменена без ее согласия. Говорилось и о символах – государственном гербе, флаге и гражданстве. Гражданин КБАССР является одновременно гражданином РСФСР и СССР³². Став государственным образованием, Кабардино-Балкария, как и другие автономные советские республики, получила свои высшие органы государственной власти – Верховный Совет и Президиумы Верховного Совета, Правительства, Совет Министров, а также министерства, иные центральные органы государственного управления и свой Верховный суд.

Представительство автономной республики в высшем органе государственной власти страны – Верховном совете СССР – с пяти депутатов по Конституции СССР 1924 г. возросло согласно Конституции СССР 1936 г. до 11 человек.

Специфика национальных проблем того или иного народа Северного Кавказа во многом была обусловлена государственно-административным статусом его автономии. Различие в статусе национально-государственного образования (союзная республика, АССР, АО) определяло их разные конституционные возможности в развитии национальной и этнокультурной жизни. То, что представлялось актуальным и приоритетным для наро-

да в условиях действия союзно-республиканской государственности, оказалось второстепенным для автономных республик и областей.

Сверхцентрализация государственной жизни к середине 1930-х годов, которая являлась основой политической системы сталинизма, по существу лишала реального содержания конституционные гарантии суверенитета советских национально-государственных образований, последовательно провозглашавшихся Конституцией СССР 1936 г.

Переход к более высокой форме государственности сопровождался ослаблением ее функций по удовлетворению национально-культурных интересов граждан. Главной особенностью господствовавших в то время политических умонастроений было утверждение о превосходстве классового и второстепенности, подчиненности национального при социализме. Под прикрытием необходимости борьбы против «национал-уклонизма» и «буржуазного национализма» начались массовые репрессии против партийных государственных деятелей, представителей творческой интеллигенции.

Наряду с этим накануне и в период Великой Отечественной войны была нарушена социалистическая законность в сфере межнациональных отношений и осуществлена депортация некоторых народов Советского Союза.

Развязывая войну против Советского Союза, гитлеровцы возлагали большие надежды на то, что первые же неудачи Красной Армии вызовут межнациональные распри, и многонациональное Советское государство быстро распадется. Для достижения этой цели они стремились использовать националистические идеи. Германия старалась исключить сопротивление со стороны кавказских народов и даже привлечь их на свою сторону, разработав с этой целью довольно либеральную политику, представлявшую возможность организации местного самоуправления. Планируя захват Кавказа, германское командование забрасывало сюда диверсионные и террористические группы. Среди некоторой части местного населения получило распространение уклонение от призыва в Красную Армию, дезертирство. В числе главных целей организации партий «Кавказских братьев» назывались: ускорение гибели большевизма на Кавказе во имя поражения России в войне с Германией; создание по мандату

Германской империи на Кавказе свободной федеративной республики; выселение из региона русских и евреев³³. Но ход событий опрокидывал расчеты врага, показывал беспочвенность и несостоятельность его надежд. В борьбе с фашистскими захватчиками крепло политическое, военное и экономическое сотрудничество народов страны. Этому способствовала и пропаганда национального единства, направленная на защиту Отечества.

Поражения первых месяцев войны, многочисленные попытки немцев дестабилизировать советский режим, используя политическое, национальное и социальное недовольство населения, оказало воздействие на некоторые аспекты сталинской идеологии. Русские ценности, национальные и патриотические, реабилитированные во второй половине 30-х гг., с новой силой прозвучали в речи Сталина, переданной по радио 3 июля 1941 г.³⁴

Кроме того, использовались и другие стимулы для подъема чувства национальной гордости нерусских народов страны. В противоположность обычной, всегда практиковавшейся политике в области строительства вооруженных сил, были сформированы несколько «национальных» соединений, укомплектованных гражданами отдельных союзных или автономных республик. Так, по решению Государственного Комитета Оборона СССР в ноябре 1941 года в Киргизской, Таджикской, Туркменской, Узбекской союзных, Башкирской, Калмыкской, Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской автономных республиках были сформированы 20 кавалерийских дивизий и 15 отдельных стрелковых бригад. В значительной степени они оснащались за счет местных бюджетов³⁵.

Политика национального единства нашла отражение также в компромиссе с православной церковью. Антирелигиозная пропаганда была прекращена сразу же после начала войны как ответ на лояльность, продемонстрированную высшими церковными властями³⁶. Аналогичные послабления, хотя и меньшего масштаба, были сделаны в отношении других вероисповеданий, прежде всего мусульманства. В октябре 1943 года в Ташкенте было создано Центральное управление мусульман. Избрание муфтия, засвидетельствовавшее в глазах правоверных добрую волю советской власти в отношении ислама, нарушило немецкие планы в Крыму и на Кавказе³⁷.

Патриотизм, большая терпимость, антифашизм – все эти компоненты политики СССР вызывали отклик и далеко за его

пределами. Они углубили, в частности, уже существовавшее размежевание в русской послереволюционной эмиграции, насчитывавшей еще около миллиона человек, из которых 400 тысяч – во Франции. Нацистской Германии удалось завербовать к себе на службу лишь меньшую часть эмигрантов, самых безудержных и готовых на все ради мести³⁸.

Наряду с мерами, направленными на объединение всего советского общества на защиту Отечества, режим Сталина предпринял чудовищные акции, связанные с наказанием целых народов.

Политика репрессий против отдельных национальных групп в Советском Союзе отработывалась еще в предвоенный период, и находилось в зависимости от отношений с тем или иным государством. Так, еще до войны были выселены из районов их проживания советские корейцы, в 1939–1941 гг. – поляки. С началом войны депортации подверглись советские немцы и финны. В виде превентивной меры была ликвидирована автономная республика немцев Поволжья. Из-за подозрения, что захватчики получают помощь и поддержку с их стороны, все население республики (свыше 300 тыс. человек) было согнано со своих земель и выслано в различные области Сибири и Казахстана. Всего за 1941–1942 гг. из Поволжья, Украины и Крыма было депортировано 1,2 млн. немцев. Из них формировались трудовые армии и рабочие колонны, занятые на строительстве заводов и железных дорог.

В 1943–1944 годы были депортированы карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары. Все эти народности были лишены автономных государственных образований. В нарушение Конституции СССР было упразднено Указами Президиума Верховного Совета СССР 5 автономных образований (Карачаевская автономная область, Калмыцкая АССР, Чечено-Ингушская АССР, Крымская АССР, Кабардино-Балкарская АССР была переименована в Кабардинскую АССР). В этих указах содержалась единая формулировка обоснования предпринимаемых репрессивных мер – измена Родине, вступление в организованные немцами вооруженные отряды, оказание фашистским оккупантам помощи в качестве проводников на Кавказских перевалах, участие в бандформированиях на освобожденных территориях. Без попыток выяснения индивидуальной ответственности депортации подлежало все население указанных национальностей. Независимо от возраста или поведения

все они, следовательно, и коммунисты, руководители местных Советов, были насильно выселены в малонаселенные районы Сибири и Средней Азии, где им пришлось селиться разрозненными группами.

По данным НКВД к осени 1944 года общее число выселенных за время войны составило 1514000 человек. Многие представители репрессированных народов – карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы воевали в рядах Красной Армии. Однако репрессии затронули и их. По всем фронтам были изданы специальные приказы о направлении их на поселение или аресте по обвинению в измене родине. У них изымались военные билеты, им запрещалось ношение погон.

Акцию депортации народов нельзя было оправдать даже ссылками на требования войны. Поэтому она была проведена без какого бы то ни было официального оповещения: достоянием гласности она стала лишь 12 лет спустя, когда о ней рассказал Н.С. Хрущев в своем знаменитом «секретном докладе» на XX съезде партии.

Лишенные государственности, эти народы были переведены в статус «спецпереселенцы». Это имело тяжелые последствия для всей последующей истории депортированных народов³⁹.

В конце 1950-х годов необоснованные обвинения с депортированных народов были сняты. 9 января 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указы «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР», «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область», «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР». Была восстановлена государственность балкарского, карачаевского, чеченского и ингушского народов. Они возвратились на свою историческую родину⁴⁰. Однако и в условиях послесталинского периода в СССР, накопившиеся в сфере национальных отношений проблемы упорно игнорировались, хотя и существовало понятие того, что возрастание значения этнического фактора во внутренней жизни государства может в конечном итоге оказаться губительным для самой системы. Осуществлялся определенный поиск выхода из возникших трудностей, но, к сожалению, не на путях принятия трезвых и адекватных решений. Большей частью использовался испытанный прием принятия директивных постановлений.

Процесс десталинизации, начатый XX и XXII съездами партии, не коснулся многих сторон жизни. В частности, механизм политико-государственных взаимоотношений центральной власти и ее местных органов остался без существенных изменений, достаточно ясно просматривалось отсутствие республиканского суверенитета.

Такое положение осталось и в Конституции СССР 1977 г. В качестве основы организации и деятельности Советского государства Конституцией утверждался принцип демократического централизма. Но в главе 1 «Политическая система» не оговаривался федеративный характер государства. В статье 9 этой главы 1, разъяснявшей направления развития политической системы советского общества, отсутствовал вопрос о совершенствовании союзного государства как федерации.

Статья 70 Конституции гласила: «СССР олицетворяет государственное единство советского народа, сплачивает все нации и народности в целях совместного строительства коммунизма». Следует отметить, что все предыдущие Конституции были декларативными и не имели механизма реализации их положений, хотя провозглашенные в них правовые нормы звучали привлекательно. Конституции автономных республик Северного Кавказа, принятые во второй половине 1970-х годов, названы в литературе «отголоском брежневской Конституции»⁴¹, так как они полностью соответствовали Конституции РСФСР, а последняя – Союзной Конституции.

1960–1980-е гг., с одной стороны, характеризовались появлением в Северокавказском регионе: качественно новых, современных отраслей промышленности, в том числе социально бытового производства; коренными преобразованиями в жизни трудящихся города и села, повышением их материального состояния и культурного уровня; с другой стороны – продолжалось разрушение этнического самосознания, культуры, происходила языковая ассимиляция.

Одной из главных исторических инноваций периода «развитого социализма» стала Концепция «советского народа», как новой исторической общности. Поскольку она органично была связана с идеологической парадигмой, то несла на себе ее «родимые пятна». В частности, при пропаганде признаков новой общности звучала идея о слиянии наций. Официальный тезис о решении национального вопроса в СССР (суть «в том» или дру-

гом виде) позволял давать именно такую интерпретацию национальным отношениям.

Во второй половине 1980-х годов национальная политика стала одной из составляющих «перестроечного процесса». Работа в этом направлении велась, в том числе и на организационном уровне. В 1987 г. в аппарате ЦК КПСС создается сначала подраздел, а затем – отдел по национальным отношениям, в который были приглашены специалисты с мест, представляющие разные национальности.

Впервые о существовании противоречий в сфере межнациональных отношений было заявлено в начале 1980-х годов. В резолюции «О межнациональных отношениях», принятой на XIX Всесоюзной конференции КПСС 28 июня – 1 июля 1988 г., отмечалось, что в СССР «абсолютизировались достигнутые результаты в решении национального вопроса, утверждались представления о беспроблемности национальных отношений»⁴².

Связывая обострение национальных проблем с недостатками в развитии Союза ССР, органы государственной власти пошли не по пути усиления центристских начал с опорой на большинство населения, а по пути расширения прав республик, утверждая, вслед за националистами, что все беды идут не от порочного принципа национально-государственного устройства Союза, а от недостаточного развития. Был выбран путь поощрения децентрализации, передачи республикам целого ряда управленческих функций, перехода на принципы хозрасчета, установления прямых хозяйственных связей. Была поддержана идея придания языкам титульных наций статуса государственных. Тем не менее, на практике никаких новшеств в правовой статус союзных и автономных республик, автономных областей и автономных округов не вносилось. В национальной политике ЦК КПСС дальше кадровых перемещений не пошел. Однако демократизация общественно-политической жизни и гласность в годы перестройки обнажили десятилетиями накопившиеся проблемы в экономической, социальной, политической и духовной сферах, а также в области межнациональных отношений. Обществом все отчетливее осознавалось несоответствие между декларируемыми целями развития «социалистических наций» и реальным их состоянием. Это означало признание кризиса прежней формы национальной государственности. Убеждение в ее нежизнеспособности сочеталось с почти полным отсутствием

нормативных и институциональных основ перестройки системы национальной государственности.

В сентябре 1989 г. состоялся Пленум ЦК КПСС по национальному вопросу, предложивший значительно расширить права союзных республик, разграничить полномочия союзного центра и республик, придать новый статус автономным образованиям⁴³. Руководствуясь решениями пленума, Президиум Верховного Совета СССР принял постановление о первоочередных мерах по совершенствованию законодательства СССР в области межнациональных отношений. Верховным Советом СССР были предоставлены широкие права в экономике республикам Прибалтики, Белоруссии, Свердловской области. На Политбюро прозвучала идея создания нового Союзного договора.

Таким образом, в условиях советской власти многие народы обрели различные формы национальной государственности, преодолели социально-экономическую отсталость. Эти успехи в решении национального вопроса абсолютизировались, целые десятилетия сфера национальных отношений была вне критики, делался вид, что никаких проблем, противоречий здесь не существует. На общем фоне исторических достижений социализма в национальном вопросе были допущены серьезные ошибки, деформации и даже преступления. Они проявились:

- в разрыве форм национально-государственного строительства на Северном Кавказе с традициями, практикой межэтнических отношений в этом регионе, опытом дореволюционной России в целом;

- в отсутствии четких критериев при выборе форм национальной государственности. В одной политической ситуации такими критериями являлось право наций на самоопределение, в другой – экономическая целесообразность, а в третьей – политическая конъюнктура и т.д.;

- в лишении целой группы народов Северного Кавказа (шапсуги, армяне, немцы, ногайцы, абазины и др.) какой-либо формы национальной автономии;

- в извращении принципов федерализма в межнациональных отношениях, постепенном сужении суверенных прав республик и автономий (в частности, диктат ведомств, как центральных, так и местных, в сфере экономики, экологии, социального развития культуры, науки);

– в нарушении социалистической законности в сфере межнациональных отношений (выселение отдельных народов, репрессии 1930–1940-х годов, необоснованные обвинения в национализме и шовинизме и др.), недостаточном внимании к развитию отдельных народностей и национальных групп;

– в наличии застойных явлений в идеологии, которые проявлялись в теории и практике межнациональных отношений: ошибочная трактовка тезиса о сближении и слиянии наций; линия на унификацию, отождествление в ряде случаев национального и националистического; догмы о достигнутом фактическом равенстве всех наций и народностей; отсутствие проблем межнациональных отношений в стране в целом; снижение уровня научных разработок и свертывание научных дискуссий.

Примечания

1. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918), Горская республика (1918–1920). Документы и материалы. Махачкала, 1994. С. 52.

2. Там же. С. 50.

3. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: исток, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 39.

4. Сборник официальных документов по советскому государственному праву. М., 1964. С. 128.

5. Россия 1917–1941. Документы, материалы, комментарии. (Сост. *Лукьянов М.Н.*). Пермь, 1993. С. 150.

6. Съезды народов Терека. Орджоникидзе, 1977. Т. 1. С. 224.

7. Документы по истории борьбы за советскую власть и образование автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922). Нальчик, 1983. С. 139, 141.

8. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ, 1917–1941. Майкоп, 1995. С. 208.

9. Там же. С. 65.

10. Документы по истории борьбы за Советскую власть... С. 624–625.

11. ЦГА КБР. Ф. 201. Оп. 1. Д. 17. Л. 60–61; Ф. 2. Оп. 2. Д. 4.

12. См. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ. 1917–1941 гг. Майкоп, 1995.

13. *Ансоков М.Г.* Образование и развитие национальной советской государственности народов Кабардино-Балкарии (1917–1936 гг.). Нальчик, 1974. С. 207–210; *Коницев Ю.* Автономия народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1973. С. 97–120.

14. ГАРФ. Ф.-Р. 4085. Оп. 12-а. Д. 193. Л. 5.
15. Там же. Л. 3.
16. Конституция и конституционные акты РСФСР 1918–1937 гг. М., 1940. С. 90. Док. 48.
17. См.: ГАРФ. Ф.-Р. 1318. Оп. 25. Д. 3. Л. 90.
18. *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент». Майкоп, 1994. С. 170.
19. Там же.
20. См.: *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Указ. соч. С. 178.
21. Там же. С. 180.
22. См.: ЦГА КБР. Ф.-Р 8. Оп. 2. Д. 59. Л. 1–6.
23. См.: *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. М., 1995 и др.
24. ГАРФ. Ф.-Р 235. Оп. 124. Д. 93. Л. 59.
25. См.: Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995. С. 245–280.
26. Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917–1936 гг.). М., 1968. С. 447.
27. Там же. С. 450.
28. *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Федерализм в истории России. Кн. 1. С. 323.
29. *Кониев Ю.И.* Автономия народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1973. С. 180.
30. *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Федерализм в истории России. М., 1993. Кн. 3. С. 103.
31. ЦГА КБР. Ф.-Р. 8. Оп. 2. Д. 61.
32. *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Указ. соч. С. 345.
33. *Алиев К.-М.И.* В зоне Эдельвейса. М.: Илекса; Ставрополь, Сервис школа, 2005. С. 38–48.
34. Совершенно секретно. Только для командования. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 150.
35. История КПСС в 6 томах. М., 1970. Т. 3. Кн. 1. С. 311.
36. *Куроедов В.Н.* Из истории взаимоотношений Советского государства и церкви. Вопросы истории, 1973. № 9. С. 28–29.
37. *Верт Н.* Верт Н. История советского государства. 1990–1991 / Пер. с франц. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 287.
38. *Боффе Дж.* История Советского Союза. (Пер. с итальян.) М.: Международные отношения, 1990. Т. 2. С. 162–163.
39. *Сабанчиев Х.-М.А.* Были сосланы навечно. Депортация и реабилитация балкарского народа. Нальчик, 2004. С. 125; См. также: *Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов.* Кавказ: народы в эшелонах. (20–60-е годы). М., 1998; Ак-

киева С.И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской республике (постсоветский период). М., 2002, и др.

40. Там же.

41. Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995. С. 40.

42. Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988. С. 134–135.

43. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 19–20 сентября 1989 г. М., 1989. С. 443, 205–211.

A.I. TETUEV

NATIONAL POLICY IN THE NORTH CAUCASUS DURING THE SOVIET POWER: GENERAL CHARACTERISTICS (1917–1985 BIENNIUM)

The features of the national policy of the Soviet state in the North Caucasus in the different stages of formation and development of the society are revealed. The problems of creation and development of various forms of national statehood of the peoples of the North Caucasus and achievements in overcoming social and economic backwardness are analyzed. Serious faults and deformations made in the national policies are revealed.

Keywords: national policy, Congress, people, autonomy, National Councils, constitution, industry, national culture, deformation, patriotism, deportation, rehabilitation, national problems.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ И НАЧАЛО БОРЬБЫ С ПОЛИТИЧЕСКИМ БАНДИТИЗМОМ В 1920 Г.

В статье рассматривается общественно-политическая ситуация в Кабардино-Балкарии после окончания Гражданской войны. В ней анализируется деятельность большевиков по восстановлению советской власти в Нальчикском округе, в основе которой лежала замена Народных Советов, созданных в 1918 г, на чрезвычайные органы власти – ревкомы и механизм их осуществления. Эти мероприятия новой власти явились одной из главных причин начала борьбы вооруженной политической оппозиции в 1920 г.

Ключевые слова: Гражданская война, Народный Совет, революционный комитет, Б.Э. Калмыков, Нальчикский окружной ревком, вооруженная политическая оппозиция,

После разгрома внутренней и внешней контрреволюции и окончания Гражданской войны перед страной встала грандиозная задача восстановления разрушенного хозяйственного комплекса. Решение этого вопроса большевики жестко увязывали с осуществлением национально-государственного строительства на основе ленинской национальной политики. В связи с этим ВЦИК издал постановление «Об образовании комиссии по разработке проекта Федеративного устройства Российской Федеративной Социалистической Республики»¹ и 5 января 1920 года утвердил комиссию по организации этой работы.

В условиях северокавказского региона с чрезвычайно сложной полиэтнической и поликонфессиональной структурой, эти задачи имели особое значение. В основу их реализации были положены вполне конкретные и прагматичные цели – обеспечение стабильного и прочного развития страны на основе претворения в жизнь решения партии по национальному вопросу. В связи с этим встал вопрос о власти. Народные Советы, созданные в 1918 году, исчерпали себя в годы Гражданской войны. Вос-

становивать их в том виде, в котором они существовали, не имело смысла, поскольку существовавшая до Гражданской войны система выборов не гарантировала от проникновения чуждых элементов в Советы. Поэтому восстановление большевистской власти в Кабарде и Балкарии начинается с создания чрезвычайных органов власти – ревкомов.

Особенность политической ситуации на Северном Кавказе заключалась в деятельности ревкомов со своими особыми внесудебными полномочиями. В условиях Кабардино-Балкарии этот орган революционного насилия возник за пределами Нальчикского округа.

В конце декабря 1919 года решением Кавказского краевого комитета РКП(б) в г. Тифлисе был утвержден Кабардино-Балкарский ревком в составе 3-х человек. В него вошли Б. Калмыков, М. Энеев, Н. Катханов. На этом этапе одной из главнейших задач этого чрезвычайного органа явилась консолидация антиденикинских сил и мобилизация населения округа на борьбу против белогвардейцев. Поэтому штаб Терской областной группы красных повстанческих войск уделял большое внимание деятельности кабардинского ревкома, как наиболее организованной силе для восстановления советской власти в округе. В связи с этим 5 марта 1920 г. окружной ревком был укреплен новыми лицами. Ввиду неприбытия на место работы М.А. Энеева, последний был исключен из членов ревкома и включены З. Мидов, Х. Карашаев, Х. Акаев².

Следует отметить, что к этому времени в Кабарде и Балкарии возможностей для организации в широком масштабе коммунистических ячеек среди горского населения еще не было по объективным причинам. В связи с этим наиболее приемлемой формой углубления революционной борьбы в этот момент явилась организация комитетов революционных горцев, стоявших на платформе советской власти³. Тем не менее, созданное в начале февраля 1920 г. Бюро по восстановлению советской власти на Северном Кавказе под председательством Г.К. Орджоникидзе, разворачивало широкую агитационно-пропагандистскую работу среди населения края.

10 (23) марта 1920 г. в Нальчик вступили революционные войска Кабардино-Балкарии под командованием Н.А. Катханова. Он обратился с воззванием к населению города, в котором он призвал всех граждан «<...> забыть личные дразги и приняться общими

силами за строительство нашей общей разрушенной жизни»⁴. В своем обращении он заявил, что революционные войска, вступившие со мной в Нальчик, проникнуты единственным желанием защитить интересы всего народа. В заключении он провозгласил лозунг «Долой месть! Долой расстрелы! Да здравствует Советская власть, шариат и объединение народа! Да здравствует Совет Народных Комиссаров»⁵.

В этих условиях с первых дней восстановления советской власти в Кабардино-Балкарии начался процесс организации сельских и станичных ревкомов.

Небезынтересно отметить деятельность Пятигорского ревкома по организации ревкомов в близлежащих кабардинских селах Нальчикского округа. Он вел активную организационно-пропагандистскую работу среди сельчан. Так, например, 20 марта 1920 г. Пятигорский ревком организовал встречу с делегациями жителей села Кармово и Абуково для обсуждения вопроса создания сельских ревкомов в этих населенных пунктах.

Заслушав намерения делегаций селений Кармово и Абуково, Пятигорский ревком призвал жителей указанных сел создать революционный комитет в каждом и избрать ревком из 5 человек. Пятигорский ревком обещал утвердить такие постановления общих собраний жителей селений Кармово и Абуково, как только они будут приняты⁶.

Спустя несколько дней, т.е. 26 марта состоялось общее собрание жителей селения Абуково, на котором было принято постановление: «создать из среди себя революционный комитет из пяти человек, а именно: Асхада Бженикова, Худа Вакажева, Лукмана Бжахова, Нуха Хакирова – которому предлагаем сейчас же вступить в исполнение своих обязанностей по управлению селением»⁷.

24 марта по распоряжению политического комиссара 298 пехотного стрелкового полка был «<...> организован Ново-Ивановский сельский ревком в составе 5 человек: председателя, двух товарищей его, письмоводителя и сторожа, принадлежащих к партии большевиков»⁸.

Несколько позже состоялось аналогичное собрание жителей селения Кармово и был избран ревком в составе пяти человек.

Таким образом, появились первые ревкомы на территории Кабардино-Балкарии, которые возглавили борьбу за строитель-

ство новой, доселе неведомой жизни, принесшей много бед и страданий невинным людям.

После восстановления советской власти в Кабарде и Балкарии 30 марта 1920 года приказом № 1 Нальчикский окружной ревком объявил себя верховной властью в округе до созыва съезда Советов. Тем же приказом были избраны: Б. Калмыков – председатель ревкома, секретарь, казначей и три члена ревкома.

Согласно инструкции в ревкоме были созданы два отдела: военный и организационно-агитационный⁹. Руководителями военного отдела был назначен Н. Катханов, организационно-агитационного отдела – З. Мидов.

Одной из главных задач окружного ревкома явилось поддержание революционного порядка, подавление антибольшевистских выступлений, проведение в жизнь распоряжений вышестоящих партийных и советских органов, информирование последних об общественно-политическом и экономическом положении в Нальчикском округе.

По мере усложнения функций окрревкома, в нем появлялись новые отделы: медико-санитарный, отдел внутреннего управления, шариатский отдел, земельный отдел, отдел народного образования и др.¹⁰. Заведующими вышеперечисленными отделами были назначены соответственно: Измаил Абаев, Юсуф Настуев, Касим Шогенцуков, Заракуш Мидов, Батыр (Батий – А.К.) Хуранов¹¹.

31 марта 1920 г. на базе Бюро по восстановлению советской власти на Северном Кавказе был учрежден Северо-Кавказский революционный комитет под председательством Г.К. Орджоникидзе. Его заместителем был утвержден С.М. Киров.

Постановлением Северо-Кавказского ревкома 8 апреля 1920 г. был образован Терский областной революционный комитет.

Их задача состояла в том, чтобы, наряду с организационно-хозяйственной и политической деятельностью, обеспечить благоприятные условия для передачи власти Советам, сформированным на новых основах. Было принято положение, согласно которому княжеско-дворянские сословия, а также служители духовенства и кулачество были поражены в избирательных правах с тем, чтобы предотвратить проникновение антибольшевистских элементов в органы советской власти. А такая опасность реально существовала. Об этом свидетельствуют сведения, содержащиеся в докладной записке инструктора Северокавказ-

ского краевого комитета партии Крайкому о состоянии партийной работы в Нальчикском округе от 20 июня 1920 года. В ней отмечалось, что «... в Нальчикском округе находятся значительные остатки деникинских банд, ведущие агитацию против советской власти. С целью борьбы с деникинцами Нальчикское окружное партбюро мобилизует всех партийных товарищей, пострадавших при белых, для борьбы с остатками деникинских банд. Дерзость последних слишком бросается в глаза, а их «нашептывание» влияет на бессознательную массу»¹².

Не менее важной задачей деятельности окружного ревкома было разрушение частновладельческого землепользования и завершение аграрной реформы, начатой еще в 1918 году.

В качестве приоритетного направления практической деятельности окружной ревком поставил задачу ликвидации последствий военных действий в Нальчикском округе и создания возможности для населения начать нормальную жизнь.

В основе реализации этого плана лежало беспощадное уничтожение всех оппозиционных сил во всех его формах и проявлениях. В связи с этим Терский областной ревком разрешил Нальчикскому окружному ревкому назначить по своему усмотрению участковые ревкомы, явившимися промежуточными органами власти и связывавшие окружной ревком со станичными и сельскими ревкомами. Участковые ревкомы были организованы во всех четырех участках Нальчикского округа – Баксанском, Нальчикском, Урванском и Мало-Кабардинском.

Большую роль в решении намеченных задач отводилась местным и участковым ревкомам. Поэтому после образования Нальчикского окружного ревкома органы власти приступили к организации местных ревкомов.

Так, 4 апреля 1920 г. постановлением Нальчикского окружного ревкома был создан Нальчикский городской ревком из 6 лиц с полным подчинением окружному ревкому.

Этим же постановлением в порядке усиления карательной службы на должность комиссара Нальчикской тюрьмы был назначен Митрофан Озерец. Для наведения должного порядка в тюрьме ему было выделено 15000 рублей¹³.

Одновременно предпринимались меры по усилению силового сопровождения создания сельских, аульских, поселковых и станичных ревкомов. В связи с этим 14 апреля окружной рев-

ком ликвидировал главный штаб революционных войск Нальчикского округа и вместо него образовал Управление Нальчикской окружной народной милиции. Начальником Управления был назначен Н. Катханов. На содержание окружной милиции Н. Катханову было отпущено 500 000 рублей¹⁴.

После проведения ряда организационных мероприятий в округе началось повсеместное создание ревкомов, которое осуществлялось во второй половине апреля и в мае 1920 г.

Особенность деятельности ревкомов в условиях Кабардино-Балкарии состояла в том, что вплоть до 17 апреля, т.е. до принятия постановления об упразднении сельских советов и комиссаров и организации революционных комитетов в селениях округа на местах существовали наряду с окружным ревкомом советы¹⁵. В принципе между ними не было никаких разногласий. Обоим они были призваны решать одну и ту же задачу – строительство социалистического общества. Разница состояла только в полномочиях.

Революционные комитеты, будучи чрезвычайными органами управления, были наделены широкими полномочиями для организации борьбы, прежде всего, против антибольшевистских сил. Это было признанием того факта, что Северный Кавказ, в состав которого входил и Нальчикский округ, находился еще в состоянии «малой» гражданской войны.

После принятия окружным революционным комитетом постановления о повсеместном переходе власти к ревкомам для их организации в селах Кабарды и Балкарии направлялись инструкторы, снабженные мандатами окрревкома. В мандате четко было прописано, что одной из главных задач является «<...> наблюдение за выборами сельских революционных комитетов*, а также соби́рание сведения о лицах, находящихся в настоящее время у власти, замеченных в контрреволюционных покрывательствах»¹⁶.

В последнем заключалась роль посланцев окрревкома в селах, станицах и аулах Кабарды и Балкарии.

Под неослабным контролем инструкторов, в числе которых были А. Мусукаев, М. Есеноков, Белик, Х.Мамбетов и др. в селениях округа на сходах и собраниях создавались революционные комитеты. Так, 22 апреля 1920 г. на общем собрании жителей селения Безенги был создан сельский ревком (председатель – М. Депуев). На следующий день, т.е. 23 апреля были созданы ревкомы в

* Состав ревкома назначался, а не выбирался, как указано в тексте.

сел. Хулам, Урусбиево, Нижнее Кажоково (председатели – соответственно З. Апшаев, Т. Ахматов, Т. Фомитов), 26 апреля в Кесаево¹⁷.

В сел. Хапцева 30 марта 1920 г был организован сельский народный совет, который был ликвидирован 27 апреля того же года и создан сельский ревком во главе с Х. Хатуковым.

Революционные комитеты были организованы в станице Александровской 10 мая, в сел. Кызбурун II 22 июня 1920 г.¹⁸

По данным отдела внутреннего управления Нальчикского окружного революционного комитета с 23 марта были созданы ревкомы в 74 населенных пунктах Кабарды и Балкарии. Из них 4 станичных – Александровский (10 мая), а в трех станицах: Марьинский, Солдатский,

Котляревский ревкомы были образованы 23 мая 1920 г.

13 ревкомов возникли на территории Балкарии¹⁹.

Сельские ревкомы были созданы почти по единому образцу. По крайней мере в них были организованы в обязательном порядке военные и земельные отделы, а также группы народной милиции.

К концу мая 1920 года в Нальчикском округе завершилась организация революционных комитетов, взявших на себя руководство экономической, политической и культурной жизнью народов Кабарды и Балкарии.

Сложилась жесткая система власти, ядром которой выступали революционные комитеты с неограниченными правами. Другими словами, «военная диктатура Деникина сменилась диктатурой ревкомов»²⁰.

В то же время завершилось создание местных ревкомов в Терской области.

5 июня 1920 г. председатель Нальчикского ревкома Б. Калмыков дал интервью сотруднику газеты «Коммунист», органа Терского областного ревкома и обкома РКП(Б), в котором он заявил: «Во всех кабардинских селениях и аулах есть ревкомы, при них находятся народная милиция. Всюду совершенно спокойно. Население с большой любовью и уважением относится к советской власти и в лице каждого советского человека видит как бы своего освободителя.

К расквартированным в Кабарде и проходящим через нее красным войскам население относится более чем дружелюбно, несмотря на производившиеся реквизиции скота и хлеба в большом размере²¹».

Этот идиллический образ, созданный самим Б. Калмыковым, не мог реально существовать, поскольку документы того времени за подписью самого Б. Калмыкова опровергают это утверждение. Так, в приказе № 56 Нальчикского окружного ревкома от 20 июня 1920 г. «Предписывается сельским ревкомам, начальникам отрядов милиции, находящимся в селениях округа и другим должностным лицам и учреждениям округа, до кого это касаться будет, непременно к 1-му числу июля сего года, с особым нарочным, доставить в отдел внутреннего управления ревкома обвинительные материалы на всех лиц, заключенных в Нальчикском месте заключения (Окружная тюрьма) в форме протоколов дознаний, с точным указанием в них данных обвинения, послуживших основанием к заключению в тюрьму, подтвержденными свидетельскими показаниями или какими-либо другими фактами обвинения в том или ином поступке или преступлении.

За неисполнение настоящего приказа в срок или неточное исполнение, виновные должностные лица и учреждения будут преданы суду ревтрибунала. Предревкома Б. Калмыков. Секретарь Ломако²².

Ревтрибунал как грозный репрессивный инструмент, действовал на мирных людей почти безотказно и весьма эффективно.

Следует подчеркнуть, что с первых дней восстановления советской власти в Кабарде и Балкарии правящая политическая элита развернула небывалую партийно-политическую агитацию по вытравливанию из памяти народов округа имена наиболее авторитетных и образованных людей, чьи фамилии носили селения округа. Так, 30 апреля Нальчикский окружной ревком потребовал от сельских ревкомов к 15 мая представить в окружной ревком приговора о переименовании всех селений округа, носящих названия по фамилии своих князей и дворян, дав им другие названия по усмотрению общества. «Селения, не представившие к указанному сроку таких приговоров, считать контрреволюционными и подлежащими наказанию»²³. Под угрозой военного трибунала приговоры были представлены в окружной ревком в назначенный срок и 8 июля 1920 г. был опубликован приказ № 72 Нальчикского окружного ревкома о переименовании селений. В приказе говорилось: «Селениям Нальчикского округа, носившим названия по фамилиям своих князей и уздней, с сего числа присваиваются новые названия.

Должностные лица, которые будут применять старые названия селений после опубликования сего приказа, будут предаваться суду ревтрибунала²⁴.

На фоне таких прямых угроз властей в адрес жителей села, которые потенциально могли бы воспрепятствовать этому процессу, утверждение окрревкома, что причиной переименования селений явилось требование нервированной демократии (так в тексте – А.К.), а он лишь исполнил волю, выраженную трудовым народом»²⁵, выглядит совершенно абсурдным.

В Нальчикском округе в течение трех месяцев действовали ревкомы. Этот период ознаменован осуществлением важнейших мероприятий по совершенствованию системы власти.

С точки зрения вышестоящих партийных и советских органов в условиях перехода к мирной жизни назначаемые ревкомы стали тормозом развития социалистической демократии и, якобы, они стали мешать трудящимся активно участвовать в управлении государством. На самом деле, выборные компании в советы явились одним из мощных инструментов усиления политических репрессии, лишения избирательных прав граждан, неугодных властям и нарушения прав личности. Поэтому под руководством окружной партийной организации началась активная работа по подготовке к проведению, исключительно важной по своему политическому значению, компании по выборам в Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

В конце июня 1920 г. было разработано «Положение о сельских Советах», в котором определялась процедура выборов в Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов²⁶. После опубликования данного «Положения» была создана Нальчикская окружная комиссия по подготовке к выборам Советов. Она обратилась к населению округа с воззванием, в котором говорилось: «Граждане, наступает момент, когда вам самим придется приступить к устройству своей жизни через своих выборных. Помните, граждане, все ваше благополучие будет зависеть от того, кого вы сумеете поставить к власти. Не выбирайте приспешников кадетов, переменивших свою шкуру только теперь, – они будут тормозить ваше дело, не выбирайте торгашей совестью, они продадут вас за ваше доверие, помните, одни большевики никогда не изменяли народному делу, терпя голод, холод, беспрос-

ветную нужду, и умирали они, добывая вам свободу – им надо дать место в ваших советах самим поучиться от них работе»²⁷.

29 июня Нальчикский окружной ревком направил циркулярное предписание сельским ревкомам о проведении выборов в местные советы и о выборе делегатов на окружной и областной съезды Советов. В соответствии с этим сельские ревкомы под руководством инструкторов, направляемых окрревкомом к ним, как это было при выборах сельских ревкомов в апреле-мае 1920 г., провести выборы сельских советов обязательно в срок с 10 до 20 июля сего года²⁸.

В полном соответствии с предписанием окружного ревкома были проведены выборы в сельские советы.

25 июля того же года состоялся окружной съезд.

31 июля 1920 г. был издан приказ Нальчикского окружного исполнительного комитета о переходе всей власти в округе исполкому. В нем сообщалось, что «первый окружной съезд представителей Советов Нальчикского округа в заседании своем избрал Нальчикский окружной исполнительный комитет в следующем составе: тт. Калмыков, Мидов, Кирочкин, Клопцов, Фаддеев, Настуев, Кирсанов, Энеев, Мусукаев, Лашхи, Шекихачев, Карашаев, Максидов, Кокожев, Акаев, Шогенцуков, Катханов.

Названный исполком в указанном составе 1 августа вступил в исполнение своих обязанностей и в заседании своем 1 августа избрал президиум в составе: председатель т. Калмыков, товарищи председателя – Фаддеев и Гемуев.

Были созданы отделы: внутреннего управления, заведующий – т. Лашхин, финансовый отдел – Хуранов, труда и собеса – т. Белик, коммунального хозяйства – т. Кирочкин, ветеринарным управлением ветврач т. Останков, здравоохранения – т. Абаев, земельным отделом – Мидов.

Членом коллегии земотдела – т. Клопцов. Заведующий отделом народного образования – т. Энеев»²⁹.

С 5 по 10 августа 1920 г. во Владикавказе состоялся первый съезд Советов на Тереке. Он подвел итоги работы, проведенной областным ревкомом, наметил очередные задачи социалистического строительства и избрал исполком Советов Терской области.

С избранием окружного исполкома и проведением первого областного съезда Советов завершился переход от ревкомов к Советам.

Первые месяцы после восстановления советской власти на Тереке ознаменовались началом национально-государственного обустройства горских народов края. Этому предшествовали мероприятия Центра по выяснению общественно-политической ситуации на Северном Кавказе. Так, в сентябре 1920 г. за подписью Г.К. Орджоникидзе по всем национальным областям региона была разослана телеграмма, в которой говорилось: «Согласно предложению Наркомнаца тов. Сталина прошу в срочном порядке ответить на следующие вопросы: первый – экономическое и политическое положение горцев; второй – какие меры необходимы для улучшения жизни горцев. Ответы направить тов. Сталину за подписью товарищей, принимавших участие в обсуждении и разрешении поставленных вопросов»³⁰.

Через некоторое время, т.е. 29 октября Терский областной исполком разослал всем предисполкомам области циркуляр, в котором сообщалось, что «<...> по распоряжению народного комиссара по Национальным делам тов. Сталина ,15 ноября сего года созывается всенародный съезд Терской области»³¹.

Накануне очередного съезда в округе, как и в области, развернулась широкая агитационно-пропагандистская работа по нейтрализации антисоветских элементов и недопущению скрытых врагов советской власти к работе созываемого съезда. Он открылся во Владикавказе 17 ноября 1920 г. Заслушав декларацию наркомнаца И.В. Сталина о даровании трудовым массам Терка Автономной Советской Горской Республики, съезд провозгласил образование ГАССР, в основе которой лежала идея нерушимого единства и братства горских народов Терека. Однако, через несколько месяцев Кабарда, потеряв более 138 тысяч десятин земли, с большим трудом вырвалась из этой пресловутой ГАССР и в сентябре 1921 г. добилась образования Кабардинской автономной области в составе РСФСР.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что интенсивный процесс формирования ревкомов на Северном Кавказе проходил в то время, когда в центральных районах страны начался переход от ревкомов к Советам, обусловленный стабилизацией общественно-политической ситуации и созданием благоприятных условий демократизации общества на основе большевистской идеологии. Именно с этим было связано постановление «Об упразднении губернских и уездных революционных комитетов»,

принятое в январе 1920 года, в котором допускалась возможность сохранения ревкома на случай необходимости. А необходимость в чрезвычайных органах власти на Северном Кавказе была еще велика, поскольку здесь после разгрома деникинской армии консолидировались антибольшевистские силы в борьбе против советской власти. В этом процессе особую роль сыграла политика большевиков, направленная на изъятие продовольственных товаров у крестьян на Юге России для снабжения голодающего населения центральных губерний. Недовольные и враждебно настроенные кулачество и зажиточное казачество создавали боевые отряды для борьбы против советской власти. Основу антибольшевистских сил на Северном Кавказе составляли различные социальные силы, включая остатки белого офицерства, представителей разгромленных, так называемых «социальных верхов», чьи земли были экспроприированы, а имущество разграблено и т.д. Последние активизировали свою деятельность после высадки десантов ген. Врангеля на Дону и Кубани в июле 1920 года.

Поход Врангеля и война с Польшей резко обострили военно-политическую ситуацию на Юге России. Активизировали свою деятельность антисоветские комитеты, которые обосновались в меньшевистской Грузии. Здесь сформировались Горское (Северокавказское) правительство в изгнании, Горский Меджлис (Парламент), «комитет содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков», «комитет освобождения Кубани и Терека» и др.

Следует особо подчеркнуть, что в Тифлисе А. Цаликовым издавалась газета «Вольный горец» – орган Меджлиса и Горского правительства в изгнании, которая периодически публиковала аналитические статьи о социально-политическом и экономическом положении горских народов Кавказа в условиях советской действительности. В этих публикациях утверждалась мысль о недолговечности советской власти на Северном Кавказе и невозможности приобщения таких народностей, как кабардинцы и балкарцы, к диктатуре пролетариата.

В развернутой статье «Борьба общественных сил в Кабарде», опубликованной в нескольких номерах газеты, А. Цаликов доказывал, что «кабардинцы, как казаки, являются крупными владельцами земли, «народом-помещиком», они никогда не согласятся на социализацию земли, им не по пути с советской властью»³².

Все публикации газеты имели ярко выраженную антисоветскую направленность, поощряемой руководством меньшевистской Грузии.

После окончания Гражданской войны остатки белогвардейских сил и поддерживавшие их социальные группы начали вести активную работу, направленную против советской власти. В связи с этим революционный комитет Терской области 19 апреля 1920 года издал приказ, в котором говорилось: «Уцелевшие остатки разгромленных советскими войсками белогвардейцев, не успевшие эвакуироваться из Терека, продолжают свою преступную работу в области. Распуская нелепые провокационные слухи, сея недоверие в прочности советской власти, искусственно разжигая национальную вражду между отдельными народностями Терской области, темные силы контрреволюции стремятся этим подорвать творческую созидательную работу власти на местах». Революционный комитет Терской области строго предупредил, что «он не замедлит применить самых суровых мер репрессии против тех неисправимых лиц, которые начинают проявлять преступные замыслы против рабоче-крестьянской власти».

В приказе было подчеркнуто требование: «зорко следить за преступными элементами и всех распространителей вздорных, провокационных слухов, сеющих смуту, подрывающих доверие к власти и обостряющих национальную вражду, немедленно задерживать и препровождать в чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией»³³. Однако данный приказ не принес желаемых результатов. Антибольшевистское движение в Терской области разрасталась. Обострилось политическое положение в Кабарде и Балкарии в связи с активизацией антибольшевистских сил в округе.

Следует отметить, что оппозиционные силы Кабарды и Балкарии наладили тесную связь с повстанцами соседних народов и координировали свои боевые действия с ними. Неоднократно в окружной ревком поступали сведения о совместном выступлении Мало-Кабардинских повстанцев с повстанческими отрядами Ингушетии и Осетии против советской власти.

Так, 23 апреля 1920 г. Нальчикский окрревком получил тревожное сообщение из Малой Кабарды о том, что бывшие эксплуататоры – князья и уздени разбрелись по селениям Ингушетии и Осетии и оттуда ведут провокационную агитацию для

склонения народов в сторону Горского правительства, угоняют скот, убивают людей. В связи с этим ревком просил послать в Малую Кабарду не менее конного полка с батареей для борьбы с этим злом³⁴.

С антибольшевистскими силами Ингушетии и Осетии тесно были связаны братья Астемировы, которые вместе со своими соратниками организовали хорошо вооруженный повстанческий отряд в количестве 500 всадников. Он был сосредоточен в казенном лесу и якобы намеривался нападать на Мало-Кабардинский ревком, перебить всех членов ревкома и уничтожить всех революционеров – кабардинцев³⁵.

В этот же период сформировался антибольшевистский боевой отряд Темиркана Шипшева, который активно действовал до марта 1928 г.

О морально-психологическом состоянии населения округа свидетельствует небольшая заметка в газете «Карахалк», опубликованная 7 ноября 1925 г. В нем корреспондент газеты Ян Вержбицкий вспоминал долгие осенние ночи 1921 г. и тревоги, охватившие его, как и всех жителей округа, от возможности нападения повстанцев.

В 1927 г. он был назначен председателем областного суда и в этой должности проработал до 1930 г.

В такой тревожной обстановке летом 1920 года по решению Реввоенсовета Кавказского фронта была сформирована Кабардино-Балкарская бригада, которая с частями Красной Армии и милицией, вела борьбу против повстанцев.

О масштабах повстанческого движения в Кабарде и Балкарии в этот период можно судить по сведениям, полученным от председателя Нальчикского окружного исполкома Б. Калмыкова. В нем содержалась оперативная сводка о боевых действиях 10-й армии от 25 сентября 1920 г. Из них видно, что 25 сентября 1920 г. в 14 часов юго-западная окраина гор. Нальчика была обстреляна ружейным огнем отряда противника силою до 40 сабель. Подоспевшие красноармейцы перешли в наступление, в результате противник вынужден был скрыться в юго-западном направлении.

По тем же сведениям повстанцы силою до 1000 сабель оперировали в Баксанском ущелье. Они разделились на две группы. Одна из них повела наступление на Гунделен и Атажукино, а другая – на Чегем, что в 35 верстах западнее Нальчика.

На следующий день повстанцами была предпринята попытка захвата Чегема, но совместными усилиями красноармейцев кабардино-балкарской бригады и местных коммунистов она была отбита³⁶.

С особым упорством повстанцы вели боевые действия в районе с. Кармово.

По данным оперативного отдела Терской группы войск части кабардино-балкарской бригады 23 октября 1920 г. вели тяжелый бой у Хасаута против повстанческого отряда капитана Одинцова. Однако красноармейцы не справились с поставленной задачей. Кабардино-Балкарская кавалерийская бригада вынуждена была отступить. Для ликвидации отряда Одинцова были привлечены свежие силы. Начальнику боевого участка Пятигорского отдела было приказано быть готовым оказать помощь частям кабардино-балкарской бригады³⁷.

В ходе ожесточенных боев противоборствующих сил в Нальчикском округе в 1920 г. повстанцам был нанесен жесточайший удар. В районе селений Кармова, Лескен и Черная Речка было уничтожено до двух тысяч повстанцев, на границах Кабарды со стороны Кубани – 1500 человек, в районе Урусбиева – 400, на границах с Осетией – 300 и т.д. Было арестовано более 200 князей и дворян³⁸.

Вооруженное подавление антибольшевистских сил в Нальчикском округе сопровождалось небывалым размахом деятельности репрессивных органов. Аресты подозреваемых приобрели такие масштабы, что в тюрьмах и домах заключения не хватало мест для арестантов и власти принимали экстренные меры для решения этого вопроса³⁹.

В этих условиях казалось, что антибольшевистскому движению в Кабарде и Балкарии пришел конец. Однако оно продолжало действовать в условиях подполья.

Те немногочисленные отряды, уцелевшие от разгрома в 1920 г., стали центром притяжений антибольшевистских сил и в последующие годы повели борьбу против советской власти.

В заключение отметим, что общественно-политическая ситуация в Кабарде и Балкарии в рассматриваемый период определялась мероприятиями большевиков по созданию чрезвычайных органов власти, наделенных репрессивными функциями – ревкомов.

С подавлением основных сил вооруженной оппозиции власти заменили ревкомы советами. Но от этой замены сущность

нового института власти не изменилась. Советы еще с большей активностью стали преследовать граждан по социально-классовым признакам. Сотни людей были лишены избирательных прав. По сути, они автоматически попадали в список потенциальных врагов советской власти и систематически подвергались репрессиям с целью скорейшего и полного уничтожения оппозиционных сил.

Однако этого не случилось. Антибольшевистская борьба в Кабардино-Балкарии продолжалась до конца 20-х гг. XX в.

Примечания

1. Жизнь национальностей. 1920. 15 февраля.
2. Революционные комитеты Кабардино-Балкарии. Сборник документов и материалов. Нальчик, 1968. С. 14.
3. Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС. Нальчик, 1971. С. 59.
4. ЦГА КБР. Ф. 105. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.
5. Там же.
6. Революционные комитеты Кабардино-Балкарии. Нальчик. С. 18–19; За власть Советов в Кабарде и Балкарии. Документы и материалы борьбы за Советскую власть и образования Кабардино-Балкарской автономной области (1917–1922 гг.) Нальчик, 1957. С. 222.
7. Там же. С. 226.
8. Революционные комитеты Кабардино-Балкарии. С. 38–39.
9. За власть Советов в Кабарде и Балкарии... С. 228.
10. Ансоков М.Т. Образование и развитие национальной советской государственности Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1974. С. 67.
11. Революционные комитеты Кабардино-Балкарии. С. 23.
12. Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской областной партийной организации 1917–1922 гг. (Сборник документов и материалов) Нальчик, 1963. С. 83–84.
13. Революционные комитеты Кабардино-Балкарии. С. 21.
14. Там же. С. 23–24.
15. Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии(1917–1922). Нальчик, 1983. С. 435.
16. Революционные комитеты Кабардино-Балкарии. С. 27.
17. Бугай Н.Ф. ревкомы в национальных округах Северного Кавказа. Нальчик, 1977. С. 38.
18. Революционные комитеты Кабардино-Балкарии. С. 40, 42.

19. Там же. С. 51–52.
20. *Боров А.Х., Думанов М.Х., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 49.
21. Газ. «Коммунист». 5 июня 1920 г.
22. ЦГА КБР. Ф. 201. Оп. 1. Д. 13. Л. 19.
23. Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Нальчик, 2000. С. 63.
24. Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922) С. 525.
25. Революционные комитеты Кабардино-Балкарии. С. 44–45.
26. ЦГА КБР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 2. Л. 66.
27. ЦГА КБР. Ф. 201. Оп. 1. Д. 11. Л. 24.
28. Революционные комитеты Кабардино-Балкарии. С. 123–124.
29. Там же. С. 124–125.
30. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Нальчик, 2005. С. 353.
31. Там же.
32. Газ. «Вольный горец». 28 июня 1920 г.
33. Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922). С. 437–438.
34. *Гугов Р.Х.* Совместная борьба народов Терека за советскую власть. Нальчик, 1975. С. 467.
35. ЦГА КБР. Ф. 201. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.
36. *Гугов Р.Х., Улигов У.А.* Борьба трудящихся за власть Советов в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1957. С. 219.
37. Там же. С. 220–221.
38. *Гугов Р.Х., Улигов У.А.* Очерки революционного движения в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1967. С. 355.
39. ЦГА КБР. Ф. 201. Оп. 1 Д. 13. Л. 50.

A.H. KARMOV

SOCIAL AND POLITICAL SITUATION
IN KABARDA AND BALKARIA AND START
FIGHTING AGAINST POLITICAL BANDITRY IN 1920

The article deals with the socio-political situation in Kabardino-Balkaria after the Civil War. It analyzes the activities of the bolsheviks to restore Soviet power in the Nalchik District, which was based on the replacement of the People's Councils, established in 1918, emergency authorities – revolutionary committees and a mecha-

nism for their implementation. These activities of the new government were one of the main causes of the armed struggle against the political opposition in 1920.

Keywords: Civil War, the People's Council, a revolutionary committee, B.E. Kalmykov, Nalchik District Revolutionary Committee, an armed political opposition.

М.Х. Гугова

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОРЯНКИ (на примере Кабардино-Балкарии)

Статья посвящена исследованию традиционной системы гендерных отношений кабардинцев и балкарцев, ее трансформации в результате кардинального слома в период революций 1917 г., Гражданской и Великой Отечественной войн, а также изменений, коснувшихся всех сторон жизни мужчины и женщины в современном мире.

Ключевые слова: женщина, мужчина, семья, традиции, идентичность, гендер, маскулинность, повседневность, модернизация, Северный Кавказ.

Современное положение женщины в России (роль в экономике, политике, семье) во многом зависит от процессов, происходящих в обществе. Перемены последних десятилетий привели к ряду позитивных изменений: в российском обществе отмечается рост гражданской активности женщин, функционируют различные женские организации, союзы. В то же время отсутствие гарантий соблюдения демократических и рыночных свобод, постоянные политические кризисы, обострение социально-экономических проблем, феминизация безработицы существенно ограничили свободу их жизненного выбора. Для многих женщин стратегией жизни стало выживание.

Изменения, которые претерпевает жизнь женщины в современном мире, вызвали потребность переосмысления традиционных взглядов на ее природу.

На протяжении всей истории человеческого общества, у всех народов мужчина играл главенствующую роль в семье и обществе. Кабардинцы и балкарцы не составляли в этом отношении исключения.

В семейном быту лидирующее положение мужчин основывалось, прежде всего, на их имущественных правах. Все, что принадлежало семье, состояло из двух частей: общесемейного

имущества и имущества замужних женщин. Первая и основная из этих частей включала как недвижимость — землю, постройки, так и движимость — скот, инвентарь, изделия домашних промыслов, съестные припасы и т.п. Она приобреталась по наследству и умножалась трудом всех членов семьи, в том числе и женщин. Но принадлежала она только мужчинам семьи. Вторая часть состояла из приданого женщины, части калыма, предназначенной ей в качестве обеспечения на случай вдовства или развода, и подарков, полученных ею от своих родственников и родственников мужа. Эта вторая часть являлась личным достоянием женщины, на которое никто не мог претендовать. Однако по своему значению она, как правило, далеко уступала первой части и не играла решающей роли в экономике семьи.

Естественно, что в этих условиях верховенство в семье также принадлежало мужчинам, и прежде всего старшему из них, который обычно и был главой большой или малой семьи.

Народные традиции предоставляли главе семьи — тхьэмадэ, у кабардинцев, юй тамата у балкарцев — большую, зачастую мало чем ограниченную власть не только над мужчинами, но и над женщинами. Власть эта была особенно велика в тех случаях, когда он одновременно был отцом семейства, а не старшим братом, руководившим большой семьей после смерти либо уже при жизни одряхлевшего отца. Надо учесть также, что в то время мужской частью семьи ее глава распоряжался непосредственно, над женской же частью он властвовал при посредстве старшей из женщин. Но так или иначе верховная власть принадлежала мужчине — мужу, отцу, свекру, деду.

«Выйдя замуж, — писал И.Ф. Бларамберг об адыгах, — женщина переходит в полное подчинение к своему мужу». Он отныне ее «хозяин и судья», имеющий даже право на ее жизнь и смерть, отвечая за это только перед ее родителями¹. Жене не полагалось возражать мужу, проявляя тем самым к нему неуважение, нарушать его указания, вмешиваться в его дела. За серьезные проступки — такие, как нанесённая ему или другим старшим членам семьи обида, — муж был вправе подвергнуть жену наказанию. Тем более это касалось таких провинностей, как супружеская измена. В этих случаях еще в середине XIX в. бывало, что муж отправлял нарушительницу супружеской верности к родителям, которые ее убивали или продавали в рабство. Пред-

варительно муж мог обрить ей голову, обрезать рукава одежды и даже отрезать нос или уши. Но при этом не исключалась кровная месть между двумя семьями, и поэтому дело чаще ограничивалось домашним наказанием. Власть мужа над женой поддерживалась и тем, что и по адатам, и по шариату развод для мужчины был намного доступнее, чем для женщины.

Власть мужа над женой все же в какой-то мере умерялась защитой ее родни, которая могла вмешаться и к которой жена могла вернуться в случае злоупотребления мужа своими правами. Менее ограниченной была отцовская власть по отношению к дочерям, на них она простиралась еще шире, чем на сыновей. Это относилось, в частности, к заключению браков, в чем решающее слово всегда принадлежало отцу семейства. И если в таких случаях с желанием сыновей отцы еще как-то считались, то мнение дочерей принималось во внимание совсем редко. Если новобрачная оказывалась не девственной и ее возвращали домой, то некогда отец продавал ее в рабство или убивал, а позднее изгонял из селения.

Более сложным образом проявлялась мужская власть в больших семьях отцовского типа. Жены здесь находились в подчинении мужей, а дочери — отцов, но в то же время через старшую из женщин на них простиралась и верховная власть главы дома. Как правило, они не вступали с ним в непосредственные контакты, однако в серьезных случаях он мог вмешаться и сам, чтобы дать согласие на брак, определить наказание провинившейся и т.п. Там, где в больших семьях собирались семейные советы, все решения на них принимались мужчинами, без участия женщин. Исключение составляла старшая женщина.

Будучи лидерами в семейном быту, мужчины тем более были лидерами и даже монополистами в общественной жизни. Кабардинская хаса и балкарское тёре были собраниями одних лишь взрослых мужчин. Не только присутствие на них женщин, но и проявленный к ним женщинами интерес рассматривались как недопустимые. Уже в XIX в. Дж. Лонгворт засвидетельствовал распространённое среди адыгов мнение, что женщинам нелепо появляться в совете. Понятно, что при таких обстоятельствах все общественные и административные должности — сельских старшин и их помощников, доверенных на различные народные мероприятия, окружных, участковых и сельских судей — занима-

лись мужчинами. Мужчины же были служителями религиозного культа и выбирались в качестве посредников при тяжбах – медиаторов. Наконец, и лидеры таких родственных структур, как фамильно-патронимические объединения, были мужчинами. Что же касается возглавлявших их женский состав старших женщин, то они, как правило, занимали свои посты в качестве жен или других близких родственниц этих лидеров.

Наибольшим весом в глазах окружающих и подчеркнутым уважением мужчин пользовались почтенные женщины в летах.

В адыгской большой семье, как сообщал Т. Лапинский, старшая женщина (гуащэ) пользовалась в доме почти таким же влиянием, как и глава семьи, и ее свято почитали. Но вернее, она была все же вторым лицом после хозяина и руководила трудом женщин, а также надзирала за их поведением. С главой семьи она согласовывала только то, что выходило за пределы женского труда и быта: например, распоряжение чем-нибудь из общесемейного имущества. Все домашнее хозяйство находилось в ее ведении, символом чего были хранившиеся у нее ключ от кладовой с припасами и половник, которым она раздавала пищу. Единственная из женщин, она участвовала в семейных советах. В отличие от всех других женщин семьи, живших отдельно, она садилась за один стол с сыновьями. Даже и передав по старости или из-за болезни свои обязанности старшей невестке, она продолжала, когда это было нужно, направлять ее действия. Случалось, что после смерти мужа она сама возглавляла семью, на какое-то время удерживая ее от раздела. Однако и при жизни мужа она пользовалась не только почти неограниченной властью над женщинами, но и высоким авторитетом у мужчин².

Мало чем отличалось положение старшей в большой семье женщины (юй бийче) у балкарцев. И у них также она считалась полновластной хозяйкой кладовой, домашней утвари, сундуков с одеждой. Глава семьи прислушивался к ее советам, а сыновья даже выполняли ее распоряжения. В отличие от порядков, принятых у кабардинцев, балкарская юй бийче не всегда была женой главы, семьи, но всегда – самой старшей по возрасту в семье женщиной.

Некоторые пожилые женщины пользовались неформальным авторитетом и за пределами семьи. Это были женщины, известные своей опытностью и мудростью, но обращались к ним за советом и помощью обычно также преимущественно женщи-

ны. Встречались среди них знахарки, гадалщицы, иногда колдуны. Одно из первых сообщений о таких знахарках, успешно делавших прививки от оспы, принадлежит французскому путешественнику А. дела Мотрэ, побывавшему в адыгских землях в начале XVIII в. «Наиболее пожилые представители этого пола, – писал он о женщинах, – имеют репутацию самых разумных и знающих, и они практикуют медицину подобно тому, как самые старые другого пола практикуют священство»³.

Однако такой авторитет и даже высокий профессиональный престиж не имели ничего общего с лидерством. Другое дело – высокое положение старшей женщины в большой семье, широко известное у всех народов Кавказа, да и за его пределами. Оно настолько отличалось от положения других женщин, что многие этнографы-кавказоведы вслед за М.О. Косвенном возвели его к матриархату как древнейшему порядку господства в семье и в обществе женщины.

В традиционном крестьянском обществе было принято жесткое распределение и закрепление хозяйственных функций между мужчинами и женщинами. Это не позволяло мужчине – главе семьи вникать и вмешиваться в женские дела. В то же время в деятельности женщин, так же как и во всякой другой, нужны были не только рядовые исполнительницы, но и руководительницы. Поэтому одно только ведение домашнего хозяйства требовало того, чтобы над женщинами семьи была поставлена старшая и чтобы ей была предоставлена самостоятельность в ее хозяйственных делах. Требовали этого и другие причины: надзор за поведением женщин и девушек, улаживание неизбежных в большом семейном общении женских ссор и т.д. Ко всему этому добавлялись причины психологического характера: как правило, старшая женщина была женой или матерью главы дома, матерью семейства, матерью будущего хозяина. Таким образом, ее роль в семье, высокий авторитет среди мужчин и власть над женщинами были не остатком каких-то древних порядков, а естественным результатом порядков, присущих патриархальной большой семье.

В традиционном обществе особенности социально-культурного поведения кабардинки и балкарки, во многом определялись нормами этикета. Взаимоотношения между мужчинами и женщинами характеризовались полным и беспрекословным

подчинением мужчине и в то же время уважительным и справедливым отношением к женщине. Мужчина в семейной иерархии стоял выше женщины. Об этом говорят и адаты, которые на протяжении веков регулировали почти все стороны жизни общества. Древние законодательство и право кабардинцев и балкарцев четко отражали социально-правовой статус всех социальных групп общества, включая и гендерный аспект. Так, обычное право не допускало женщину к наследованию недвижимого имущества⁴.

Итак, для взаимного положения полов у кабардинцев и балкарцев характерны лидирующая роль мужчины и в то же время заметные черты уважительного отношения к женщине.

Со второй половины XIX века, главным образом в пореформенное время, в сложном сочетании народных традиций, относящихся к положению полов, стали обозначаться некоторые новшества. Наиболее наглядно, с учетом гендерных аспектов, данный процесс проанализировала М.А. Текуева. Российское завоевание Северного Кавказа сопровождалось, пишет она, проникновением гендерной идеологии, выражавшаяся, в первую очередь, «пренебрежением к местным «имиджам маскулинности» и их постепенным низвержением.

Это пренебрежение состояло в том, что, признавая привлекательность кавказского мужского образа жизни и перенимая внешние его составляющие: костюм, вооружение, манеру поведения – завоеватели создавали некую «иерархию маскулинностей колонизируемых народов... Представители колонизируемых народов классифицировались как «более мужественные» или «менее мужественные»... В дальнейшем для противопоставления завоевателя и аборигена использовался набор символов превосходства и неполноценности. Так политика колонизации использовала один из способов оправдания своего предназначения «экспорта цивилизации в невежественный и дикий мир». «Темному» горцу противопоставлялся образованный европеец, необузданному и дикому хищнику – культурный и разумный военный специалист и т.д.»⁵.

На подрыв изнутри гендерного порядка, связанного с разрушением традиционной феодальной иерархии и падением морального авторитета владетелей, была направлена и политика социального раскола, проводимая российским правительством еще с начала Кавказской войны.

Такая политика в отношении горцев отразилась на традиционных феодальных связях и соответственно на функционировании «мужских союзов, таких как тайные союзы, обычаях аталычества и гостеприимства...»⁶.

Кроме того, модернизационные процессы в экономике привели к появлению новых критериев маскулинности. «Образец сурового воина, проводившего жизнь в седле и пренебрегающего «черным» земледельческим трудом и торговлей, аскета, презирующего стяжательство и комфорт, постепенно смещается в сторону новых мужских ценностей: умение управлять хозяйством, выгодно торговать, работать на земле не покладая рук...»⁷.

Такое несоответствие новых занятий традиционному укладу жизни естественно вызывало непонимание и неодобрение в обществе⁸. Но были и сторонники такого рода изменений. Позитивный взгляд на трансформации сформулирован в афоризме кабардинского джегуако Ляши Агнокова:

Джатэ зыгабзэ нэхърэ зыгъэбзэрабзэ,
Щӕпщкӕ далъэ нэхърэ гъунэ изыль.

Чем мечом рубящий, [лучше] на пшине играющий,
Чем плетью грозящий, [лучше] борозду проводящий⁹.

В этом изречении, – по мнению Текуевой М.А., – содержится «революционное социальное обобщение». Ляша Агноков сумел «зафиксировать реалии нового исторического периода, требующего перестановки акцентов с мужского идеала воина на культивирование образа мирного труженика, для которого необходимы были бы те же специфические мужские качества физической силы, выносливости, сдержанности и пр. Изменилась идеологическая нагрузка на носителей этих качеств. Время требовало адаптации к изменившимся политическим условиям и социальным отношениям»¹⁰.

Но все же, в обществе были еще сильны традиционные представления о положении мужчины в семье, общественной жизни. Например, в революционных событиях 1917 года и Гражданской войне очень быстро фактически возрождаются качества традиционной маскулинности. «Во всех противоборствующих лагерях востребованным оказались военные навыки, агрессия и культ силы – универсальные составляющие мужского пор-

трета»¹¹. Один из проявлений возрождения, по крайней мере, внешнего атрибута традиционного мужского образа, наглядно иллюстрируют некоторые элементы повседневного поведения мужчин. Например, в ноябре 1917 года современники, не без иронии отмечали, что «все портняжки мастерские были завалены заказами по пошиву черкесок, и сугубо «гражданские лица», примеряя черкески, тут же нашивали на них погоны полковников, ротмистров и т.д.»¹².

Окончание Гражданской войны и, в особенности, политика советской власти «привели традиционные адыгские институты наездничества к полному исчезновению и резко изменили представления о «мужественности» и «женственности». Под влиянием классово-идеологических ориентиров новой власти формируется новый культурно-антропологический тип «горца-колхозника», «горца-интеллигента», «советского человека». Вместе с тем, новая власть полностью не отказывается от опыта традиционного общества и хоть в рудиментарной форме традиции, например, прежних мужских союзов, используется «в организации сельскохозяйственных станов, кошевых объединений колхозного типа, бригадах косарей и т.д.»¹³.

Кардинальные же трансформации гендерных отношений, связанные с социальными ролями женщин и мужчин, произошли после установления советской власти в регионе в 20–30-х годах XX века. Новая власть, решая проблемы эмансипации женщин, начала с корректировки «части традиционных и обрядовых пережитков, так или иначе затрагивавших статус женщины: калым, многоженство, выдача замуж несовершеннолетних и т.д.»¹⁴. Первыми мероприятиями в этом процессе стало принятие законодательных инициатив по запрету калыма и умыкания девушек. Уже в мае 1918 года Нальчикский окружной народный Совет поставил вопрос об ограничении суммы калыма до 1000 рублей, независимо от социального статуса девушки. Для большей действенности принятого решения, предписывалось признавать брак не действительным, если эфенди или мулла совершали обряд бракосочетания с нарушением данного условия или без согласия на брак девушки, а сам служитель культа навсегда отстранялся от должности¹⁵.

В 1921 году в Кабарде и Балкарии был наложен полный запрет на калым и «похищение» девушек. Новая власть считала калым «пережитком старины» и считала недопустимым явлением «тор-

говлю свободными женщинами». А умыкание напрямую связывалось с распространением кровной мести на почве этих похищений, которая уносила «массу ни в чем не повинных жертв» и поэтому этому явлению не должно быть места в кабардинском и балкарском обществах¹⁶. В этом отношении местным властям предоставлялись особые полномочия. Так, по Уголовному кодексу РСФСР 1922 года Центральным комитетам отдельных республик и национальных областей предоставлялось право дополнять УК статьями, преследующими за преступления, составляющие пережитки местных обычаев¹⁷. А «пережитками» представители Советской власти могли объявить все традиции и обычаи, не отвечавшие интересам новой идеологии. В этом смысле показательна практика большевиков писать историю «с чистого листа, решительно сняв с себя и возложив на царский режим всю ответственность за проституцию, сиротство, инвалидность, неравенство», т.е. «... всем без исключения проблемам присваивался статус пережитков царизма и капитализма, тяжкого наследия прошлого, для преодоления которого необходимо лишь изменить характер собственности («освободить труд») и перевоспитать человека, направить массы, добиться становления нового этноса»¹⁸.

В 1924 году наказания за бытовые преступления (похищение женщин, многоженство, принуждение к вступлению в брак, брак с несовершеннолетними, кровная месть) в национальных республиках и областях было приведено в единообразие. Постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О дополнении Уголовного, Уголовно-процессуального и земельного кодекса» были предложены дополнения, принятые и утвержденные в последующем Облисполкомами¹⁹.

Согласно статьям 194 и 195 десятой главы Уголовного кодекса РСФСР предусматривались меры по предотвращению кровной мести и ведению расследования убийств. За уплату или принятие калыма предусматривалось лишение свободы до одного года и штраф. Похищение женщины каралось лишением свободы до двух лет. И самое главное: дела о преступлениях, согласно новым дополнениям Уголовно-процессуального кодекса, возбуждались по факту без жалобы потерпевшей.

Итогом проводимых мероприятий по созданию правовых основ равноправия горянки и идеологической пропаганды является трансформация традиционного сознания горцев. Есте-

ственно, заметные изменения в обыденном сознании требуют внутреннего импульса к трансформациям и большого времени. Но советская власть, революционно меняя все сферы бытия человека, достигла определенных успехов и в сфере модернизации менталитета кабардинцев и балкарцев. В этом плане интересный документ, отражающий заметные изменения в общественном сознании кабардинцев и балкарцев, храниться в фондах Центрального государственного архива КБР. Это Акт, подписанный 5 мая 1921 года в Нальчике представителями Большой Кабарды, Балкарии и русского населения Кабардинского округа для предотвращения кровомщения: «... Обсуждали вопрос об убийстве гражданина сел. Неурожайного Хамата Максидова гражданином села Арик Уля Геургиевым на почве похищения первым сестры Геургиева с целью взять ее в жены... Мы нижеподписавшиеся, заручились честным словом коммуниста и гражданина т. Казгери Максидова, брата убитого Хамата Максидова, не мстить кровнику за убийство брата, в чем он на сем и дает свою подпись, ибо мщение является позором для культурного человека и может породить целый ряд убийств и, следовательно, гибель ни в чем не повинных жизней... Довести об этом до сведения граждан Малой Кабарды и ее райсполкома с предложением последним обсудить затронутый вопрос и немедленно примерить обе стороны»²⁰.

В 20-х гг. XX века в местной печати начали появляться публикации где обсуждали вопросы, относящиеся к сфере частной жизни и отношений между полами²¹. Не вдаваясь в подробности этих публикаций, косвенно отражающих распространенность такого рода явлений в обществе, отметим, что уже сам факт возможности публичного обсуждения таких вопросов, считавшихся совершенно недопустимыми в традиционном обществе, говорит об изменениях в общественном сознании кабардинцев и балкарцев.

Но все же традиционные стереотипы относительно гендерных отношений и ролей в обществе были еще очень сильны. Об этом говорит, например, статистика обращений в суд в случаях бытовых преступлений. Даже в случаях изнасилования «в силу страха перед общественным мнением девушки редко обращались в суд»²². Здесь естественно сказывалась и низкая юридическая грамотность, многие попросту не знали о своих правах²³.

В 1926–1928 годах в КБАО (без Нальчикского округа) было зарегистрировано 1606 преступлений, из которых только 48 быто-

вых или 2,98% от общего числа преступлений. При этом необходимо учитывать, что по УК РСФСР от 1924 г., дела по бытовым преступлениям возбуждались по факту, без обращений в суд или другие правоохранительные органы.

Одним из важных составляющих эмансипации женщин является их вовлечение в общественную жизнь. Но женщина – горянка оказалась совершенно не готова к такому повороту своей жизни. Традиционные стереотипы не допускали женщину к активному участию в общественной жизни, ограничивая ее деятельность стенами дома. Понимая и учитывая это местные партийные организации в начале 20-х гг. XX века, как правило, проявляли особую сдержанность и пассивность в отношении признания прав женщин на публичную деятельность. Амбивалентность такого положения требующего от руководителей – коммунистов с одной стороны проведения политики «решения женского вопроса», и с другой – являясь мужьями, братьями, главами семей, где особо сильны были традиции гендерных отношений и статусов, затрудняло модернизационные процессы в повседневной жизни. Так в справке отдела работниц горянок Кабардино-Балкарского областного комитета партии в 1922 году говорится, что «сами коммунисты считают предосудительным участие своих жен в общих собраниях и сходах... Женская молодежь, хотя и тянется за комсомолом, но, зачастую боясь насмешки того же коммуниста, от нашего влияния уходит...»²⁴.

На первом совещании секретарей коммунистических и комсомольских ячеек Кабардинской области, состоявшемся 17 июня 1922 года и посвященным отсутствию всякой работы среди женщин, выступил «мулла, он же секретарь комячейки», который заявил, что он как коммунист и мулла готов повести борьбу за самое широкое раскрепощение женщин открыто, на основе Корана...»²⁵. Как видно, открытие для женщин публичного пространства зависело, в первую очередь, от изменения менталитета мужчин.

«Однако подобное положение дел не могло долго продолжаться. Партия стремилась к организации «женского движения» в нужном для нее идеологическом русле, следовательно, необходимо нейтрализовать влияние других идеологических систем, в том числе, религию и традиционные институты общественных отношений»²⁶.

Как уже отмечалось выше, важнейшим фактором трансформации семьи и семейного быта была борьба за раскрепощение горянки. Кроме изменения правового положения женщины данный процесс затрагивал и изменение положения женщины в экономической сфере. Это два основных аспекта, на которые новая власть обратила внимание в первую очередь в «женском вопросе».

Идеологи советской власти начали в 1929 году кампанию по экономическому раскрепощению женщин. И. Бабич отмечает, что суть кампании заключалась в предоставлении женщинам «формально – права, а фактически – обязанности активно участвовать в сельскохозяйственных работах, заниматься тяжелым мужским трудом (управлять плугом, трактором, комбайном и т.д.) В широких слоях населения эта кампания поддержки не получила: женщины не охотно шли в подобные колхозные бригады, а в ряде случаев их просто не пускали мужа. Использование принудительных мер привело, к тому, что к концу 30-х годов уже существовали бригады плугарок, трактористок»²⁷.

Трансформации, связанные с кампанией по экономическому раскрепощению женщины оказали определенное влияние и на хозяйственный быт крестьянского населения – более консервативной сферы жизни, в особенности, в период коллективизации. Я.С. Смирнова по этому поводу писала, что «коллективизация внесла коренные изменения в хозяйственный быт крестьянских семей, трудовая деятельность которых теперь в основном перешла в сферу общественного производства..., хотя семья не утратила производственные функции, но перестала быть основной производственной ячейкой крестьянского общества»²⁸.

В начале 20-х гг. XX века политика советской модернизации общественной и повседневной жизни столкнулась с определенными проблемами и в распространении светского образования, особенно среди женщин. Светские школы должны были способствовать не только распространению образования, но и подготовке национальных кадров – проводников нового сознания в этнотрадиционную среду кабардинцев и балкарцев. Но, в виду распространенности в обществе традиционных стереотипов этнопедагогики, гендерных статусов и отношений, светские школы оказались не востребованными горским населением. Причем неприятие новой системы образования было связано в основном с самой формой образования. В частности, совместное обучение

мальчиков и девочек являлось одним из таких моментов, препятствовавших распространению светского образования²⁹. Родители попросту запрещали своим дочерям посещать такие школы. Кроме того, в народе было распространено мнение о том, что в светских школах или русских как их называли горцы, «учитель – гяур, бьет детей... и тебя сделает гяуром, что ты не попадешь в рай»³⁰.

Таким образом в конце 20-х гг. XX века наряду с отходом по всей стране от новой экономической политики и ужесточением государственной политики в экономической и идеологической сферах, произошел резкий поворот от мирного сосуществования с традиционными институтами к политике их полного вытеснения из повседневной жизни.

Экстремальные условия Великой Отечественной войны только увеличили социальную и политическую активность женщин, на плечи которых легли все тяготы тыла, перестройки различных отраслей экономики на нужды фронта. Работа властных структур по вовлечению женщин в общественное производство встречала понимание и инициативу со стороны самих женщин. Тысячи «горянок» пришли в промышленность и сельское хозяйство, освоили тяжелые и вредные для женского организма специальности. Любовь к родине, патриотизм стали сильными моральными стимулами, вызвавшими к жизни героизм, возможность преодолеть трудности военного времени.

Известный радиожурналист Кабардино-Балкарии Р. Афаунова рассказывала, что за свою полувековую практику она лишь однажды интервьюировала женщину, Ворокову Жан из селения Карагач, которая для того, чтобы подчеркнуть, насколько тяжело приходилось женщинам в военные и послевоенные годы, сообщила, что она «во время войны даже косила!»³¹. Она говорила об этом как о событии, из ряда вон выходящем. Ни одно из несвойственных традиционному разделению труда занятий («я и пахала, и копала, и кукурузу ломала») не расценивались респонденткой настолько категорично. С этим коррелируется замечание, сделанное относительно ближайших соседей кабардинцев – осетин: «У осетин та женщина считается почетною, которая может сказать про себя безукоризненно: я не ходила за плутом, и не косила траву»³². Отсутствие мужчин вынуждало женщин брать в свои руки и успешно справляться с непривычными и, более того, неприемлемыми для кавказской гендерной ментальности занятиями.

В современной жизни кабардинцев и балкарцев взаимоотношения полов не вполне одинаковы в семье и за стенами дома. Это относится как к существу дела, так и особенно к сопровождающему его этикету общения. В семье положение жены укрепилось, уважение к ней возросло, при обсуждении неординарных семейных дел супруги стремятся к единодушию, а бывает, что решающим является именно мнение жены. Власть мужа в большинстве семей стала намного менее авторитарной, и уж совсем редко деспотичной. Но при этом в широких слоях населения крепко держится народная традиция главенства в семье мужа. Жена почти всегда принимает фамилию мужа, как и дети — фамилию отца. Принято, чтобы жена, по крайней мере, на людях, щадила самолюбие главы семьи и подчеркивала его превосходство. Не забылись, хотя и заметно ослабели, обычаи избегания между супругами.

В современной России женский вопрос не решен: женщины вынуждены делать выбор между детьми и карьерой, занятостью домашним хозяйством и независимостью от мужчин, по-прежнему, несмотря на провозглашенный процесс демократизации общественной жизни, законодательная, исполнительная власть, руководство различными общественными организациями, политическими партиями принадлежит мужчинам.

Примечания

1. *Благамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 32.

2. *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 119.

3. См.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974.

4. См.: *Ладыженский А.М.* Алаты кавказских горцев. М., 1928.

5. *Текуева М.А.* Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006. С. 188.

6. Там же. С. 188–189.

7. Там же. С. 190.

8. *Кешев А.-Г.* Записки черкеса. Нальчик, 1988. С. 99–103.
9. *Налоев З.М.* К биографии джегуако // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 2000. Вып. 3. С. 13–14.
10. *Текуева М.А.* Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006. С. 191.
11. Там же. С. 192.
12. Архив КБИГИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 22. Л. 3.
13. *Текуева М.А.* Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006. С. 193.
14. *Шоранова З.В.* Гендерное равенство в культурно-историческом развитии народов Северного Кавказа. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Нальчик, 2010. С. 16–17.
15. ЦДНИ КБР. Ф. 198. Оп. 1. Д. 3. Л. 52.
16. ЦДНИ КБР. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 17. Л. 79.
17. ЦГА КБР. Ф. И-2. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 27.
18. *Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 60.
19. ЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Ед. хр. 374. Л. 44–46.
20. Цит. по: *Текуева М.А.* Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006. С. 212.
21. См.: Карахалк. 1924. № 410; Карахалк. 1928. 1 января; Карахалк. 1926. № 622.
22. *Текуева М.А.* Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006. С. 213.
23. *Соколова О.* Новый этап (К итогам III Краевого съезда женщин) // Революция и горец. № 2. С. 27.
24. ЦГА КБР. Ф. Р-5. Оп. 1. Ед. хр. 374. Л. 142.
25. ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 3.
26. *Текуева М.А.* Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006. С. 220.
27. *Бабич И.* Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1995. С. 93.
28. *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983. С. 176.
29. Информатор Дзагова Хангуаша Зулкарнеевна, 1910 г.р.
30. ЦГА КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Ед. хр. 484. Л. 233.
31. Информатор Афаунова Раиса Туловна, 1932 г.р., с. Куба.
32. *Карпов Ю.Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001. С. 220.

**CHANGING THE SOCIAL
AND LEGAL STATUS GORYANKA
(on the example of the Kabardino-Balkaria)**

The article is devoted to the study of the traditional system of gender relations kabardians and balkarians, its transformation as a result of breaking a cardinal during the revolutions of 1917, the Civil and Great Patriotic War, as well as changes that touched upon all aspects of the life of men and women in the modern world.

Keywords: woman, man, family, tradition, identity, gender, masculinity, daily, modernization, North Caucasus

**ДИНАМИКА
СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

Работа посвящена изучению трансформационных процессов, затронувших социум КБР в советский период. Актуальность работы обусловлена необходимостью научного осмысления проблем социальной мобильности в Кабардино-Балкарии в условиях советской модернизации. Индустриализация и развитие систем среднего и высшего образования, рассматриваются как ключевые каналы процессов мобильности, в ходе которых в обществе произошли многоуровневые изменения социального, экономического и культурного пространства. Изучаются особенности советского государственно-распределительного характера механизма социальной мобильности и различные способы ее осуществления в условиях социалистических преобразований. Обосновывается мнение, что интенсивность процессов социальной мобильности в период застоя начала постепенно снижаться в связи с трансформацией ряда каналов социальной мобильности в механизмы простого воспроизводства социально-статусных групп, что обусловило относительную стабилизацию социального ландшафта республики к началу перестройки.

Ключевые слова: стратификация, социальная мобильность, социальный статус, дифференциация, социальные лифты, система образования, урбанизация, индустриализация, социалистическая модернизация.

Трансформационные процессы, затронувшие социум КБР в советский период, обусловили необходимость научного осмысления проблемы социальной мобильности в условиях социалистической модернизации. Актуальность региональных исследований динамики социальной мобильности объясняется тем, что результаты их становятся неотъемлемым элементом системы знаний о современном состоянии развития нашего общества, его социальной структуры.

В результате революции 1917 г. и последовавшему за этим переходу к социалистической модели развития произошло коренное изменение социальной структуры населения Кабардино-

Балкарии, сопровождавшееся низвержением прежней элиты, появлением новых классов и социальных групп, массовой групповой мобильностью. В строящемся индустриальном обществе развитие системы образования заметно смягчало социальные различия между разными слоями общества. С развитием производительных сил общества увеличивалась сфера приложения способностей для специалистов-профессионалов. Наряду с расширением и трансформацией старых социальных лифтов возникали новые каналы мобильности: властно-идеологические институты; научно-образовательная, инженерно-техническая сферы, получившие стремительное развитие в условиях индустриализации и НТР; профессиональный спорт и др.

В условиях социалистического развития в Кабардино-Балкарии ряд социальных слоев пережил постепенную статусную трансформацию. Одни из них утрачивали свои позиции в иерархии статусов, другие их наращивали, что находило яркое проявление в динамике профессиональных ориентаций этих десятилетий. Снижение статусных позиций у одних групп и повышение у других выступало показателями структурной мобильности, свидетельствовало о латентных изменениях в социальной структуре, что рано или поздно должно было проявиться в трансформации всего общественного организма. В переходный период проявилась закономерность в развитии социально-классовой структуры: распад сословного идентификационного пространства, постепенное выравнивание соотношения между элементами социальных структур; рост значения, доли и численности рабочих, постепенного уменьшения удельного веса крестьянства, достаточно быстрые темпы формирования и роста численности национальной интеллигенции.

Степень способности к мобильности определялась по использованию предоставляемым советским обществом права на образования и труд, личных способностей и качеств индивида, и социального статуса родителей¹.

Катализатором обновления социальной структуры стала индустриализация, через которую прошла республика в советский период, модернизируя свое хозяйство, социальные отношения, традиционную культуру. Эти общественные изменения открывали перспективы для ускорения процессов социальной мобильности. В ходе индустриализации происходило массовое

переселение людей из сельской местности в города. И в новых городах, и в селах зарождалось товарно-промышленное производство, которое затем стремительно расширяло свои масштабы, стимулируя внедрение новых технологий труда. Все это, в свою очередь, вело к появлению новых профессий и специальностей, дифференцировало квалификацию работников, что сопровождалось повышением образовательного уровня населения.

Следует подчеркнуть, что социальная мобильность периода индустриализации, имея общие черты развития в разных районах страны, все же не приобрела универсального характера. В каждом субрегионе эти процессы обуславливались конкретной обстановкой, складывающейся в тот или иной период развития, тесно переплетаясь с элементами традиций. Этнокультурные региональные особенности формирования социальной структуры были связаны не только с формальным правом, но и с неписаными социальными нормами, стереотипами, предубеждениями и предпочтениями, которые необходимо учитывать при анализе процессов мобильности, протекавших на территории республики.

В целом же, механизм социальной мобильности носил государственно-распределительный характер и включал в себя следующие способы.

Во-первых, номенклатурный механизм: когда значительная часть руководящих работников назначалась парткоммами соответствующего уровня и подчинялась им. Так, работники районного звена назначались и подчинялись райкому компартии, те обкому и далее по восходящей.

Во-вторых, репрессии против отдельных «врагов народа» и даже целых народов, в частности балкарского, в результате которых происходило быстрое перемещение людей в системе социальной иерархии.

В третьих, переход к всеобщему среднему образованию и расширение доступа к высшему образованию, которые в условиях НТР открывали для большинства граждан возможности вхождения в ряды квалифицированных, высокооплачиваемых работников и народной интеллигенции.

Постоянные репрессии внутри партии, госаппарата, раскулачивание, преследование «врагов народа» создавали кадровый вакуум, обеспечивая приток все новых и новых людских ресурсов,

способствовали ускорению социальной мобильности и определили достаточную открытость системы для всех, кто обладал необходимыми социально-демографическими характеристиками и подходил по критериям политической и идеологической надежности.

Всеохватный характер процесс мобильности приобрел в годы Великой Отечественной войны и после ее окончания. В связи с гибелью на фронтах 38 000 военнослужащих, мобилизованных из Кабардино-Балкарии, жертвами среди мирного населения, а также депортацией балкарского народа в 1944 году, возникла острая нехватка кадров во всех сферах хозяйственного комплекса республики. Тысячи освободившихся вакансий перераспределялись среди оставшихся в живых, что способствовало интенсификации движения по каналам социальной мобильности и притоку свежих сил в более высокие статусные группы.

В историческом плане эти перемены в той или иной степени отражались переписями населения. По данным Всероссийской переписи 1920 г. 96 % населения было сельским, и лишь 4% проживало в единственном, на тот момент, городе Нальчике².

В первые годы Советской власти ввиду многоукладности экономики классовый состав населения в Кабардино-Балкарии был довольно сложным. При переписи 1926 г. выделялись следующие категории населения: рабочие, служащие, лица свободных профессий, хозяева с наемными рабочими. При этом преобладающее большинство, (около 87%), составляли крестьяне. В общем числе рабочих и служащих – 15, 3 тыс. человек преобладало пришлое население, преимущественно русские (16%). Удельный вес рабочих и служащих кабардинской и балкарской национальностей составлял только 1%. Значительную прослойку составляли ремесленники и кустари, всего около 4% , где преобладали кабардинцы и балкарцы, занимающиеся традиционными видами промыслов. Около 3, 2 % населения было отнесено к «эксплуататорскому классу» ввиду использования ими наемного труда. Мизерным был и удельный вес национальной интеллигенции. Из 2419 служащих кабардинцев и балкарцев было только 328. Индустриализация за годы социалистического строительства повлекла за собой быстрый рост рабочего класса. Численность рабочих в 1932 г. по сравнению с 1927 г. увеличилась в 23 раза. Из 4000 рабочих, занятых в промышленности уже около половины были кабардинцы и балкарцы³.

Промышленное развитие сопровождалось появлением новых городов. Если до 1926 г. в Кабардино-Балкарии был только одно городское поселение, то в 1939 г. их стало четыре (города Нальчик, Прохладный, поселки городского типа Докшукино и Майский)⁴. Увеличение доли городского населения было обусловлено развитием промышленности, высоким естественным приростом и притоком населения из центральных районов страны. В основном прибывали рабочие кадры и специалисты.

Уже к 1939 г. по данным Всесоюзной переписи в республике в городах проживало 84,7 тыс. человек или 24,2% населения. Численность населения столицы республики – Нальчика возросла до 46 тыс. человек.

В период с 1932 по 1938 гг. было построено и запущено в эксплуатацию 18 крупных промышленных предприятий, в том числе машиностроительный и моторостроительный заводы, Баксанская ГЭС, Нальчикский мясокомбинат, Кондитерская фабрика и др. В этот же период началось строительство крупнейшего предприятия республики горнорудного комбината в Тырныаузе. В итоге в структуре республиканского ВВП доля промышленности в 1932 г составила 44,7%, а к 1937 г. 52%. к 1940 г. 64,9%.

Это неизменно вело к трансформации социальной структуры: на 1 января 1936 рабочие и служащие составляли 32,7%, колхозное крестьянство 65,6%, крестьяне единоличники и кулаки 1,7%. К 1959 году доля занятых в сельском хозяйстве сокращается до 43%, а доля рабочих и служащих вырастает до 56%⁵. Эти статистические данные отражали существенные изменения, происходившие в системе социально-профессиональной стратификации населения республики,

Новая власть активно стимулировала рост образовательного уровня национальных окраин, стремясь комплектовать кадры квалифицированных работников за счет представителей коренных национальностей, поскольку высокий уровень неграмотности населения затруднял развитие современных производств, препятствовал модернизации экономической системы, способствовал консервации архаичных установок в общественном сознании. Именно по этой причине в ряду институтов, выравнивающих жизненные шансы граждан советской Кабардино-Балкарии, система образования занимала приоритетное место.

Для того чтобы облегчить рабочей и крестьянской молодежи поступление в вуз, в 1919 г. при вузах создавались рабочие факультеты, призванные восполнить пробелы в образовании, характерные для людей, еще недавно не умевших ни читать, ни писать.

В результате проделанной работы, согласно переписи 1939 г. доля грамотных среди людей среднего и молодого возраста составила уже 87,4%. Параллельно с кампанией по борьбе с неграмотностью предпринимались шаги по развитию начальной и средней школы. Молодые граждане получали возможность обучаться в средних школах бесплатно, независимо от места проживания и социального происхождения.

Следует подчеркнуть, что задачи по развитию системы образования тесным образом увязывались с целями пропаганды и мобилизации населения в поддержку правящего режима. Овладение знаниями соединялось с идеей лояльности коммунизму, активного участия в деле его строительства. Советская власть в республике должна была не только преодолевать неграмотность подавляющего большинства населения, но и параллельно воссоздавать или, точнее, создавать класс рабочих, отвечающих тем характеристикам, которыми их наделила идеология.

В 1921 г. было учреждено Положение о школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). В 1940 г. ФЗУ были преобразованы в сеть ФЗО – ремесленных железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения⁶. В дальнейшем ФЗО было преобразовано – в профессионально-технические училища (ПТУ), средние профтехучилища (СПТУ) и техучилища для тех, кто уже имеет среднее образование.

Большое практическое значение имел декабрьский пленум обкома ВКП (б) в 1948 г., на котором обсуждался вопрос о состоянии народного образования в КАССР. На пленуме было отмечено, что постановление ЦК ВКП (б) «О работе кабардинского обкома ВКП (б)» и ряд других нормативно-правовых актов определили пути исправления тех серьезных ошибок и недостатков, которые имели место в области народного образования и создания национальной интеллигенции⁷.

Именно с этого времени для кабардинской молодежи стали устанавливаться льготные условия для поступления в вузы и техникумы. Следует отметить, что отсев учащихся происходил позже. Педагогическое училище ежегодно принимало на

первые курсы всех отделений около 75 % учащихся кабардинцев. Однако при обучении, учащиеся кабардинцы, успевая по всем предметам, заметно отставали по русскому языку. В связи с этим, значительная часть студентов – кабардинцев не получала стипендии и была вынуждена бросать учебу.

Так, в 1952–1953 учебном году из 197 студентов кабардинцев стипендию получали всего 79 человек. В целях улучшения подготовки национальных кадров для начальных школ КАССР Министерство культуры СССР одобрило ходатайство Областного комитета КПСС о разрешении в течении пяти лет выплачивать стипендию студентам-кабардинцам Нальчикского педагогического училища, успевающим по русскому языку на оценку «3», при условии хорошей и отличной успеваемости (по результатам экзаменационной сессии) по другим предметам⁸.

Увеличивалось число выпускников средних школ из коренной национальности: если в 1946 г. среднюю школу закончило 316 человек, в том числе 40 кабардинцев, то в 1950 г. среди 732 выпускников 10-х классов было уже 325 кабардинцев. Многие из них продолжили обучение в вузах страны. В 1950 г. в вузы поступили 1800 выпускников, из этого числа в Кабардинский государственный педагогический и учительский институты – 967 человек, в т.ч. 525 юношей и девушек кабардинской национальности были зачислены вне конкурса⁹. Еще одним из каналов, помогавших преодолевать барьер вступительных экзаменов, были квоты (до 10%), выделявшиеся столичными вузами для молодежи автономных республик. Значительную часть абитуриентов, воспользовавшихся этими привилегиями, составляли выходцы из семей, принадлежавших к региональным элитам.

Анализируя эволюцию системы образования в КБАССР, нельзя не признать того факта, что, расширяясь и дифференцируясь, она являлась мощным институтом уравнивающего воздействия, расширяющим жизненные шансы для выходцев из самых разных слоев общества. Среднее образование стало фактически всеобщим. Начиная с 1960–1970-х гг. вузовская система вбирала в себя примерно 20% выпускников средних школ. Благодаря этому высокой оставалась социальная мобильность в научно-образовательной сфере, где возникли новые возможности в результате НТР¹⁰.

Однако необходимо признать тот факт, что в период брежневского «застоя» система образования в значительной степе-

ни трансформировалась и выполняла теперь не только функцию канала восходящей мобильности, но и в какой-то степени стала инструментом воспроизводства социальных различий. Даже при существовании рабочих факультетов и иных способах льготного поступления в вузы для детей рабочих и колхозного крестьянства, в общей массе студенчества количество представителей этой категории постоянно снижалась. Одновременно с этим наращивались масштабы неформальных способов принятия на привилегированные должности, противоречащие прозрачным критериям отбора, характерным для системы образования. Эта тенденция являлась следствием интересов местной бюрократии, которая могла поставить имеющийся у них властный потенциал и налаженный набор социальных связей в личных благах. Значительную роль в появлении социального неравенства занимала и система административного распределения различных материальных благ и услуг, попавшая под влияние неформальных институтов социального продвижения.

Также необходимо учесть такой важный фактор социальной мобильности как профессиональные предпочтения населения. Переход к индустриальному обществу и появление новых технологий делали возможным возникновению на рынке труда Кабардино-Балкарии значительного количества новых профессий, которые при возросших требованиях к квалификации и подготовке оплачивались высоко и считались престижными. Естественным в таких условиях был, с одной стороны, рост добровольной мобильности, ориентированный на получение высоко-статусной профессии, а с другой увеличение масштабов вынужденной восходящей мобильности, связанной с необходимостью повышения квалификационного уровня работника.

При широком выборе и доступности получения профессий, исторически сложившаяся специфика профессиональных выборов все еще сохраняется и в селе и в городе, что связано с традицией. Немалая роль здесь принадлежала психологическим факторам, которые проявлялись в привычках, установках, поведении. Наряду с традиционным набором ценностей большая роль принадлежала пропаганде престижности данной профессии. Благодаря всем этим факторам на протяжении исторически короткого периода многие новации в профессиональных выборах

коренного населения быстро превращались в традиции, присущие данной группе населения.

С течением времени качественно менялась и внутренняя структура интеллигенции как социальной категории населения. По существу в 70–80-х годах XX в. были ликвидированы диспропорции в распределении производственной и особенно научной интеллигенции, которая в 20–30-х годах XX в. у народов КБР только начала формироваться. Именно за счет этих групп интеллигенции произошел качественный сдвиг, и диспропорция в ее распределении по этносам стала исчезать. Благодаря ускоренной социальной мобильности народов республики наметилась тенденция к формированию сходных параметров их социально-профессиональной структуры.

Следует отметить и существенную роль городов как центров притяжения трудовых мигрантов как извне, так и внутри республики, которые аккумулируя рабочую и творческую энергию последних, становились местом самореализации для множества людей, стремящихся к восходящей социальной мобильности.

По переписи 1989 г. доля горожан в КБАССР достигла 61,1 %. Социалистическая модернизация Кабардино-Балкарии значительно интенсифицировала урбанизационные процессы, способствуя формированию городской культуры как сложной системы, синтезирующей этнические традиции и новые урбанизированные формы. Жителей города – представителей разных этнических групп – объединяло получение статуса горожан, предстоящие адаптационные процессы, приспособление к законам принимающего общества, урбанизированному хозяйству и культуре¹¹.

Ярким отражением общественных изменений стала трансформация традиционных семейных ролевых позиций, ставшая следствием активного включения женщин в производственную и творческую деятельность.

Курс на интернационализацию, сознательно проводимый КПСС, коснулся элементов материальной культуры кабардинцев и балкарцев. Характерной чертой этой политики являлась возникновение и развитие унифицированных для разных народов и групп населения форм материального жизнеобеспечения.

Архаические, примитивные формы жилища, вытеснялись типовыми стандартизированными проектами, подразумевающими электрофикацию, газификацию, и др. технологическим

новшествам жилищного строительства в советский период. Общие формы стали доминировать и во внешнем облике населения – одежде, обуви и головных уборах, независимо от национальной принадлежности или типу поселения¹².

В сфере культурного потребления представителям основных этнических групп жителей КБАССР стали свойственны одни и те же тенденции социально-культурного развития, а различия в культурном облике носили теперь, не столько этнический, сколько социально обусловленный характер.

Таким образом, в качестве вывода проведенного исследования можно выделить следующее. В результате изменения технико-технологической основы труда в условиях научно-технической революции, успехов в организации общего и профессионального образования молодежи, широкого распространение современных форм жизнедеятельности и процессов урбанизации произошла существенная трансформация критериев социально-статусных позиций индивида и способов их достижения. Благодаря процессам индустриализации и развитию системы образования значительной части населения стал доступен широкий диапазон профессиональных позиций в народнохозяйственном комплексе, что в свою очередь способствовало значительному расширению каналов восходящей социальной мобильности.

При этом катализаторами массовых перемещений по социальной лестнице становились и деструктивные процессы, имевшие место в исследуемый период. К ним относятся репрессии против инакомыслящих, включая «раскулаченных», и значительные людские потери Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне. При всем трагизме произошедших событий, следует отметить значительное возрастание динамики социальной мобильности в эти сложные для республики годы. Несмотря на социальные издержки и жертвы, социалистическая модернизация республики способствовала созданию множества новых рабочих мест и построению новой социальной иерархии, в рамках которой как индустриализация, так и коллективизация давали определенные возможности для части людей стремительно подняться на более высокие статусные позиции с самых низов общества.

Приоритетную роль в трансформации общественного организма сыграли переход к всеобщему среднему образованию и расширение доступа к высшему образованию, которые в усло-

виях НТР открыли для большинства граждан республики возможности вхождения в ряды квалифицированных, высокооплачиваемых работников и народной интеллигенции.

При этом динамика мобильности в Кабардино-Балкарии на разных этапах советского периода была различной. После стремительного ускорения в годы форсированной индустриализации социальная структура постепенно приходит в равновесное состояние, что приводит к снижению уровня социальной мобильности в результате ориентации на стабилизацию кадров. В годы «застоя» динамика социальной мобильности населения начинает замедляться. Причинами подобных процессов были еще не вполне равные возможности выходцев из различных социальных групп для получения высшего или среднего специального образования, а также повышения своей квалификации.

Значительную роль в утверждении неравенства сыграла система административного распределения различных материальных благ и услуг, находившаяся под мощным влиянием неформальных институтов социального продвижения. Выделяются определенные отрасли народного хозяйства, предприятия или торговые точки предоставляющие своим работникам ряд привилегий. Внутри общества развивалась немонетарная система взаимных обязательств (протекция, семейные кланы). Реальную основу социальной структуры стало составлять место в процессе нетоварного перераспределения, отношение к контролю над каналами распределительной сети (в первую очередь, дефициту). В итоге уже к началу перестройки особенностью сложившейся дифференциации являлось проявление неравенства не столько в уровне заработной платы, сколько в неформальных жизненных шансах и престиже занимаемой позиции.

В конце 80-х – начале 90-х годов, когда в Кабардино-Балкарии начались экономические реформы и обозначился сдвиг в сторону от социализма к капитализму, стала складываться новая модель социального расслоения. Постепенная легализация предпринимательской деятельности, охват правовым полем рыночных отношений стали катализаторами для становления таких факторов социальной дифференциации, как капитал и частная собственность на средства производства. Это уже были зачатки новых каналов продвижения внутри сложившейся общественной иерархии.

В ходе советской модернизации в социально-классовой структуре Кабардино-Балкарии произошли кардинальные изменения: на смену прежнему сословному делению общества приходит совершенно новая социально-профессиональная стратификационная структура, включающая в себя социальные группы, характеризующиеся повышением образовательного уровня и активным освоением новых статусов и ролей, предоставляемых социалистической системой хозяйствования.

Примечания

1. *Кумахов М.Г.* Изменение социально-этнической структуры городского населения КБАССР // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1973. Вып. 7. С. 72–86.
2. История Кабарды с древнейших времен до наших дней. Изд. Академии наук СССР. М., 1957. С. 224.
3. ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. Л. 227.
4. *Догужаев В.Б.* Историко-географическая характеристика населения КБАССР. Нальчик, 1988. С. 35.
5. История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957. С. 279.
6. Кабардинская правда. 1948 г. 18 апреля. № 78.
7. *Хутуев Х.И.* Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. С. 208.
8. РГАНИ. М/ф. 4007. Д. 50.
9. *Черник С.А.* Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. Историко-педагогическое исследование. М., 1984. С. 67.
10. *Черныш М.Ф.* Ч-49. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе: Монография. М.: Гардарики, 2005. С. 148.
11. *Канукова З.В.* Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде // отв. редактор Ю.М. Ботаков. СПб., МАЭ РАН, 2013. С. 6.
12. *Мамбетов Г.Х.* Интернациональное и национальное в материальной культуре кабардинцев и балкарцев // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980–1981 гг. посв. 60-летию образования СССР (окт. 1982 г.). С. 38.

Z.H. SHOMANOV

**THE DYNAMICS OF SOCIAL MOBILITY
OF THE POPULATION KABARDINO-BALKARIA
UNDER SOVIET MODERNIZATION**

The work is devoted to the study of the transformation processes that have affected the KBR society in the Soviet period. Relevance of the work due to the need for scientific understanding of the problems of social mobility in the Kabardino-Balkaria in the conditions of Soviet modernization. The industrialization and the development of secondary and higher education systems are seen as key channels of mobility processes in which social changes occurred multilevel social, economic and cultural space. We study the features of the Soviet state and the nature of the distribution of social mobility mechanism and various methods of its implementation in the conditions of socialist transformation. The opinion that the intensity of social mobility processes in the period of stagnation start to decline gradually due to the transformation of a number of channels of social mobility in the mechanisms of simple reproduction of social-status groups, which led to a relative stabilization of the social landscape of the republic to the beginning of perestroika.

Keywords: stratification, social mobility, social status, differentiation, social elevators, system of education, urbanization, industrialization and socialist modernization.

КАБАРДИНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ГОРОДА

В статье прослеживается процесс адаптации кабардинского сельского социума в инокультурной, иноязычной городской среде, который связан с ускорившимися с середины 50-х годов темпами урбанизации Кабардино-Балкарской республики.

Ключевые слова. Урбанизация, городская среда, кабардинцы, индустриализация, сельский социум, полиэтничное пространство.

Кабардинцы относятся к числу тех народов, которые не строили городов. Конечно, аристократия имела возможность посещать города Российской империи, Турции и других держав, то есть ощутить город, почувствовать его преимущества в военной, административной и хозяйственной сфере. Однако на протяжении столетий не было попыток привнести урбанистические черты в свою среду. Общество организовывалось и гармонично развивалось «на лоне» природы.

В ходе покорения Кабарды Россией на ее территории строились крепости, со временем превратившиеся в города, один из которых – Нальчик стал столицей Кабардино-Балкарской республики. Кабардинцами крепость воспринималась как угроза, что естественно привело к складыванию определенной модели отношений между гарнизонным населением и жителями аулов: взаимная враждебность, недоверие, настороженность. Выросшие из крепости слобода Нальчик, а затем и город явились для кабардинцев в некотором смысле ее продолжением. Отдельные исследователи отмечали, что «для большой группы советских наций... нередко город олицетворял кроме угнетения социального, и угнетение национальное»¹.

Контакты между сельскими и городскими жителями, имевшими различия в образе и уровне жизни, привычках, обременя-

лись к тому же различиями в языке, культуре, вероисповедании. Яркой иллюстрацией этому служат воспоминания Охрименко А.М. – украинки, жившей в Кабардино-Балкарии в первые годы советской власти. Ее отца часто приглашали как специалиста на стройку в соседние кабардинские селения. Однако, зайдя во двор, «он должен был вымыть руки, лицо, прополоскать рот, и тщательно вытереть ноги, чтобы, не дай бог, не занести в дом грязи от свиней»². С другой стороны, отец по возвращении домой подвергался нападкам жены, грозившей ему «божьей карой» за то, что «снюхался с бусурманами»³.

Взаимодействие села с городом предполагало не только контакты городского и сельского типов людей, но и выстраивание отношений между представителями разных народов, историческая память которых (об обстоятельствах, приведших к соседству) выступала важным фактором, во многом определявшим характер их диалога. За время долгого пути превращения крепости в город, вовлечения кабардинцев в орбиту его хозяйственной, культурной и административной жизни роль этого фактора постепенно сходила на нет, но не была исключена вовсе, актуализируясь в годы социальных и политических потрясений. Во время революции и гражданской войны в Кабарде именно городская местность, населенная преимущественно русскими воспринималась как «рассадник» большевизма, не принятого кабардинским селом. Социальный конфликт приобрел национальную окраску. Вспомнилось прошлое Нальчика как крепости. Уже в последние годы советской власти город становится центром национально-культурного возрождения, предпринятого общественными организациями. В его основе лежало обращение к прошлому, в том числе к трагическим событиям и последствиям Кавказской войны, а также стремление укрепить позиции кабардинцев во всех сферах жизнедеятельности республики, определенная которых была связана с городом, что не могло не задеть интересы русскоязычного населения.

Говоря о роли урбанизации в развитии национальных отношений, можно согласиться с А.Г. Левицкой, которая считает, что «урбанизация сама по себе еще не способна служить гарантом социально-национального равенства»⁴. И здесь дело заключается, прежде всего, в возможностях освоения и использования преимуществ города. Преимущества города перед селом выража-

лись в доступности «благ цивилизации» (центральное отопление, водопровод, телефонная связь и т.д.), в качестве бытовых, медицинских, образовательных услуг, в престижности работы, менее трудоемкой и более доходной, в возможности разнообразить досуг. В моноэтнических регионах эти преимущества провоцируют социальное неравенство между горожанином и сельчанином, но в полиэтничных – таких как Кабардино-Балкарская республика, где горожане были представлены преимущественно одним, а сельчане другим народом социальное неравенство приобретало национальный оттенок.

Полиэтнические регионы Советского Союза исследователи, в контексте урбанизационных процессов, подразделяли на две группы. К первой относятся те регионы, где «коренная нация высоко урбанизирована, и ее внутренняя дифференциация охватывает все основные виды и сферы современного разделения труда. В этих условиях социально-экономическая и социально-политическая структура опирается в основном на коренную нацию...»⁵. Кабардино-Балкария относится ко второй группе, то есть к той группе автономных республик, где коренные нации «...преимущественно характеризуются аграрным населением, их внутренняя консолидация (социальная и этническая) больше связана с социальным развитием села. В этих республиках формируется два относительно самостоятельных социально-этнических подразделения: село, состоящее преимущественно из представителей коренной нации, и город – с преобладающим русскоязычным некоренным населением, которое в культурно-этническом плане стоит ближе к русской нации или быстро сближается с ней»⁶.

В начале XX века в Нальчике проживало около десяти семей кабардинцев. В 1959 г. (перепись населения) кабардинцев здесь насчитывалось 15656 человек, то есть 12% от общей численности народа. Активное освоение города, пришлось на 1960–1980 гг. В 1970 г. в Нальчике проживало уже 37541, в 1979 г. – 59003, а 1989–84832 кабардинцев⁷. Понятно, что основным фактором роста здесь выступал механический прирост. Несмотря на значительное увеличение в этот период числа горожан среди кабардинцев они, занимавшие первое место по численности в республике, менее чем остальные народы (русские, балкарцы) были представлены в городе, о чем свидетельствует следующая таблица.

Соотношение городского и сельского населения КБАССР по национальному признаку⁸.

Националь-ности	1959 г. %		1970 г. %		1979 г. %	
	Город.	Сел.	Город.	Сел.	Город.	Сел.
Кабардинцы	12.2	87.8	21.3	78.7	35.84	64.16
Балкарцы	13.6	86.4	26.9	73.1	50.26	49.74
Русские	70.8	29.2	77.0	23.0	81.7	18.3
Другие	70.0	30.0	74.1	25.9	77.7	22.3

Результаты переписи 1979 г. говорят о том, что только в отношении кабардинцев процент сельского населения доминировал, причем значительно, над процентом городского.

В отличие от русской части населения республики уже давно освоившей город, кабардинцы представляли осваивающий город народ, что предполагало определенные, ставшие национальной приметой того времени трудности, связанные с получением прописки, поиском жилья, достойной работы. То есть осваивающая сторона находилась в менее выгодном положении перед освоившейся. Большинство перебравшихся в город сельчан снимало комнаты или надолго «застревало» в общежитиях. Кто не мог добиться и этого, пополнял многочисленные ряды трудовых маятниковых мигрантов, которые, обслуживая предприятия города, ежедневно преодолевали большие расстояния, затрачивали много времени и тем самым оказывались подверженными состоянию, получившему в научной литературе название – «транспортная психологическая усталость»⁹. Более того, как отмечает А.Г. Левицкая, «...мигранты в крупных городах используются преимущественно на непрестижной, малоквалифицированной работе, что ущемляет их социальный статус, затрудняет реализацию образовательного-квалификационного потенциала. У большинства из них по переезде в город ухудшаются жилищные условия; они теряют привычные социально-нравственные связи»¹⁰.

Рассмотрим национальный состав промышленных предприятий республики.

	Русские %	Кабардинцы %	Балкарцы %
Машиностроительный Завод, г. Нальчик	66.0	18.0	3.0
Станкостроительный Завод, г. Нальчик	56.9	29.5	4.6
Гидрометаллургический Завод, г. Нальчик	49.5	29.5	6.6
Завод «Севкавэлектро прибор», г. Нальчик	47.9	38.4	5.3
Нальчикский завод полупроводниковых приборов	53.9	32.2	4.0
Предприятия министерства местной промышленности	24.4	61.3	4.9

Как видно из таблицы кабардинцы в меньшей степени были представлены на крупных предприятиях, являвшихся локомотивами экономического развития республики и составляли подавляющее большинство на предприятиях министерства местной промышленности. Если первые отличались лучшими условиями труда, наличием современного, часто импортного оборудования, более высоким окладом, возможностями для сотрудника получить жилье, ездить на экскурсии, отдыхать на базах отдыха от своей организации и т.д., то вторые, напротив, были малопривлекательными, особенно для молодежи, с точки зрения социальных гарантий, условий труда и перспектив карьерного роста. Увеличение рабочих из числа коренных национальностей шло быстрее за счет их роста в легкой и пищевой промышленности, строительстве, торговле, общественном питании, то есть, в таких отраслях, где преобладает ручной труд, не требующий высокой квалификации и порой специальной подготовки, на предприятия, размещенных в районных городах и обслуживающих местные нужды¹¹.

Низкий процент представителей коренных национальностей был характерен для руководящего звена промышленных пред-

приятий. В резервном списке (1968 г.) выдвинутых на должности директора, заместителя директора, главного экономиста, главного инженера состоящего из 67 фамилий, значилось 10 кабардинцев¹².

Освоение города кабардинцами помимо трудностей в материальной сфере предполагало, к тому же, некий дискомфорт, связанный с адаптацией в инокультурной и иноязычной среде. Например, житель французской деревушки, перебираясь в город, оказывается среди таких же французов, как и он сам. Для скорейшей адаптации ему необходимо лишь уловить городские повадки и некоторые модные тенденции. Теперь посмотрим на кабардинца середины XX века. Меняя место жительства в родном селе на столицу своей республики (опускаем все бюрократические и иные трудности переезда), он попадал в «русский» город. Чтобы приспособиться здесь, необходимо было не просто социализироваться в новых условиях, но еще и, в какой-то мере, денационализироваться. То есть сельчанину-кабардинцу навязывала или предлагала образ жизни не родная «кабардинская» городская среда, которая к тому времени еще не сложилась, а «русская», ориентация на которую предполагала помимо приобретения сугубо городских привычек также приобретение иноэтнических культурных черт и, соответственно, потерю своих.

Очутившись в городе, получив работу, влившись в коллектив, приобретя новых соседей, кабардинец начинает испытывать дискомфорт. Но это не просто дискомфорт «грубого сельчанина» перед «манерным горожанином». Здесь еще присутствует и неудобство за свое неидеальное знание русского языка, за свое труднопроизносимое и непривычное для русского уха имя, за повадки, т.е. за свои национальные особенности. Это было следствием процессов формирования социалистической, советской нации, что предполагало отрыв от традиционного, самобытного, то есть не вписывающегося в заданные стандарты. И планка этих стандартов особенно высока была в иноязычном, инокультурном городе. Здесь кабардинец всегда оказывался в меньшинстве: на улице, в магазине, в детском саду, в школе, в трудовом коллективе. Он чувствовал некое смущение перед большинством.

Можно выделить объективные причины проблемности освоения города кабардинцами: это традиционный аграрный уклад народа, его относительно большая численность, поздняя урбанизация республики, отставание темпов жилищного строительства в

городах от темпов роста населения. То есть, грубо говоря, молодой, развивающийся город не мог в одночасье принять, разместить, трудоустроить огромное число сельчан-кабардинцев, в отличии, например от малочисленных балкарцев. Русское же население республики традиционно являлось по преимуществу городским.

Однако нельзя упускать из вида и субъективную сторону вопроса, заключающуюся в кадровой, миграционной, хозяйственной политике республиканских и центральных властей.

Во-первых, только к концу 1950-х г. отказались от практики прикрепления сельчан к колхозам. Им стали выдавать паспорта и разрешили свободный выход из колхозов.

Во-вторых не были созданы необходимые условия для закрепления на предприятиях Нальчика рабочих – представителей коренных национальностей. Из принятых в 1966–1968 гг. 9700 кабардинцев и балкарцев уволилось 7900 человек¹³.

В-третьих, проблема нехватки рабочих кадров в Нальчике решалась за счет доставки ежедневно транспортом предприятий тысяч рабочих из близлежащих сел. Пленум Кабардино-Балкарского обкома КПСС (февраль 1982 г.) пришел к решению о необходимости более активной работы в этом направлении¹⁴. Это давало возможность решать проблему использования трудовых ресурсов с меньшими затратами, так как не требовало дополнительного строительства в городе жилья. Имеющимся же в резерве жильем, беспрепятственно и порой бесконтрольно обеспечивались специалисты со стороны. Лишь в 1977 году было принято решение, что приглашение иногородних специалистов для работы на предприятиях и в организациях республики, обставляемое условиями гарантированного предоставления жилья, допускается только по согласованию с райкомом КПСС¹⁵.

В-четвертых, нельзя говорить о том, что городское население Кабардино-Балкарии увеличивалось исключительно за счет необходимых специалистов и рабочих. Относительно мягкий климат, курортная атмосфера привлекали многих жителей страны, особенно тех, кто проработал определенный промежуток времени в суровых условиях Севера или по состоянию здоровья нуждался в перемене места жительства. Для подобных категорий граждан предусматривалось содействие государства в этих вопросах. Вот характерный пример. Репатриант из Тайланда Булгаков Т. с женой и шестью детьми проживал в Приморском

крае, но из-за проблем со здоровьем, по заключению врачей был направлен на постоянное место жительства в КБАССР¹⁶. Охотно перебирались в Нальчик семьи инвалидов Великой отечественной войны, погибших военнослужащих, офицеров запаса. Только в 1972 г. 43 семьи военных получили здесь квартиры и 42 – были взяты на учет¹⁷.

Помимо запланированного миграционного потока для городской местности республики был характерен стихийный наплыв населения, никак не связанный с потребностью в промышленных кадрах и программами по обустройству различных категорий граждан. В ряде случаев повинны в этом были отдельные руководители предприятий, которые вместо подготовки необходимых кадров из местного населения приглашали работников со стороны, а иногда необоснованно ходатайствовали о пропуске уже прибывших в город граждан различных специальностей, в которых не было необходимости¹⁸. Впоследствии, прописанные граждане не только не трудились на этих предприятиях, но и вообще числились безработными.

Вот типичный случай тех лет. Прораб Строительно-монтажного управления треста «Севкавкоопстрой» Дьяченко подписал за директора письмо в паспортный стол Нальчика, в котором просил прописать в городе гражданку Лим Татьяну Ивановну и ее мать, как специалиста по монтажу оборудования строящегося технологического техникума. Однако было установлено, что она никогда не работала в тресте «Севкавкоопстрой» и вообще не имела никакой специальности¹⁹.

Профессиональный состав внешних мигрантов в городскую местность КБАССР часто оказывался следующий: парикмахер, медсестра, портной, фотограф, сапожный мастер, пенсионер²⁰. То есть прибывшие не годились для промышленной сферы республики, а их специальности могло приобрести и местное трудоспособное но не трудоустроенное население, численность которого только в Нальчике к 1965 г. составляла 17,8 тысяч человек²¹.

Нередки были факты, когда жители прописывали на своей небольшой жилой площади родственников и, таким образом, попадали в списки нуждающихся в улучшении жилищных условий. Так, в 1966 г. прибывшая из Георгиевска гражданка Округлова А. купила в Нальчике комнату площадью 13 кв. метров. Позже к ней прописался муж и родители, переехавшие из Калмыцкой АССР²².

О стихийном наплыве внешних мигрантов в столицу республики жаловался в Москву ее руководитель Т. Мальбахов: «В город Нальчик продолжают прибывать сотни офицеров, демобилизованных из армии, и много других лиц, привлекаемых курортным югом. Приостановить или задержать этот приток трудно. Поскольку все другие курорты Северного Кавказа пользуются особым режимом прописки и проживания, тяга к Нальчику увеличивается»²³.

Прибывающие в республику в подавляющем большинстве пополняли ряды городского населения. За период с 1966 по 1974 гг. механический прирост населения КБАССР составил 57,8 тыс. человек, 51,2 тыс. из них пришлось на городскую местность²⁴. Это объясняется рядом причин. Во-первых, как было отмечено выше, сельская местность испытывала переизбыток трудоспособного населения и сама выступала «поставщиком свободных рук». Во-вторых, внешний мигрант, если он сельчанин, не предпримет переезд для смены села на село, но будет заинтересован в приобретении более престижного статуса городского жителя (вертикальная мобильность). В-третьих, поскольку значительную часть мигрантов составляло русское или русскоязычное население страны (из 115 человек, к примеру, прописанных по улице Республиканской города Нальчика в 1965–1966 годах, 94 являлись русскими²⁵), ему было комфортней селиться в своей этнической среде, которая в республике была представлена в основном городом.

Примечания

1. *Борисов З.И., Пономарев Н.С.* Развитие социальной однородности как фактор консолидации советского народа // Советский народ – новая историческая общность людей. Волгоград, 1969. С. 310, 311.

2. *Охримено А.М.* Юность моего поколения. Нальчик, 1989. С. 6.

3. Там же. С. 17.

4. *Левицкая А.Г.* Там же. С. 18, 19.

5. *Халлик К.С.* Некоторые вопросы развития национально-социальной структуры горожан // Особенности пополнения основных отрядов интеллигенции. Таллин, 1981. С. 65.

6. Там же. С. 66.

7. УЦДНИ КБР. Ф. 2. Оп. 35. Д. 22. Л. 6.

8. Там же. Ф. 1. Оп. 10. Д. 171. Л. 4.

9. Коган Л.Б. Там же. С. 99, 100.
10. Левицкая А.Г. Там же. С. 34, 35.
11. УЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 10. Д. 171. Л. 8.
12. Там же. Оп. 2. Д. 2196. Л. 17–20.
13. УЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2163. Л. 6.
14. Там же. Оп. 10. Д. 171. Л. 9.
15. Там же. Ф. 2518. Оп. 1. Д. 119. Л. 49–52.
16. Там же. Л. 31.
17. УЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 4. Д. 452. Л. 1–10.
18. Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2055. Л. 49.
19. Там же. С. 71, 72.
20. Там же. С. 63, 68.
21. ЦГА КБР. Ф. р-901. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.
22. УЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 4. Д. 452. Л. 47.
23. Говорил тихо – слышали все. Нальчик, 2000. С. 316.
24. Догужаев В.Б. Миграция населения и ее роль в формировании трудовых ресурсов КБАССР. Нальчик, 1980. С. 8, 9.
25. УЦДНИ КБР. Там же. Л. 63–68.

O.A. ZHANSITOV

**KABARDIAN SOCIETY IN TERMS OF URBANIZATION:
PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE CITY**

The article traces the process of adaptation Kabardian rural society in the foreign culture, a foreign language urban environment, which is associated with accelerated since the mid-50s urbanization of Kabardino-Balkaria.

Keywords: Urbanization, urban environment, Kabardians, industrialization, rural society, multiethnic space.

**К ВОПРОСУ
О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ
В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.**

Данная работа посвящена истории становления новой политической системы. Исследованы процессы преобразования Верховного Совета депутатов в КБР и его Президиума в парламент КБР и принятие новой Конституции КБР. Показано развитие парламентаризма в Кабардино-Балкарской республике и определены основные вехи его развития.

Ключевые слова: законодательный орган власти, политические преобразования, конституция, парламентаризм, депутат.

Политические преобразования – это, говоря другими словами, изменение политической системы государства. Такое изменение происходило в Кабардино-Балкарии, начиная с 90-х годов XX века, и, заканчивая первым десятилетием XXI века.

Изменение политической системы или политические преобразования включают в себя, прежде всего и главным образом, изменение конституции (принятие новой Конституции) и преобразование Верховного законодательного (представительного) органа государственной власти. Таким образом, статья посвящена истории становления новой политической системы: процессы преобразования Верховного Совета депутатов в КБР и его Президиума в парламент КБР и принятие новой Конституции КБР.

Современная, базирующаяся на демократической основе, политическая система КБР опирается на положение Конституции, принятой 1 сентября 1997 года. С принятием Конституции республика, в основном, завершила реформу своей политической системы, приведя её в соответствие с Конституцией Российской Федерации, с международными стандартами правового государства. Провозглашены приоритет прав и свобод человека как высшей ценности, разделение государственной власти на законодатель-

ную, исполнительную и судебную; государственное устройство учитывает многонациональный состав населения республики; создана избирательная система; был введен пост всенародно избираемого Президента республики, впоследствии отмененный нормативно-правовым актом Российской Федерации; был закреплен двухпалатный состав Парламента, который позже также был реорганизован в однопалатный; судебная власть включает Конституционный Суд КБР, Арбитражный Суд КБР, Верховный Суд КБР, городские и районные суды, а также мировых судей.

Государственную власть в Кабардино-Балкарии осуществляют Глава республики, Парламент, Правительство и Суды Кабардино-Балкарской республики.

Необходимо заметить, что именно в 90-е годы прошлого столетия произошли наиболее значимые и оригинальные изменения в политической системе КБР. Так, например, Парламент Кабардино-Балкарии, являясь законодательным (представительным) органом государственной власти республики, состоял из двух палат (чего не было в других субъектах РФ) – Совета республики и Совета представителей.

Совет республики избирался по одномандатным округам, в основном, с равным количеством избирателей на основе прямого избирательного права при тайном голосовании.

Совет Представителей избирался по трех-мандатным округам на основе прямого избирательного права при тайном голосовании. В столице республике г. Нальчике для выборов в Совет Представителей создавались два трех-мандатных избирательных округа.

Депутатом Парламента КБР мог быть избран гражданин КБР, достигший возраста 21 год и имеющий право участвовать в выборах. Одно и то же лицо не могло одновременно являться депутатом обеих палат. Депутаты Совета Республики работали на профессиональной постоянной основе и не могли находиться на государственной службе, заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой работы. В Совете Представителей на постоянной основе работал только председатель Совета, остальные депутаты собирались на время сессии, оставаясь на своей основной работе¹.

Впервые Парламент КБР был избран 12 декабря 1993 года. В связи с истечением срока его полномочий, в соответствии с

частью первой статьи 4 Закона КБР «О выборах депутатов Парламента КБР» Указом Президента КБР от 12 сентября 1997 года были назначены выборы депутатов Парламента Кабардино-Балкарской республики нового состава (второго созыва) на 14 декабря 1997 года.

Правовую основу выборов депутатов Парламента КБР составляют:

Конституция РФ, ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Конституция КБР, принятая 1 сентября 1997 г., Закон КБР «О выборах депутатов Парламента КБР», принятый Парламентом КБР 9 сентября 1997 г., Закон КБР «Об избирательной комиссии Кабардино-Балкарской республики», принятый Советом Республики Парламента КБР 7 мая 1997 года, и другие правовые акты².

Для проведения выборов нового состава Парламента 14 декабря 1997 года в республике были 36 одномандатных избирательных округов по выборам депутатов в Совет Республики и 12 трехмандатных избирательных округов по выборам депутатов в Совет Представителей Парламента КБР, а также 326 избирательных участков для голосования избирателей. В них в установленном порядке были сформированы 48 окружных избирательных комиссий и 326 участковых избирательных комиссий, в состав которых вошли 3407 членов с правом решающего голоса. Территориальные избирательные комиссии не формировались.

Согласно Закону Кабардино-Балкарии «О выборах депутатов Парламента Кабардино-Балкарской Республики» право выдвижения кандидатов в депутаты Парламента КБР предоставляется непосредственно избирателям, избирательным объединениям и избирательным блокам.

При этом избирательные объединения, инициативные группы избирателей, выдвинувшие кандидата в депутаты, обязаны собрать подписи избирателей в его поддержку не менее 1 процента от общего числа избирателей, числящихся в каждом конкретном избирательном округе.

В соответствии со статьями 30 и 32 Закона КБР «О выборах депутатов Парламента КБР» избирателями и избирательными объединениями (избирательные блоки не образовывались) кандидатами в депутаты были выдвинуты 223 человека, из них: в Совет Республи-

ки – 129 и Совет Представителей – 94 человека. Проверив соответствие порядка выдвижения кандидатов требованиям вышеназванного Закона, окружные избирательные комиссии зарегистрировали кандидатами в депутаты Парламента КБР – 220 человек, в том числе в Совет Республики – 128 и Совет Представителей – 92 человека. Трём кандидатам в депутаты окружными избирательными комиссиями было отказано в регистрации их по причинам нарушения требований Закона при сборе подписей в поддержку кандидатов и оформлении подписных листов. Ко дню выборов четырнадцать кандидатов в депутаты по различным основаниям сняли свои кандидатуры, в связи с этим в бюллетени для тайного голосования были внесены 206 кандидатур, из них: в Совет Республики – 125 человек и в Совет Представителей – 81 человек.

Пожалуй, самым оригинальным (по сравнению со многими субъектами Российской Федерации) институтом политической системы республики являлся двухпалатный Парламент, состоявший из Совета Республики и Совета Представителей.

Положение о Парламенте Кабардино-Балкарской Республики, введенное в действие ещё Указом Президента КБР от 27 октября 1993 года определило Парламент КБР высшим представительным и законодательным органом республики, избираемым на четыре года.

Совет Республики (Государственная Дума) состояла из 36 депутатов, они работали на профессиональной постоянной основе. К сфере ведения Совета Республики отнесены были классические полномочия нижней палаты парламента от дачи согласия на назначение членов Кабинета Министров, решения вопросов о доверии ему или его отставке до запросов в конституционные суды РФ и КБР. Кроме того, эта палата наделялась такими полномочиями, как толкование законов Кабардино-Балкарской Республики и определение правового статуса республиканских общественных организаций.

Совет Представителей (Палата представителей) состояла тоже из 36 депутатов, представляющих административно-территориальные единицы республики.

Депутаты Совета Представителей работали не на профессиональной основе, денежного и иного содержания депутаты не имели. Собственные полномочия Совета Представителей определились весьма скромно, но весомо: первичное обсуждение го-

сударственного бюджета республики, внесение его на утверждение Парламента, выработка предложений по принятию ставок налогов и обязательных платежей, утверждение финансово-кредитной политики, определение основ внешнеполитических отношений, заслушивание отчетов контролируемых органов.

К совместному ведению обеих палат были отнесены такие важные полномочия:

- принятие Конституции Кабардино-Балкарской Республики, внесение в неё изменений и дополнений;
- регулирование вопросов межнациональных отношений
- решение вопросов, связанных с изменением границ Кабардино-Балкарской Республики;
- решение вопросов административно-территориального устройства Кабардино-Балкарской Республики, наименование и переименование городов и населенных пунктов;
- утверждение государственного бюджета республики и контроль за его выполнением, установление республиканских налогов и сборов;
- ратификация и денонсация договоров и соглашений с государствами, республиками и другими субъектами Российской Федерации;
- принятие решений о проведении референдума;
- назначение выборов депутатов Парламента КБР и органов местного самоуправления;
- назначение выборов Президента КБР;
- дача согласия и назначение Премьер-министра КБР;
- принятие решения о проведении референдума о доверии Президенту КБР.

Такое уравнивание полномочий обеих палат за счет увеличения перечня полномочий, относимых к совместному ведению, устранило очевидное несоответствие палат в Парламенте. Совет Республики, работавший на постоянной основе, стал олицетворением парламентаризма, тогда как Совет Представителей в силу своих полномочий и статуса сохранил черты прежних съездов советов. Сочетание элементов парламентаризма и элементов съездов в работе Парламента стало тем самым разумным компромиссом, который и был возможен в сложившейся ситуации.

Таким образом, политические преобразования в КБР в конце XX – начале XXI вв. связаны, главным образом, с изменением по-

литической системы государства, что, в первую очередь, подразумевает и означает парламентские изменения³. От этого зависят все остальные преобразования в области политики.

Примечания

1. *Дышекова М.Р.* Кабардино-Балкарская Республика: от системы Советов к современному парламентаризму // Государство и право. 1999. № 4. С. 112.
2. Избирательное законодательство Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик, 1998. С. 9.
3. Послание Президента КБР Парламенту. Нальчик, 1998. С. 4.

M.M. ALKHASOV

TO THE QUESTION OF POLITICAL TRANSFORMATION IN THE KABARDINO-BALKAR REPUBLIC IN THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES

This work is dedicated to the history of the formation of the new political system: the conversion process of the Supreme Soviet of deputies of the KBR and its Presidium in the Parliament of the KBR and adoption of the new Constitution of the KBR. Shows the development of parliamentarism in the Republic of Kabardino-Balkaria and the main milestones of its development.

Keywords: the legislative authority, political transition, the Constitution, the parliamentary Deputy.

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КБР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются трансформационные процессы в танцевальной культуре народов КБР на современном этапе. Отмечено, что национальные кабардинские и балкарские танцы к настоящему времени значительно изменились. Этническое своеобразие, свойственное этому элементу гуманитарной культуры в существенной степени утрачено. Процесс интернационализации культуры привел к тому, что современная кабардинская и балкарская танцевальная культура стала строиться по общеевропейским образцам.

Ключевые слова: танцевальная культура, традиционные танцы, этническое своеобразие, трансформация, этнографические вечера.

В конце XX – начале XXI в. процессы модернизации и глобализации стали оказывать все возрастающее влияние на ход исторического развития. В разных странах подвергаются нивелированию ценностные ориентиры, усиливается процесс деэтнизации ряда народов. Обостряются противоречия между современным и традиционным, нарастают процессы взаимовлияния и взаимопроникновения различных культур, происходит утеря этнокультурной специфики многих народов.

Все большая культурная проницаемость, упрощенность доступа к образцам повседневной культуры развитых стран, обусловленная глобализационными технологиями, создают иллюзию причастности к миру «устойчивого развития», которая непрерывно вступает в противоречие с традиционным комплексом отечественной, прежде всего повседневной культуры¹. Сегодняшние процессы глобализации, вторгаясь в сферу привычных представлений об этнических, религиозных, национальных идентичностях, являются настоящим испытанием для них. Любое масштабное преобразование сопровождается «кризисом идентичности», а попыткой выйти из него является поиск (обретение) идентичности².

Особенно ярко и интенсивно эти процессы проявляются на Северном Кавказе, уникальном в мультикультурном плане регионе России, где сформировалась своеобразная самобытная северокавказская культура, впитавшая в себя сотни различных этнических культур и традиций³. В этих условиях сохранение духовного культурного наследия, одной из составных частей которой является танцевальная культура, приобретает особую актуальность и значимость. Актуальность изучения богатейшего и уникального художественного опыта российских народов значительно усиливается в связи с нарастающей глобализацией жизни людей в поликультурной России. В этих условиях особенно важно освоить историческое наследие народов, которые сохранили ряд существенных черт традиционных культур, основанных на принципах коэволюции природы и человеческого общества. Кроме того, исследование художественной культуры народов и регионов страны актуально в связи с развитием дискурса о самоопределении российской цивилизации.

Более того, проблемы трансляции традиционных культур российских народов в контексте поисков современной этнической и общероссийской идентичности относятся к числу наиболее острых и современных. Поскольку искусство является самосознанием народа, то его значимость в формировании современной рациональной культурной коммуникации представляется чрезвычайно важной. В этом отношении традиционная танцевальная культура народов КБР является весьма репрезентативной.

В настоящее время изучение этнической истории и культуры народов, проживающих на территории России, является актуальной задачей современной этнологии. Исследования в области народной хореографии позволяют сохранять национальный облик любого народа. На современном этапе наблюдается стирание границ между различными национальными культурами. Влияние массовой культуры на традиционную определяет необходимость фиксации культурного наследия всех народов, в том числе народов нашего многонационального государства. Перед исследователями стоит задача сохранения локальной специфики этнических групп, проживающих на территории России. Народный танец как неотъемлемая часть народной культуры представляет большой интерес, так как через призму хореогра-

фического искусства, посредством пластических образов передается традиционное национальное самосознание⁴.

К. Бюхер, известный немецкий ученый конца XIX – нач. XX вв., автор многочисленных трудов по истории первобытной культуры отмечал, что, находясь в центре общественного бытия, танец не мог не зафиксировать определенным образом материальные и духовные достижения той или иной формации⁵. Следовательно, каждая эпоха приспособливала хореографию сообразно своим потребностям, своему уровню духовного развития. Танец и отбирал и закреплял жизненные ситуации, взаимоотношения между обществом и окружающим миром, отражал исконные пространственно-временные ориентиры, сложившиеся в этнокультурном сознании народа под влиянием мифологических, природных и социально-исторических условий жизни этноса.

Бурные процессы, происходившие в политической, экономической, социальной жизни Кабардино-Балкарии в конце XX – начале XXI в. не могли не сказаться на развитии национальной культуры и, в частности, танцевальной. Если говорить о развитии профессиональной хореографической культуры КБР указанного периода, то нужно, прежде всего, остановиться на деятельности двух профессиональных хореографических коллективов: ГААТ «Кабардинка» и Государственного фольклорного этнографического ансамбля танца «Балкария».

В период 2000–2010-х гг. ГААТ «Кабардинка» продолжала активную творческую и репетиционную деятельность, однако с эстетической и этнографической точки зрения коллектив практически перестал развиваться. В 2010-х гг. «Кабардинка» не показывает новых интересных аутентичных постановок.

По общепринятой традиции, от которой в свое время отказался Ауладин Думанишев (художественный руководитель коллектива в с 1990 по 1998 г., народный артист КБР, с его именем связан подлинный расцвет ансамбля), концерт «Кабардинки» образца 2010-х гг. начинается с «Приветственного ислама». Постановка вполне традиционная, тем более удивительно, что на сцене «Кабардинка» смотрится не академично, хотя носит высокое звание «Государственный академический ансамбль танца», которым коллектив был удостоен при Думанишеве. Музыкальное сопровождение утратило индивидуальность. У Думанишева музыке была свойственна трансцендентальность, она выходила

за рамки простого сопровождения танцам, выполняя порой ведущую функцию. Нынешний художественный руководитель и постановщик танцев «Кабардинки» Игорь Атабиев относится к музыкальному сопровождению стереотипно, так, как это принято в основной массе северокавказских хореографических коллективов. Музыкальное оформление часто состоит из реминисценций и стилизаций, в нем не ощущается когерентность с глубинными пластами народной музыки.

В «Танце с кинжалами» не наблюдается интересных находок, но исполнение профессиональное и качественное. Музыкальное сопровождение не отлаженное, не слышно других инструментов, кроме гармоники и ударных. В «Кафе» стилистика выдержана, но темп исполнения несколько ускорен, музыкальное сопровождение слишком прямолинейное, давящее, плоское, нет эффекта многомерности, симфоничности звучания, как в Думанишевской «Кабардинке». Это было даже не сопровождение, а сосуществование танцоров с музыкой, они были единым организмом.

В кабардинском народном круговом танце «Удж хешт» большие сомнения вызывает внешний вид танцоров. Из-под черкески проглядывается нижняя рубашка, и если это замысел постановщика, то вряд ли он правомерен. Музыкальное сопровождение местами напоминает эстрадный концерт. В «Танце причерноморских адыгов» применяется синкопированный ритм, есть дух и настрой, но большим недостатком является то, что даже 8 человек не держат линию, исполнение очень небрежное, музыкальное сопровождение слишком прямолинейное давящее.

Хореографическая картинка «Отверженные» по повести М.Ю. Лермонтова «Бэла» исполнена профессионально, хорошо выставлен свет, органично звучит скрипка. «Танец моздокских кабардинцев» исполняет 4 пары. В Думанишевском варианте было 6 пар, что выглядит более логично. Много молодежи, но она несколько «разнокалиберная», не «станцованная». Танец очень техничный, но некоторые танцоры откровенно не дотягивают, присутствует несогласованность в действиях.

Шуточная картина «Свидание», «Танец дагестанских девушек», хореографическая композиция «Старый горский обычай» – это вполне узнаваемые, традиционные танцы с одним и тем же сюжетом, но под разными названиями, как и у многих кавказских коллективов.

В целом, следует отметить, что постановщиками, хореографами, музыкантами и танцорами современной «Кабардинки» осуществляется большая профессиональная работа. Это тяжелый труд, который плохо оплачивается, поэтому люди вынуждены работать в нескольких местах, чтобы поддерживать достойное существование. Но, тем не менее, прославленный коллектив, имеющий за плечами многолетнюю историю и опыт, должен поддерживать высокий уровень. Общим замечанием к программе современной «Кабардинки» является то, что в ряде моментов создается впечатление небрежности исполнения, это очень заметно, когда ансамблю нужно показать синхронную линию.

Государственный фольклорный этнографический ансамбль танца «Балкария», созданный в 1988 г. старается придерживаться сохранения балкарского фольклора, стиля и манер в исполнении балкарских танцев. В настоящее время коллектив ансамбля состоит в основном из молодежи. Танцы, включенные в программу, носят разнообразный характер: энергичный «Тёгерек тепсеу» («Круговой»), плавный «Тюз тепсеу», задорный «Той тепсеу» («Свадебный»). Этот танец совмещает раскованность танцоров, позволяющую воссоздать атмосферу сельской свадьбы и гармоничное коллективное исполнение. Большое место в программе «Балкарии» уделено древним танцам балкарцев и карачаевцев, связанным с почитанием языческих богов. Это стремительная, воинственная песня-пляска в честь бога молнии и покровителя воинов Элии, о котором в нартском эпосе говорится, что он благоволит танцующим. Танец «Тепена» исполняется в честь богини огня – Тыпана, после постройки дома. Танец «Чоппа» – пляска в честь бога, покровителя плодородия и защитника от темных сил. Большой успех имеет танец «Арсланбий» (от арслан – «лев, львиный и архаического бия – «танец», «львиный танец»). У него два варианта; парный, в котором юноша и девушка демонстрируют свою ловкость, и групповой, имитирующий обстановку боя.

Достигнутый ансамблем успех, в первую очередь, связан с тем, что «Балкария» отказалась от шаблонов, сделав ставку на максимально точное сценическое воплощение и воспроизведение специфических черт народного искусства, его национальную окраску. Однако некоторые постановки не совсем удачны («Танец у ручья», «Танец молодых чабанов») лишены черт национального своеобразия. Подобные постановки ведут к падению

вкуса зрителей, многие из которых считают искусством прыжки, кульбиты, сопровождаемые громкими криками. Пойти на поводу у этой части публики – означало бы нанести непоправимый урон репутация ансамбля. А самое главное, это был бы урон для главного дела, которым призван заниматься ансамбль – сохранение традиционного хореографического искусства балкарцев и карачаевцев.

У государственного фольклорно-этнографического ансамбля «Балкария» насыщенная творческая жизнь и коллектив побывал с концертами во многих зарубежных странах. Последние гастролы ансамбля состоялись летом 2016 г. «Балкария» выступила на Международном форуме в Брюсселе, где дала два концерта на сцене старейшего замка Бельгии (Noble).

Ансамбль адыгского танца «Хатти» появился в Кабардино-Балкарской республике в 2005 г. «Хатти» показал себя практически во всех концертных программах популярных певцов КБР Черима Нахушева, Султана Хажирокова и многих других известных артистов. Идейным вдохновителем ансамбля являлся бывший солист ГААТ «Кабардинка» Казбек Балкаров. Первый же концерт «Хатти» произвёл настоящий фурор. Это было смело, профессионально и зрелищно. Музыканты, хореографы и артисты подошли к делу креативно. Им удалось соединить практически несочетаемые вещи. Например, классический балет и традиционный адыгский танец. Однако, в связи с отсутствием финансирования танцевальный коллектив «Хатти» прекратил свое существование. Однако бренд «Хатти» не утерян, работу продолжает музыкальный коллектив «Хатти». Каждый из музыкантов ансамбля индивидуален и представляет собственное творчество, тем не менее, их объединяют общие поиски новых музыкальных форм. В настоящее время «Хатти» работает над новой музыкальной программой, в которой, помимо народных мелодий, звучат произведения Анзора Увижева, Бетала Иванова и Арсена Индарокова.

Следующим пластом в изучении развития танцевальной культуры КБР в начале XXI в. является самодеятельность. Важным фактором, поддерживающим высокую творческую форму самодеятельных коллективов являются регулярно проводимые в республике смотры и конкурсы. Республиканские смотры проводятся каждые 2 года и являются отчетом достижений само-

деятельных коллективов. Сначала профессиональная комиссия просматривает программы всех коллективов в районах, а лучшие участвуют в заключительном концерте в г. Нальчике. Присваивая звание «народный» взрослым и «образцовый» детским коллективам, комиссия учитывает наличие новых концертных постановок, их художественный уровень, стабильность творческой деятельности. После присвоения звания «образцовый» или «народный», коллектив должен регулярно его подтверждать⁶.

В ходе регулярно проводимых смотров и конкурсов особенно наглядно заметны и недостатки. Постановщик, взяв за основу народный танец, может бесконечно развивать его и тем самым создавать новые сценические варианты, но он не должен вносить в танец чуждые элементы, движения, не свойственные этому танцу, исполнять не в том ритме. Нельзя вносить рисунки, искажающие его основу⁷.

В видении большинства современных балетмейстеров современный народный танец – это эклектическая смесь самых разнообразных элементов и деталей, взятых из разнородных танцев, хотя художественные руководители стараются опираться на традиционный народный танец, но скорее не в смысле использования аутентичного фольклора, а в плане подражания профессиональным коллективам. Исходя из результатов последних республиканских смотров художественной самодеятельности, можно констатировать, что всё меньше самобытных народных коллективов, сохранивших в своем творчестве первоначальную чистоту народного стиля. Этот серьезный недостаток в развитии местного искусства был отмечен крупными специалистами по народному творчеству из центра и из-за рубежа при подведении итогов Первого Международного фольклорного фестиваля «Танцы над Эльбрусом» еще в сентябре 1994 г.⁸

Некоторые художественные руководители не предъявляют высоких требований к исполнителям. Они зачастую статичны, зажатые, не следят за руками и корпусом. Конечно же, не следует одинаково строго оценивать работу профессиональных танцоров и любителей, занимающихся танцами в свободное время, но определенные критерии все же должны существовать. Нередко местное телевидение снимало откровенно слабые коллективы, невольно пропагандируя и тиражируя таким образом низкий уровень танцевальной культуры.

Особенно много претензий к внешнему виду танцоров и танцовщиц. Создание сценического костюма превратилось в воспроизведение сильно упрощенных элементов деталей и орнаментов костюма, тогда как создание сценического костюма – это важный вопрос. Нужна серьезная работа по сбору и изучению этнографического материала, анализ композиции и декорировки народного костюма. Отсутствие профессиональных модельеров-декораторов, специализирующихся на создании сценического костюма негативно сказывается на развитии народной самодеятельности. Очевидно, что тяжелые экономические условия, отсутствие финансирования и спонсорской помощи не дают возможности коллективам шить дорогостоящие костюмы. Поэтому многие вынуждены десятилетиями носить один и тот же костюм, пришедший в негодность. Но в любом случае танцоры должны следить за своим внешним видом, так как, выступая на сцене или с экрана телевизора, они являются носителями танцевальной культуры и этикета, с них берут пример. Довольно часто танцоров можно увидеть во время выступлений без головного убора и пояса, тогда как кабардинцы и балкарцы никогда не танцевали без шапки, а пояс снимали только в момент большого горя⁹.

Несмотря на некоторые недостатки в работе самодеятельных коллективов, нельзя отрицать тот факт, что они несут на себе большую воспитательную и обучающую функцию. Через самодеятельные танцевальные ансамбли, студии, школы танцев проходит значительное количество детей, юношей и девушек, а также взрослых людей, желающих научиться танцевать красиво не только на сцене, но и во время торжеств. В 90-е годы появилась тенденция к тому, что среди молодежи стало модно и престижно уметь хорошо танцевать на «джэгу». Многие искренне озабочены проблемами возрождения культуры и танцевального этикета, некоторые просто хотят себя чувствовать уверенно в танцевальном кругу. В любом случае в народной хореографии стали заметны положительные сдвиги.

Если говорить о развитии традиционного пласта танцевальной культуры, то следует отметить, что с течением времени четко отлаженная система управления игрищем была утеряна, но с конца XX – нач. XXI в. стали заметны положительные изменения. Появилась тенденция к тому, что молодежи стало модно и престижно уметь хорошо танцевать национальные танцы. Мно-

гие искренне озабочены проблемами возрождения танцевального этикета, некоторые просто хотят себя чувствовать уверенно в танцевальном кругу. С середины 1990-х годов на джэгу помимо традиционной джэгу къафэ стали танцевать осетинские, абхазские и чеченские танцы. Здесь чувствуется влияние самодеятельных коллективов, чей репертуар редко обходится без танцев соседних народов. Поэтому и стали появляться не свойственные национальной танцевальной культуре резкие движения и скачки, подергивание плечами, как у юношей, так и у девушек, хотя традиция предписывала девушкам не менять положение корпуса, плавно перемещать руки и сохранять осанку.

Традиционные танцы были строги и сдержанны, исключали открытое проявление эмоций, но с течением времени возник стереотип восприятия кавказского танца как очень быстрого, несколько агрессивного, с головокружительными кульбитами и кинжалами. Теперь всеобщее одобрение и восхищение зрителей заслуживают те танцоры, которые изображают в танцевальном круге более головокружительные движения. В настоящее время под «джэгу» подразумевается именно организация танцевального круга и проведение танцев. Народная хореография, тесно связанная с традиционным институтом «джэгу», претерпела значительные изменения.

Трансформация сознания индивида постсоветского российского общества, которое является обществом переходного типа и представляет собой очень сложный противоречивый, часто непредсказуемый процесс. Подавляющее большинство людей старшего поколения разделяет ценности, сформированные за годы советской власти, и резко негативно воспринимает происходящие в мире и стране процессы; они находятся в разладе с окружающей действительностью. Представители среднего поколения на основе критического анализа прошлого и настоящего пытаются создать собственную систему ценностной, сформировать свою идентичность. Что касается молодого поколения, то приходится констатировать, что формирование его ценностной системы, жизненных установок осуществляется под определяющим воздействием СМИ, навязывающих ему массовую культурную продукцию далеко не самого высокого качества¹⁰.

Заметным событием в культурной жизни городской молодежи явилась организация цикла этнографических вечеров для

юношей и девушек столицы Кабардино-Балкарии. Инициативная молодежная группа (З. Шериева, А. Шеожев, Р. Апшев, Э. Мисрокова и др.), обсуждая в Интернете проблемы истории и этнической культуры адыгов, решили, что необходимо организовать джэгу для приобщения молодежи к традиционной танцевальной культуре и этикету. Первый джэгу состоялся в сентябре 2005 года. С мая 2006 года джэгу проводится регулярно один раз в неделю с соблюдением всех канонів игрищного действия. Обычно игрище начинается в 18.00–19.00 и длится 3–4 часа. На него собирается 200–300 человек. После согласования с администрацией г. Нальчика с августа 2006 года место проведения джэгу было перенесено с улицы Карашаева на площадь Абхазии. В планах инициативной группы – подключить к танцам забытые игры, состязания.

В настоящее время на свадебные и другие торжественные мероприятия, предполагающие проведение танцев, стали приглашаться не только профессиональные музыканты и певцы, но и танцоры, которые знают танцевальный этикет и могут по правилам провести джэгу. Во главе танцевальной группы стоит также приглашенный хатяко – распорядитель танцев. Благодаря этим танцорам, чьи услуги, конечно, оплачиваются, в народную танцевальную культуру стали возвращаться забытые традиционные массовые танцы, но приглашение профессиональных танцоров требует определенных финансовых вложений, поэтому их достаточно редко задействуют в свадебных мероприятиях. Чаще всего ограничиваются набором примитивных, но очень популярных у населения мелодий, которые звучат очень громко и быстро. В основном музыкальное оформление, которое должно быть главным украшением торжественного мероприятия и создавать настроение, не продумано и возложено на людей неподготовленных и далеких от настоящих образцов национальной культуры.

Народная танцевальная традиция нуждается в возвращении в обиход красивых круговых танцев. Конечно, современные процессы, влияние танцевальных культур соседних народов не могли не сказаться на традициях народной хореографии, особенно в городских условиях, и это объективная реальность, но необходимо отметить, что соседние кавказские народы лучше сохраняют свою народную танцевальную традицию, и на осетинских и чеченских торжествах, как правило, никто не танцует кабардинские и балкарские народные танцы.

Для недопущения социокультурной облитерации традиционной танцевальной культуры народов КБР требуется принять комплекс мер:

1. Введение в дошкольных и образовательных учреждениях среднего звена специальных занятий по танцевальному этикету и обрядам.

2. Создание регулярных программ по традиционной ценностно-нормативной культуре на радио и телевидении.

3. Цикл публикаций в республиканских СМИ.

4. Обязательное присутствие на торжествах распорядителя танцев – хатяко. Для проведения свадебных, юбилейных и др. торжеств все чаще стали пользоваться услугами профессиональных артистов и тамады, хатяко также должен стать обязательным участником праздничных мероприятий.

5. Организовать регулярный джэгу (еженедельно или 2 раза в месяц) в определенном месте с приглашением участников самодетельных коллективов с целью пропаганды танцевального этикета. Организаторами могут выступить общественные организации, министерство культуры, энтузиасты. Можно проводить соревнования на лучшую танцевальную пару с вручением призов. Обязательно следует продумать механизм оплаты труда музыкантов, чтобы они были заинтересованы в участии в подобных мероприятиях. Также должен существовать оргкомитет по проведению джэгу для урегулирования возникающих вопросов. Подобные мероприятия уже проводятся, но усилиями отдельных энтузиастов проблему решить невозможно, необходимо принятие целого комплекса мер.

6. Подготовить монографическое исследование с подробным описанием обрядовых торжеств (пошаговое), с иллюстрациями, нотным материалом. В написании данной работы должны принять участие этнологи, фольклористы, музыканты.

Таким образом, проанализировав профессиональную танцевальную культуру народов Кабардино-Балкарии в конце XX – начале XXI в. на можно сделать вывод о том, что эта область культуры развивалась неравномерно. В начале 1990-х гг. был сделан качественный скачок, поменялось отношение к танцевальному материалу, стали исследоваться глубинные этнические пласты, которые затем находили претворение в сценических постановках, но в дальнейшем, творческие поиски были прекращены, и

профессиональная танцевальная культура КБР стала практически схожей в целом с северокавказской.

Традиционные кабардинские и балкарские танцы к настоящему времени подверглись значительной трансформации. Этническое своеобразие, свойственное этому элементу гуманитарной культуры в существенной степени утрачено. Процесс интернационализации культуры привел к тому, что современная кабардинская и балкарская танцевальная культура стала строиться по образцам общеевропейской поп-культуры. То, что веками народами КБР воспринималось на генетическом уровне, стало стремительно исчезать в бурном процессе культурной и экономической глобализации.

Примечания

1. *Кешева З.М., Ошроев Р.Г.* Проблемы локального социокультурного общества в условиях глобализации // Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации: этноперекрестки и трансграничье. Коллективная монография по материалам XI Конгресса антропологов и этнологов России. 2016. С. 72.

2. *Шевченко О.М.* «Кризис» идентичности в условиях глобальных трансформаций как фактор роста ксенофобии в современном мире [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sworld.com.ua>

3. *Кешева З.М.* Танцевальная культура кабардинцев как источник формирования современного этнокультурного бренда // Культура и пространство. Книга вторая. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест. Редакторы: В.К. Малькова и В.А. Тишков. М., ИЭА РАН, 2010. С. 152.

4. *Везнер Н.Н.* Народные танцы немцев омской области второй трети XX – начала XXI века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук [Электронный ресурс]. URL: <http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id=54>

5. *Бюхер К.* Работа и ритм. М., 1923. С. 19.

6. *Кешева З.М.* Танцевальная культура кабардинцев как источник формирования современного этнокультурного бренда // Культура и пространство. Книга вторая. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест. Редакторы: В.К. Малькова и В.А. Тишков. М., ИЭА РАН, 2010. С. 154.

7. Архив КБИГИ. Ф. 14. Оп. 1. Л. 3.

8. *Аптаева Ж.* Не только источник эстетического наслаждения // Кабардино-Балкарская правда. 1995. 28 февраля.

9. *Мафедзев С.* Адыгэ хабзэ – лучшее, что создал народ // Кабардино-Балкарская правда. 1993. 1 мая.

10. *Кешева З.М., Ошроев Р.Г.* Проблемы локального социокультурного общества в условиях глобализации // Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации: этноперекрестки и трансграничье Коллективная монография по материалам XI Конгресса антропологов и этнологов России. 2016. С. 72.

Z.M. KESHEVA

**KBR PEOPLES DANCE CULTURE TRANSFORMATION
ISSUES IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION**

The article deals with the transformation processes in the dance culture of the peoples of the KBR at the present stage. It is noted that national Kabardian and Balkar dancing by now changed considerably. Ethnic identity, characteristic of this element of humanitarian culture lost to a considerable extent. Culture internationalization process has led to the fact that modern Kabardian and Balkar dance culture began to build on the Pan-European models.

Keywords: dance culture, traditional dances, ethnic identity, transformation, ethnographic evening.

СОВРЕМЕННЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ ТРАЕКТОРИИ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОМАНИИ

Обсуждаются тенденции развития наркоситуации и вопросы профилактики наркомании. Рассматриваются различные модели формирования устойчивости к наркотическим веществам у подростков. Подчеркивается значимость выработки у них социальных навыков, определяющих траектории здорового стиля жизни.

Ключевые слова: девиантное поведение, наркотики, профилактика наркомании, подростки, социальные и психологические навыки.

Процессы социальной трансформации современного российского общества обуславливают рост девиантных форм поведения, и в особенности в подростковой и молодежной среде. Наибольшую озабоченность вызывает проблема наркомании.

В настоящее время наркогенная ситуация характеризуется все более широким распространением наркомании и омоложением возраста, с которого начинается экспериментирование с различными наркотически действующими веществами.

По приблизительным оценкам, в России около 3 млн. человек регулярно употребляют наркосодержащие средства, до 6,5 млн. человек употребляют их эпизодически, и порядка 18 млн. человек хоть раз пробовали наркотики. Подавляющая часть – две трети потребителей, – это подростки и юноши в возрасте 14–30 лет. Подавляющее большинство наркоманов живет 3–5 лет после первого приема наркотика. Только 10% наркоманов доживают до 30-летнего возраста. Причиной смерти становится передозировка наркотиками или болезни, развившиеся на фоне сниженного иммунитета (н-р, сепсиса – заражения крови)¹. Наркологическую диспансеризацию проходят только до 10% наркоманов, и лишь 1% из них удается реабилитировать, а у остальных происходит рецидив, которому они не могут противостоять. По официальным данным ФСКН РФ 80%

уличных преступлений совершается с целью добыть средства на очередную дозу наркотика.

Наркоситуация в Кабардино-Балкарской республике (КБР) тоже не утешительна. Число лиц, эпизодически употребляющих наркотики, в республике из года в год растёт: за последние три года на 46 процентов². На профилактическом учете в МВД Кабардино-Балкарской республики (КБР) состоит 1244 человека с наркотической зависимостью³. Более 80 процентов наркоманов в республике употребляют опийный мак. Мак с наркосодержащими примесями, завозится из-за границы сотнями тысяч тонн – судами через Новороссийск. Основные поставщики «грязного» мака – Турция и Голландия⁴.

Динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в структуре общего числа зарегистрированных в КБР, имеет тенденцию к увеличению: 2011 г. – 10,4%; 2012 г. – 12%; 2013 г. – 14,3%; 2014 г. – 15,6%. Соотношение уголовных дел, находившихся в производстве и направленных в суд, выглядит следующим образом: 2010 г. – 535:346; 2011 г. – 472:310; 2012 г. – 472:328; 2013 г. – 388:284; 2014 г. – 458:278. В структуре изъятых наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ в 2014 году преобладает доля марихуаны (142655 гр.), гашишное масло (3371 гр.) и героин (2778 гр.)⁵. На начало 2015 г. преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ составили 11,6% от общего количества преступлений общеуголовной направленности, выявленных в республике. К категории тяжких и особо тяжких относятся более половины выявленных преступлений в данной сфере.

Эксперты выражают уверенность в том, что уровень потребления наркотиков угрожает генофонду нации, если 5% населения страны употребляют наркотики. А как узнать, в какой степени мы близки к этой границе и что готовит нам день грядущий? Ведь серьезный мониторинг наркоситуации практически отсутствует, да и дорогое это занятие. Однако это выбор между «за» и «против» жизни, впрочем, как и в случае наркоманического «дебюта».

В «Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» отмечается, что современная наркоситуация в России представляет серьезную угрозу безопасности государства, экономике страны и здоровью ее населения⁶. До 2020 года на государственную программу по реабили-

литации лиц, страдающих наркотической зависимостью планируется потратить 175 млрд. рублей⁷.

Из этого следует, что антинаркоманийная деятельность и разработка алгоритмов профилактики социального недуга являются актуальными проблемами в современных условиях.

Известно, что предупредить наркоманию легче, чем бороться с ее последствиями. Коррекционные программы, направленные на преодоление зависимости от наркотиков не всегда дают ожидаемый результат. В свою очередь, это наводит на идею целесообразности профилактической работы, обеспечивающей формирование социально-одобряемых навыков здоровой жизни.

Поиск инновационных форм и методов работы в данной области ставит перед необходимостью обобщения моделей и траекторий профилактики наркомании, используемых в отечественной и зарубежной практике.

Базовая программа LSI (Life Style International), направленная на формирование жизненных навыков и профилактики потребления психоактивных веществ, разработана в США. Эта программа включает в себя формирование определенных социально-психологических навыков. Среди них: навыки самозащиты; навыки эффективного общения, критического мышления, принятия решений, выработки адекватной самооценки. Важное место занимает обучение умению постоять за себя, избегать ситуаций неоправданного риска, умению совершать рациональный, здоровый жизненный выбор. Все перечисленное способствует развитию социальной и личностной компетенции подростков.

Для большей эффективности программы профилактического обучения, по мнению ее авторов, необходимо соблюдать следующие условия:

1. Уделять повышенное внимание подросткам из группы риска по сравнению с подростками из общей группы.

2. Необходимо сочетать различные обучающие стили, подходы и методики профилактической работы.

3. Хорошо подготовленные педагоги – наставники, пользующиеся доверием своих учеников, более эффективно осуществляют антинаркотическое обучение, чем приглашенные специалисты, родители или сверстники.

4. Сенсационность сообщений и тактика запугивания обычно расходятся с взглядами учащихся и не вызывает доверия.

5. Сведения о разных плюсах и минусах явления, предъявленные осторожно и честно, дадут больший эффект, чем односторонняя информация.

6. Эффективно участие подростков в различных специально моделируемых ситуациях, когда они формируют свои личные позиции в отношении психоактивных веществ. Пассивное присутствие при сообщении информации неэффективно.

7. С подростками 11–14 лет особенно эффективен тренинг социальной компетенции⁸.

По мнению Б. Спрангера, не существует полного совпадения мнений о содержании и методике антинаркотического обучения, поэтому не существует единой обучающей модели для решения разнообразных молодежных проблем.

Программа «Ваше здоровье – 2000» апеллирует не только к сознанию подростка, используя соответствующую информацию, но и располагает пособиями, необходимыми для организации тренингов, описанием игр и занятий, способствующих гармоничному формированию личности учащихся. Есть в ней и отдельное пособие для родителей, в котором представлены способы выработки позиции семьи по отношению к наркотикам и др. Цель данной программы не сводится к сообщению тех или иных сведений. В большей степени она направлена на формирование личности и моделей правильного поведения подростков в ситуациях, провоцирующих экспериментирование с наркотиками. Она нацелена на овладение средствами установления продуктивных отношений в группе.

Деятельность ведущей неправительственной организации Великобритании TACADE (The Advisory Council on Alcohol and Drug Education) направлена на обучение навыкам здорового образа жизни через программы Skills for Life для различных профессиональных и возрастных групп. За 40 лет работы в области разработки обучающих программ и подготовки специалистов по здоровому образу жизни TACADE завоевал международную известность и в настоящее время проводит курсы в десятках странах мира.

В рамках Проекта краткосрочного сотрудничества, финансируемого фондом Know How (Великобритания) сотрудники TACADE и Ассоциации здорового образа жизни Кабардино-Балкарии (с участием автора данного материала) обменивались опытом работы. Изучение опыта английских коллег, присут-

стве на презентации программ формирования здорового образа жизни для школьников, а также посещение различных центров, которые содействуют профилактике наркомании, оказали существенную помощь в поиске инновационных форм антинаркотической работы в условиях Кабардино-Балкарии.

Основная категория специалистов, проходящих подготовку в TACADE – это учителя школ. Их обучают работе с программами по различным аспектам здорового образа жизни для школьников. Тренинги для руководителей школ и менеджеров служат опорой в успешной реализации программ. Skills for the Primary Schools для младшеклассников успешно используется в 40% школ Великобритании. Программы TACADE в основном созданы для профилактики алкоголизма и наркомании. Однако просвещение и воспитание проводятся по всем проблемам образа жизни. Наряду с информированием о наркотиках проводятся обучающие тренинги, содействующие социализации детей и подростков. Skills for Life является наглядным примером этого принципа.

Основная цель Skills for Life – просветить детей и подростков по вопросам здорового образа жизни, дать им знания и навыки его ведения, чтобы у них имелась возможность выбора модели поведения.

Как правило, программа начального образования ориентирована на детей 4–11 лет. Вторая возрастная группа включает 11–14-летних школьников. Третью группу составляют 14–16-летние подростки. Существуют также программы для 17–25-летних молодых людей, специальные программы действуют для несовершеннолетних правонарушителей, а также молодых рабочих. Обучающие курсы для родителей являются составной частью программной деятельности TACADE. В качестве экспертов программ выступают не только ученые, но и учителя, директора школ, руководители фирм и компаний. Финансовая поддержка программ осуществляется Клубом LIONS – широко известным в мире неформальным объединением деловых людей.

Skills for Life – совместный проект Клуба LIONS и TACADE. Деятельность TACADE поддерживается также Департаментом образования, Департаментом здравоохранения, Промышленно-строительной компанией Халифакс и многими другими структурами.

Заслуживает внимания опыт организации профилактики наркомании на рабочих местах. В реализации программ

TACADE, проводимых непосредственно на рабочих местах и исследованиях по вопросам злоупотребления наркотиками и другими психоактивными веществами принимает участие Medevail – авторитетная фармацевтическая научно-исследовательская организация с большим опытом исследований по проблемам запрещенных веществ. Партнерские отношения TACADE и Medevail помогают руководителям компаний и фирм в выявлении лиц, употребляющих психоактивные вещества, организации курсов для сотрудников, оказании консультативной помощи с соблюдением конфиденциальности.

Партнеры гарантируют соблюдение законных прав граждан, а также высокий профессионализм в решении проблем наркомании. Они исходят из той аксиомы, что если работник имеет проблему с наркотиками, то эту проблему имеет и фирма. Любители наркотиков находятся не только в ночных клубах и подозрительных местах. Они не все безработные. Употребление наркотиков – дорогое удовольствие. Им приходится скрывать свое пристрастие, работать, чтобы заработать на наркотики. Значит, создается угроза безопасности на рабочем месте, а также имеют место экономические потери.

В антинаркоманийную работу включаются все сотрудники фирмы. TACADE и Medevail предлагают компаниям и фирмам комплект образовательной программы, а также набор легко управляемого оборудования для выявления факта употребления наркотических и других психоактивных веществ. Регулярно проводятся консультации и выставки.

Комплекс мер, предпринятых в Швеции по профилактике наркомании, в том числе и среди подростков известен под названием «Шведский путь». Профилактика в Швеции проводится на трех уровнях.

Первичная профилактика предполагает превентивные мероприятия с участием всех государственных структур, законодательных органов по формированию безопасного образа жизни среди населения страны. Вторичная профилактика связана с организацией работы с «группой риска». Третичная профилактика ориентирована на поддержку наркоманов, проведение лечебных мероприятий.

На наш взгляд, наибольший интерес представляет опыт организации первичной профилактики. Приоритетным в данном

случае является работа с теми (главным образом детьми и подростками), кто не употребляет наркотики и направлена на их «иммунизацию» против наркотического «заражения».

В позиции средств массовой информации Швеции выделяются четыре подхода:

1. Человеку свойственно поддаваться влиянию тех в своем окружении, кому он доверяет больше всего. Поэтому значительная информационная работа ежедневно проводится на локальном уровне в виде незрелищных мероприятий.

2. Компании через центральные СМИ малоценны и их значимость повысится при условии, что они будут связаны с работой на местах.

3. Преподносимая информация не должна нести запугивающий характер. Необходимо обеспечить «узнаваемость» и правдивость информации.

4. Наиболее эффективный способ изменения отношения человека к наркотику – это ненавязчивое формирование желания к самостоятельному размышлению и действию.

Профилактические мероприятия в Швеции проводятся с дошкольного возраста и охватывают все возрастные группы.

Для детей дошкольного возраста разработаны специальные пьесы для кукольного театра. Как правило, концовка спектаклей создается совместно со зрителями, а поскольку пьеса написана о животных, то дети могут не переносить виденное на конкретных людей.

Для подростков создаются общественные организации «Мы – молодежь», любительские клубы. Детям 13–14 лет устраивают просмотры и обсуждение специальных видеопрограмм. Например, после просмотра фильма о последствиях досуга молодежи с потреблением наркотиков детей просят описать свои ощущения.

Другим важным направлением работы является просвещение родителей, которые, как правило, знают о наркотиках меньше всех.

Интересен опыт издания книг, посвященных конкретно одному виду наркотика (гашишу, кокаину и т.д.), в которых родителей делят на:

- тех, кто *знает*, что его ребенок потребляет наркотики;
- тех, кто *предполагает*, что его ребенок употребляет наркотики;
- тех, кто *считает*, что это *никогда его не коснется*.

В школах работают специальные кружки, куда могут обратиться за помощью и родители подростков, которые относятся к «группе-мишени». Вся деятельность по профилактике наркомании в Швеции строится в тесном контакте между школами, службами социальной помощи и полицией. Причем, если центральные органы определяют общее направление работы, то региональные – с учетом местных особенностей. Координацией всей антинаркотической деятельности занимается Группа управления в составе представителей всех заинтересованных органов и организаций. Правительство Швеции выделяет значительные ассигнования на организацию профилактики наркомании в стране.

Анализ современных зарубежных программ по профилактике наркомании среди подростков показывает наличие в их основе одной из трех моделей.

I. *Модель «знание – установки»* основана на том, что наличие знаний о негативных последствиях наркомании влечет формирование отрицательной установки и их неприятие. Составляющими данного подхода являются теории, ориентированные на деятельность. Ms. Guire апеллирует понятием «когнитивная прививка» и выделяет факторы, способствующие восприятию «убеждающего взаимодействия» – начального этапа процесса поведенческого изменения. Zishbein M. рассматривает поведение как волевой акт. В качестве детерминант поведения выступают намерения индивида принимать участие в деятельности и являются функцией установок относительно данной деятельности.

Исследования модели «знание – установки» не всегда обнаруживали их взаимосвязь и адекватность воздействия на поведение в дальнейшем.

II. *Модель «ценности – принятие решения»* предполагает самостоятельное ответственное принятие решения. Модель опирается на самопонимание, умение удовлетворять потребности и приспособлять свое поведение. Как способ противонаркотического обучения данный подход признан малоэффективным.

III. *Модель социальной компетентности* или психосоциального научения основан на том постулате, что злоупотребление психоактивными веществами происходит в силу отсутствия у людей психосоциальных навыков. Отмечается, что человек сам создает социальную среду и формы межличностного взаимодействия.

На основе данной модели разработаны три психосоциальных техники:

- моделирование типов поведения, стимулирующих здоровый образ жизни;
- обучение системе навыков сопротивления социальным влияниям, способствующим употреблению алкоголя и наркотиков;
- обучение внутрличностным и межличностным жизненным навыкам.

В психосоциальном подходе употребление и злоупотребление психоактивными веществами рассматривается как следствие усвоенных образцов их употребления, как ответная реакция на возникающие жизненные сложности. Алкоголизм, например, является неадаптивным поведением, усвоенным в процессе научения.

Теория психосоциального научения опирается на использование стратегий когнитивно – поведенческого консультирования при тренинге жизненных навыков.

В системе современных инновационных подходов к профилактике наркомании, различные модификации программ, основанных на теории психосоциального научения, являются наиболее популярными и перспективными.

В задачи Российско-Американского Проекта «Партнеры в профилактике» (Институт профилактики наркомании Международной Ассоциации по борьбе с наркоманией и наркобизнесом, Россия и Школа здравоохранения Университета Миннесоты, США), проводившейся в начале 2000-х годов входила адаптация и оценка эффективности Программы «Семейная команда», разработанной в Миннесоте для профилактики употребления алкоголя подростками. Программа «Семейная команда» была первой фазой проекта Норзленд, которая проводилась в течение трех лет. Данная программа включает комплект из четырех книжек: комиксов с заданиями; 4 занятий в школе, проводимых подростками – лидерами того же возраста; обучение учителей; обучение лидеров; проекты – плакаты на антинаркоманийную тематику. Программа создана в форме увлекательных занятий и включает соответствующие возрасту призывы для усиления установок «не употребления наркотика». Русская версия Программы была внедрена в пятых классах 20-ти московских школ. Наряду со школьниками в Проекте принимали участие и их родители. После завер-

шения программной работы проводился опрос всех участников. Выяснилось, что и американские, и российские родители считают употребление наркотически действующих веществ подростками одной из наиболее серьезных проблем. При этом российские родители считают, что употребление наркотиков и подростковая преступность являются более серьезными проблемами в нашем обществе по сравнению с американскими родителями. Однако американские подростки чаще обучаются по профилактическим программам в школах, чем российские школьники. Школьники, принимавшие участие в Проекте более активно включались в профилактические мероприятия школы. Полученные результаты продемонстрировали успешность научно-исследовательского Проекта, а также приемлемость американских программ для российских школьников, учителей и родителей.

Программа «Навыки жизни» представляет собой процесс обучения детей и подростков навыкам взаимодействия с окружающими людьми. В процессе занятий происходит приобретение знаний и навыков поведения, которые позволяют подросткам ответственно относиться к собственной жизни, принимать разумные решения, обретать высокую сопротивляемость негативным формам давления.

Программа МО «Перспектива мира», апробированная на протяжении нескольких лет, содержит два блока методик последовательно структурированных и направленных на достижение профилактических целей. Первый блок – это методики формирования сознания в целостном педагогическом процессе (рассказ, объяснение, лекция, учебная дискуссия, диспут). Второй блок – методики стимулирования и мотивации деятельности и поведения (соревнования, деловые и ролевые игры, тренинги).

Перечисленные методики направлены на то, чтобы предоставить подросткам объективную информацию об опасности наркотиков, помочь им лучше понимать себя и критически относиться к собственному поведению, формировать у подростков умение понимать окружающих и анализировать свои отношения с ними, обучать подростков эффективному общению и т.п.

Следует отметить, что вопрос об эффективной научно обоснованной программе в области профилактики наркомании все еще остается открытым в нашей стране в целом и в Кабардино-Балкарии в частности. Противонаркотическая работа про-

водится без серьезной концептуальной проработки. Предлагаемые технологии страдают недостаточной теоретической изученностью и методологическими издержками.

В конце XX века в нашей стране начали проводить апробацию и предпринимать попытки адаптации зарубежных программ, направленных на информирование и тренировку навыков социально-приемлемого поведения в ситуациях, когда подростки сталкиваются с наркотиками. Однако, этот опыт не получил своего развития. Эмпирических подтверждений об их эффективности имеется не много.

В целях определения наиболее оптимальных способов профилактики наркомании мы провели цикл исследований в ряде школ Кабардино-Балкарии. Нами выявлялись факторы риска приобщения к наркотикам и особенности профилактической работы с детьми и подростками. С помощью авторских методик выявлялось наличие у школьников про – и антинаркотической установки. Наряду с этим, осуществлялся анализ различных ситуаций наркотенного «заражения» и возможные модели поведения подростка. В результате проведенной работы разработаны рекомендации по повышению наркологической грамотности педагогов⁹. Основной вывод заключается в том, что антинаркотическая деятельность должна осуществляться с ориентацией на социальные, психологические особенности участников профилактических программ, а также с учетом этнокультурной специфики северокавказского региона.

Примечания

1. Подросток-наркоман. URL: <http://vitaportal.ru/zavisimosti/3-5-let-srok-zhizni-podrostka-narkomana.html> (дата обращения: 20.09.2015).

2. Профилактика наркомании должна быть скоординированной [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kspkbr.ru/index.php/vse-novosti-kbr/854-profilaktika-narkomanii-dolzha-byt-skoordinirovannoj-i-sistemnoj-segodnya-yurij-kokov-provel-zasedanie-antinarkoticheskoy-komissii-kbr> (дата обращения: 16.07.2015).

3. В КБР формируется база наркологических больных. URL: <http://kbrria.ru/obshchestvo/v-kbr-formiruetsya-baza-narkologicheskikh-bolnyh-6983> (дата обращения: 22.07.2015).

4. Кабардино-Балкария: планы создать реабилитационный центр для наркоманов. URL: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/news/218260/> (дата обращения: 21.07.2015).

5. В УФСКН России по Кабардино-Балкарской Республике подведены итоги работы за 1 квартал 2015 года. URL: <http://07.fskn.gov.ru/index.php?limitstart=22> (дата обращения: 16.07.2015).

6. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года. URL: http://antinark.omskportal.ru/ru/public/sitelist/antinark/stratgap/PageContent/0/body_files/file/2010_06_09_Ukaz_Strategiya_GAP.pdf (дата обращения: 30.08.2015).

7. Шокирующая статистика российской наркомании [Электронный ресурс]. URL: <http://www.romashkovo.org/lechenie-narkomanii/shokiruyushaya-statistika-rossiyskoj-narkomanii/> (дата обращения: 02.08.2015).

8. *Спрангер Б.Е.* Ключевые принципы построения профилактических программ для подростков (США) // Вопросы наркологии. 2003. № 3. С. 47–53.

9. *Вислова А.Д.* Модели формирования и профилактики наркозависимого поведения / А.Д. Вислова. Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. 208 с.

A.D. VISLOVA

MODERN INNOVATIVE TRAJECTORY OF DRUG ABUSE PREVENTION

Discusses trends in the development of the drug situation and questions of drug abuse prevention. Various models of the formation of resistance to narcotic substances among adolescents. It emphasized the importance of developing their social skills which determine the trajectory of a healthy lifestyle.

Keywords: deviant behavior, drugs, drug abuse prevention, teens, social and psychological skills

К ИТОГАМ ОСМЫСЛЕНИЯ ИЗДЕРЖЕК СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В КБР В ФОКУСЕ ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА¹

Статья посвящена анализу специфики социальной динамики современной Кабардино-Балкарии сквозь призму актуализации идей исламского фундаментализма в поликультурном обществе за последние десятилетия. Освещение угроз и рисков в формате заявленной темы осуществлено на основе комплексного подхода, в т.ч. с использованием ресурсов социологии. Главное внимание обращено на выявление системы обратной связи в вызовах и ответах по преодолению имеющихся проблем в социокультурной динамике современного общества.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарская Республика, социальная трансформация, ислам, фундаментализм, угрозы и риски.

Системный взгляд на общее развитие Кабардино-Балкарии последних десятилетий дает основание говорить о тесной взаимосвязи социальных трансформаций с другими общими вопросами политической, экономической и культурной динамики составляющих Республики, Северного Кавказа и России в целом. Относительно опыта развития рассматриваемого субъекта с рубежа 80-х–90-х гг. XX в. до наших дней существует мнение, согласно которому идущие здесь «процессы определялись до настоящего времени формами стихийного приспособления местного населения к условиям государственного распада и экономического кризиса и активностью внешних сил в большей степени, чем целенаправленной и долгосрочной политикой российского государства»². За этот период общественное развитие Кабардино-Балкарской Республики происходило в контексте общероссийских трансформационных процессов, представляя собой реакцию и адаптацию местного полиэтничного социума к изменениям в окружающей социально-политической среде. Этот базовый механизм общественно-политической динамики, согласно существующим науч-

ным взглядам, сохранит свое действие и на перспективу³.

Согласно экспертным оценкам политическая система Кабардино-Балкарии, впитавшая все пороки переходного времени северокавказского региона и России в целом, и эклектически соединившая несоединимое, породила гибельную модель для вертикальных и горизонтальных политических отношений, сложившихся на всех этажах власти. Низкая, а порой ничтожная эффективность властных структур, по мнению В.В. Дегоева и Р.Ю. Ибрагимова, безраздельно ориентированных на стратегию самосохранения и расширенного самовоспроизводства, создала между ними и обществом глухой барьер непонимания, недоверия и ненависти. Абсолютно порочный политический менеджмент на Северном Кавказе возник из сложного переплетения многих факторов. Среди них – незрелость и буафорность демократических институтов; упразднение лучшего и заимствование худшего из государственно-административной практики; игнорирование местной национально-культурной специфики; затянувшаяся смена политических поколений⁴.

Социально-экономические условия и факторы повышения угроз и рисков в современной Кабардино-Балкарии

Важной составляющей системных преобразований с рубежа 80-х гг. XX в. стала социально-экономическая ситуация с ее фактически парализованной производственной сферой и колоссальными диспропорциями в уровне благосостояния населения. Полный, или частичный упадок основных отраслей местной экономики (сельское хозяйство, все виды промышленности, капитальное строительство, транспорт, туризм) привел к тяжелейшим последствиям, не только сугубо экономическим, но и социальным. Предложение на легальном рынке труда десятикратно превысило спрос. Небывалые масштабы приняла трудовая миграция и безработица, прямым результатом которой стали психологическая депрессия и отчаяние⁵.

Наиболее остро эти процессы отразились на молодом поколении: резко обострилась проблема занятости; ухудшились материально-бытовое положение и доступ к образованию; произошла кардинальная трансформация духовных и нрав-

ственных ценностей; своего рода нормой стали криминализация, пьянство, алкоголизм, наркомания, проституция. Словом, социализация молодежи в новой Кабардино-Балкарии прошла в основном в условиях негативной социально-экономической и политической ситуации 90-х гг. XX в., что создало соответствующие предпосылки для маргинализации значительной части молодежи, девиации ее поведения, включая экстремизм. Следует отметить, что те члены незаконных вооруженных формирований регионального и международного масштабов, о которых пишут сегодня в СМИ, прошли социализацию именно в 1990-е гг.

Обретению стихийного характера процессам социализации способствовали: отсутствие официальной, цементирующей поликультурное пространство идеологии; сложная межэтническая, этнополитическая и конфессиональная ситуация; кризис идентичности; кризис института семьи; потеря образовательной системой своих былых воспитательных функций; влияние внешних факторов; неконтролируемая миграция; экономический кризис в условиях массовой безработицы и трудоизбыточности региона и т.д. Не случайно, что представители экспертного сообщества единодушны в том, что распространение экстремизма и терроризма в Кабардино-Балкарии стало одной из насущных и злободневных проблем современности.

Еще в 2002 г. профессор КБГУ Е.Х. Апажева в своей работе «Молодежь как фактор стабилизации или нормализации межэтнических отношений на Северном Кавказе» указала на тенденции сохранения межэтнической напряженности. В своей работе она говорила о расползании политического и религиозного экстремизма, противодействующие позитивным тенденциям, препятствующие развитию институтов гражданского общества в регионе, общим демократическим тенденциям⁶.

С тех пор прошло более десяти лет, и сегодня уже специалисты отмечают, что уровень насилия, его проявления становятся все еще более жестокими и профессиональными. Особое место в этом ряду занимает экстремистское поведение молодежи, связанное с совершением действий насильственного характера по различным мотивам. Именно этому возрастному сегменту общества в большей степени свойственны установки максимализма и подражания, рельефно проявляющиеся в контексте «агонального общества»⁷ Ка-

бардино-Балкарии, что в условиях социокультурного кризиса еще сильнее отягощает факторы, влияющие на экстремизм.

Достаточно категоричными представляются взгляды известного кавказоведа А.А. Ярлыкапова относительно факторов экстремизма и терроризма в Дагестане, которые имеют место и в других республиках Северного Кавказа. В своей работе «Ислам на Кавказе и его влияние на конфликтность в регионе и России» он пишет, что «Молодые люди на своих плечах испытывают практически все пороки общества, особенно, чудовищную по масштабам коррупцию. Завершение обучения в школе и сдача экзаменов сопровождается взятками, которые затем сопровождают молодого человека в годы обучения в вузе: немалые деньги нужны при поступлении в вуз, а затем каждый зачет и экзамен также имеют свою цену. Окончание обучения и последующее поступление на работу также требуют денег. Молодой человек, даже поступив на работу, понимает, что, во-первых, если кто-то даст взятку больше, чем он, его пребывание на этом месте может закончиться увольнением, а во-вторых, сынки богатых и влиятельных людей уже заняли все более-менее престижные ниши. Ему, даже если он талантлив и потрясающе работоспособен, крайне трудно выбиться в люди»⁸. Аналогичный взгляд на проблему позволил О.М. Цветкову сформулировать тезис о том, что «нерешенность актуальных социальных проблем – коррупция, безработица, слабые социальные гарантии и др. – вновь и вновь будут воспроизводить локальные варианты мусульманского «диссидентства», стремящегося уйти из-под жесткой опеки «официального» традиционного ислама»⁹. «Конечно, – пишет кавказовед В. Бобровников, – нужно принимать в расчет криминализацию общества. Вместе с тем, следует учитывать и то, что политика просто надоела обывателям (в том числе и мусульманам), о чем говорят хотя бы пустующие избирательные урны на выборах»¹⁰.

Известный антрополог-кавказовед В.А. Тишков разделяет и расширяет представления экспертов по вопросу о том, что в силу слабой политической активности населения, вызванной как социальной апатией, так и непривлекательностью для большинства программ и идеологии основных политических партий, протестный потенциал молодежи проявился в КБР в распространении религиозного экстремизма (вплоть до вооруженного выступления – событий октября 2005 г. в Нальчи-

ке). При этом он делает оговорку: «Факторы и причины событий октября 2005 года разнообразны, но определенная связь их с экономической, социальной и идеологическими сферами имеется»¹¹.

Для иллюстрации взглядов отмеченных и других солидарных с ними признанных экспертов научного сообщества на факторы экстремизма и терроризма сошлемся на статистику. В 2010 г. материалы переписи населения показали численность молодежи Кабардино-Балкарии в возрасте от 15 до 29 лет в количестве 227898 чел. От общего количества в возрасте от 20 до 29 лет (161190 чел.), только 91031 чел. были заняты трудовой деятельностью, в т.ч. по совместительству¹². Эти цифры были еще менее оптимистичными в 1990-х гг., ознаменовавшихся временем исламского возрождения и проявлением идей исламского фундаментализма со спорадической тенденцией его перехода в радикализм. На сегодняшний день состояние и перспективы решения этой проблемы оставляют желать лучшего.

Следует отметить, что взгляды экспертов на факторы и условия перехода исламского фундаментализма в радикализм совпадают с представлениями самой молодежи Кабардино-Балкарии и Северного Кавказа в целом, среди которой за последние годы неоднократно проводились замеры общественного мнения. В мае-апреле 2012 г. по заказу International Business & Technical Consultants Inc (IBTSI) были проведены исследования в пяти северокавказских республиках (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Ингушетия, Дагестан, Чечня). Всего было опрошено 1500 респондентов (от 18 лет и старше) – по 300 человек в каждой республике. Выявилось, что основные причины напряженности население по-прежнему связывает с экономическими проблемами. На вопрос о том, «что больше всего угрожает стабильности в республике», большинство опрошенных называли социально-экономические факторы: рост социального расслоения, безработицу, экономический кризис, а не политические проблемы. Распространение терроризма как угроза дестабилизации заняло в среднем по региону лишь пятую позицию»¹³.

Результаты другого социологического исследования, проведенного осенью 2011 г. Центром прикладных социологических исследований Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) совместно с Кабардино-Балкарским государственным

университетом (г. Нальчик), по проблемам экстремизма в КБР оказались неутешительными. В качестве методики исследования был использован массовый опрос молодежи в различных районах КБР (студентов, учащихся старших классов, работающей и временно не работающей молодежи). Всего было опрошено 8439 человек, 41,2% из которых (3480) – юноши, 59,8% (5450) – девушки. Основные результаты исследования, обнародованные Г.С. Денисовой¹⁴, показали, что при четко негативном отношении к любым формам насилия подавляющего большинства молодежи (от 87% до 94% по разным формам) респонденты не воспринимают участников бандформирований однозначно как представителей каких-либо политических течений. Доминирующие оценки их лежат в двух плоскостях: экономической и идеологической. Почти 41% респондентов отметил в мотивации их деятельности прагматически-экономический интерес, то есть разбойные действия представителей бандформирований расцениваются как способ заработка (эту точку зрения разделили больше старшие возрастные группы молодежи). Почти столько же – около 43% – охарактеризовали представителей бандформирований как людей отчаявшихся, заблудившихся, загнанных в угол обстоятельствами. Только 14,6% респондентов их расценили как сознательных политических преступников, еще 4,4% охарактеризовали их в качестве сознательных политических борцов за утверждение социальной справедливости. Для сравнения отметим, что опрос студенческой молодежи в Дагестане дал схожий результат: «Религиозный экстремизм и терроризм – это ответная реакция обездоленных слоев общества на социально-экономические условия, приведшие их к массовому обнищанию. Это движение молодежи, не занятой трудом, которая не может найти свое место в жизни, не может самореализоваться»¹⁵.

Говоря о причинах и факторах экстремизма Г.С. Денисова заявляет, что ответственность за собой в организации и обеспечении эффективного функционирования экономики республики, ее политических и социальных институтов лежит на республиканских органах власти. Это, по ее мнению, проявляется в нарушении принципа социальной справедливости, что вызывает падение доверия молодежи к республиканским органам власти и местному самоуправлению и, как следствие, социальную дезориентированность молодежи. Этот вывод совпадает с экспертной

точкой зрения: «Проявление неэффективности деятельности органов республиканской власти в сочетании с коррупционной составляющей, а также клановостью накапливает взрывоопасный потенциал, который проявляется в форме исламского экстремизма»¹⁶. И далее эксперты отмечают, что кадровым ресурсом экстремистских структур выступают лица от 17 до 35 лет, как правило, нетрудоустроенные, из малообеспеченных семей.

В этом контексте обратим внимание на интерпретацию молодежи причин, по которым молодые люди «уходят в лес». Доминирующими причинами и в этом случае, по мнению респондентов, выступают общая социальная дезориентированность (22%) и разочарование в жизни (34,2%), влияние криминальных структур (20,2%)¹⁷.

Около трети молодежи (а по мере взросления еще меньше) видят в деятельности радикально настроенных представителей исламского фундаментализма нацеленность на реализацию политического проекта, в частности, формирование исламского государства, что декларируется идеологами террора на Северном Кавказе; и в качестве средства – отделение от Российской Федерации. Потенциальная группа молодежи, которая рассматривает для себя возможность пополнить ряды террористов и экстремистов, составляет до 8%. Для представителей этой подгруппы данный выбор – вопрос убеждений и проявление протестного потенциала по отношению к существующей социально-экономической политике. Низкий уровень доверия к республиканским органам власти и республиканским правоохранительным органам, утверждает Г.С. Денисова, блокирует участие молодежи в своевременном выявлении и устранении деятельности экстремистов. Две трети молодежи даже при негативном отношении к терроризму и различных социальных страхах, которые им вызываются, не желают сотрудничать с правоохранительными органами в сфере противодействия терроризму¹⁸.

Исследование, проведенное по схожей тематике в 2014 г. в рамках реализации социально значимого проекта¹⁹, выявило траекторию трансформации общественного мнения по вопросам, связанным с истоками, причинами, факторами и условиями радикализации молодежи, расширило и углубило имевшиеся представления относительно проблем и перспектив преодоления экстремизма и терроризма в современном обществе на примере Кабардино-Балкарии.

Результаты исследования показали, что в основе истоков, причин, условий и факторов экстремизма и терроризма в современной Кабардино-Балкарии лежит такой набор тесно переплетенных между собой составляющих, как кризис идентичности; фрустрация и социальная депривация; тенденции в трансформации населения по имущественному признаку в направлении «бедные беднеют, а богатые богатеют», сопутствующим фактором которым служит деловая и бытовая коррупция и малоэффективность антикоррупционных программ; отсутствие цементирующей поликультурное общество полноценно функционирующей идеологии; влияние внешних сил; доминирование силовых способов решения проблем в борьбе не с причинами, а со следствиями; специфика их информационного сопровождения, формирующей в сознании населения не только Северного Кавказа, но и России в целом такого стереотипа, который неоправданно позволяет видеть в лице молящегося мусульманина-кавказца, или же просто кавказца с бородой, а то и без бороды, потенциального экстремиста; отсутствие эффективной государственной программы по молодежной политике; существенное расхождение между декларируемыми задачами и характером их решения в рамках различных программ по профилактике экстремизма и терроризма и противодействию им.

Словом, в условиях ломки политической и идеологической систем, экономического кризиса, резкого снижения жизненного уровня, духовной дезориентации, которые сопровождались ухудшением социального самочувствия, ревитализация этничности и религиозный ренессанс во многом определили форму и содержание трансформации общественной жизни. Они стали выполнять очень важные компенсаторные функции²⁰. На целые десятилетия в освещении проблем общественно-политической, социально-экономической и этноконфессиональной динамики в разряд ключевых вошли такие слова, как «клановость», «коррупция», «идентичность», «апатия», «инертность», «фрустрация», «депривация», «аномия», «энтропия», «ислам», «фундаментализм», «ваххабизм», «салафизм».

Актуализация идей исламского фундаментализма и проблемы отчуждения и дивергенции в системе общественного воспроизводства

В рассматриваемый период одним из трендовых стал вопрос повышения интереса к религии. Что касается ислама, то основными признаками его возрождения стали строительство мечетей, регистрация религиозных общин, формирование системы религиозного образования.

Следует отметить, что организационно-управленческая структура исламской конфессии на Северном Кавказе исторически была достаточно сложна. В советский период существовало региональное ДУМ Северного Кавказа, закончившее свою деятельность смещением ставшего неприемлемым для большинства верующих муфтия М. Геккиева. В дальнейшем региональное единство ДУМ сохранить не удалось, вследствие чего оно расколосось по национальному признаку. В каждой республике образовались собственные духовные управления, существующие и поныне²¹.

В 1990 г. на Учредительном съезде мусульман Кабардино-Балкарии было образовано ДУМ, укомплектованное в основном лицами, сумевшими в атеистическое советское время сохранить «усеченную» форму ислама, часто именуемую «народной» или «бытовой». Несмотря на все старания советской власти по искоренению ислама, он смог выжить, найти свою нишу на периферии общественной жизни и свестись к выполнению определенных ритуальных действий, которые, правда, не всегда были исламскими по происхождению, однако воспринимались подавляющим большинством как таковые. Исламское духовенство являлось недостаточно образованным, большинство его представителей получило знания в ходе домашнего обучения и лишь немногие имели специальное образование. Поэтому ДУМ КБР с начала 1990-х гг. стало инициатором формирования образованного духовенства, для чего в исламские страны отправляли способных молодых людей на обучение²².

Одновременно в Нальчике открылись курсы по подготовке священнослужителей. При помощи и финансовой поддержке делегации из Саудовской Аравии, в соответствии с договором о сотрудничестве сроком на 20 лет, при ДУМ КБР стали функцио-

нирывать двухгодичные, затем трехгодичные курсы по подготовке имамов. В 1994 г. эти курсы были преобразованы в Кабардино-Балкарский исламский институт. Первые два года все расходы на обучение студентов и содержание института шли из Международной исламской организации «Спасение» (МИОС), штаб-квартира которой находится в Саудовской Аравии. С 1994 по 1998 г. при институте функционировало двухгодичное медресе. С 1995 г. специально для имамов проводились полутора-, двух-, трехмесячные курсы повышения квалификации²³. «Молодые мусульмане» после возвращения с арабского Востока стали замечать, что ислам в республике искажен, люди непросвещенны, а служители культа данное положение вещей не пытаются изменить²⁴.

Первые активисты из числа отправленных на обучение в 1993 г. открыли в Нальчике Исламский центр – религиозно-просветительскую организацию, финансируемый фондом «САР Фондейшн», вокруг которого объединились молодые имамы, вскоре ставшие ядром так называемого «джамаата Кабардино-Балкарии»²⁵.

Вскоре одной из причин обострения религиозной ситуации в республике стали противоречия между ДУМ КБР и «молодыми мусульманами» – верующей молодежью, группировавшейся вокруг Исламского центра. Аналогичные явления имели место практически во всех регионах России с преобладающим мусульманским населением. Изначально конфликт сводился к довольно простой схеме: с одной стороны – «молодые мусульмане», идеологически подкованные, значительно лучше образованные, чутко реагирующие на веяния современности, являвшиеся авторитетной силой в молодежной среде, с другой – представители ДУМ, менее образованные, менее авторитетные, но являющиеся представителями «официального исламского духовенства». «Молодые мусульмане» активно критиковали представителей официального духовенства, так как их роль в основном сводилась к обслуживанию свадебных и погребальных обрядов. В свою очередь «молодые мусульмане» обвинялись в стремлении привнести в религиозную практику кабардинцев и балкарцев чуждые им традиции, фактически «арабизировать» общество. Такому противостоянию способствовало отсутствие духовного лидера для всей уммы республики. Ш. Пшихачев соответствовал этому качеству недолго. После загадочной истории «исчезновения» денег, собранных в 1993 г. на строительство центральной мечети в

г. Нальчике, его авторитет в глазах верующих резко упал и не поднялся даже на фоне развернувшейся позже борьбы с «исламским экстремизмом». На том самом фоне влияние М. Мукожева преимущественно на молодых мусульман, составивших оппозицию официальному духовенству, значительно окрепло, и он стал реальным лидером подавляющей их части. Однако, хотя он и назывался амиром джамаата республики, исламская оппозиция оказалась неоднородной, и его духовная власть распространилась лишь на «умеренных радикалов». Старшее же поколение верующих лидера в нем не видело и отрицательно относилось к самому движению, которое он представлял. Разные подходы к вопросам состояния и реформирования богослужebной практики вылились в напряженные отношения между двумя поколениями верующих. Следует признать, что критика бытующих «религиозных» традиций во многом была справедливой. Но молодые молящиеся не учитывали того обстоятельства, что на характере соблюдения старшими шариатских предписаний сказалась 70-летняя практика подавления религии советской властью. В этом смысле старшее поколение верующих, сохранивших хоть какие-то исламские традиции, достойно было больше понимания и уважения, чем упрека. Многие из них искренне считали, что следуют религиозным традициям отцов и дедов. Наступил момент, когда молящиеся и к тому же непьющие мусульмане стали попросту раздражать мусульман немоящихся и пьющих²⁶.

Ряд обстоятельств сделал открытым внутриконфессиональный конфликт. Это было обусловлено трагическим стечением факторов, препятствовавших диалогу, взаимному пониманию и компромиссу между различными общественными и политическими силами. Публично противоборствующие стороны призывали к консолидации мусульман, но одновременно исключали из этого процесса своих оппонентов, обвиняя их в веротступничестве. В республике, конечно, имелись и радикальные исламские элементы, тесно связанные с чеченскими боевиками и зарубежными экстремистскими организациями, однако по сравнению с лояльной частью молящейся молодежи они составляли явное меньшинство. К сожалению, в КБР государственный подход к любым оппозиционным силам отличался абсолютной недифференцированностью, и появление в обществе новой оп-

позиционной силы представлялось как угроза для авторитарного режима действовавшей власти²⁷.

Общественность с большой безответственностью оградило себя от проблемы противостояния религиозному экстремизму, «свалив» ее целиком на плечи правоохранительных органов. С передачей органам правопорядка функций и вместе с тем практически неограниченных полномочий по противодействию религиозному экстремизму внутриконфессиональный конфликт перерос во взаимоотношения молодых молящихся и милиции. В составе Управления по борьбе с организованной преступностью при МВД КБР был образован отдел по борьбе с религиозным экстремизмом. Объект этой борьбы определился сам собой – «новые» мусульмане. Духовное управление мусульман в лице муфтия Ш. Пшихачева еще в 1998 г., выражая «озабоченность по поводу молодежи, вступающей в военно-политические организации, выступающие под лозунгом установления исламской республики», предупреждало, что «решение этого вопроса с позиции силы неприемлемо». Вероятно, муфтий имел в виду, что силовые действия по отношению к верующей молодежи могут расцениваться ею как подавление религии, что накопление таких фактов может вызвать ответную реакцию, предписанную самой религией, – необходимость защиты ислама от посягательств. В этом случае «военный джихад» в глазах его последователей может обрести характер очевидной обусловленности²⁸.

«В 1998 г. во время ликвидации вооруженной группы во главе с А. Атабиевым МВД понесло потери. Затем было обстреляно здание МВД. Следствие по этим событиям сопровождалось массовыми арестами, избиениями и издевательствами над простыми верующими. Ш. Пшихачев и тогда высказывался, что не все верующие – «ваххабиты» Однако эти предостережения услышаны не были. В дальнейшем роль Духовного управления КБР в указанном противоборстве стала все более незаметной»²⁹.

Следует отметить, что при этом власти Кабардино-Балкарии неоднократно заявляли, что в борьбе с проявлениями исламского экстремизма нельзя впадать в крайности и отмечали, что, к сожалению, в последнее время в этом деле допускаются необъективные суждения и выводы. В частности, В.М. Коков отмечал, что «справедливо предупреждая об опасности, исходящей от ислам-

ского экстремизма, многие официальные лица и общественные деятели зачастую отождествляют его с исламом в целом. В то же время – это такая же гуманистическая религия, как иудаизм или христианство. А исламский экстремизм точно так же, как христианский фундаментализм, это вовсе не исполнение заповедей Аллаха и Мухаммеда, так же, как средневековая инквизиция не была исполнением заповедей Христа»³⁰.

В августе 2000 г., выступая по республиканскому радио, и в феврале 2001 г. в газете «Северный Кавказ» Ш. Пшихачев утверждал о наличии в республике «воинствующего ваххабизма», о том, что есть люди, готовые превратить республику в исламское государство в форме халифата, объединив в одних руках высшую духовную и высшую политическую власть. «В республике уже сформированы, – отмечал он, – определенные структуры новой формы правления, избраны эмиры городов, сел»³¹.

По данным прокуратуры г. Нальчика, на начало ноября 2000 г. в КБР на учете стояли 382 сторонника «ваххабизма». При этом мало кто понимал, что это за явление. Смещение понятий «фундаментализм», «ваххабизм», «экстремизм» и даже «терроризм» приводило к формированию в обществе и государственных органах резко негативного отношения к верующей молодежи, строго соблюдающей каноны ислама. Как пишет А.Х. Мукожев, «желание мусульманина привести свой образ жизни в соответствие с Кораном и Сунной, свои поступки соизмерять с нормами шариатского права стали расцениваться как «ваххабизм», как «вынашивание экстремистских планов», как подготовка к смене государственного строя. Проявлением «ваххабизма» стала считаться и неуступчивость молодых мусульман в вопросах соответствия традиционного порядка богослужения нормам ислама»³².

В июле 2002 г. сотрудники Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований при содействии Российского гуманитарного научного фонда (проект № 02-01-00471а) провели комплексную этнографическую экспедицию, посвященную изучению проблем современного ислама в КБР. Собранные материалы неопровержимо свидетельствовали о том, что в республике весьма жестко и последовательно проводится дискриминация верующей молодежи. Они дали основание прогнозировать, что ее продолжение неизбежно приведет к резкому обострению этноконфессиональной и политической обстановки в регионе и

может спровоцировать часть молодых мусульман на экстремистские действия. Предварительные итоги исследования были опубликованы в «Газете Юга» 5 июня 2003 г. Попытки довести до сведения соответствующих инстанций выводы, опасения и тревоги не увенчались успехом. В итоговом отчете по проведению этносоциологической экспедиции было отмечено, что властные структуры в Кабардино-Балкарии, помимо задач, поставленных перед ними федеральным центром и вытекающих из стратегии борьбы с «международным терроризмом», преследовали собственные политические цели, обусловленные ее внутренней спецификой. Во-первых, борьбой против «ваххабизма» местные власти пытались отвлечь людей от провалов своей социально-экономической политики, направляя порожденное ими недовольство в иное русло. Во-вторых, создавая себе имидж непримиримых борцов с экстремизмом, который в общественном сознании россиян стал прочно ассоциироваться с исламом, они рассчитывали на поддержку Кремля в укреплении своего статуса, дающего им возможность беспрепятственного и бесконтрольного обогащения за счет хорошо налаженной системы коррупции. В-третьих, руководство республики было крайне обеспокоено тем обстоятельством, что спад национально-демократических движений не привел, однако, к установлению полного идеологического и политического контроля над всеми слоями общества.

Между тем положение в религиозной сфере продолжало ухудшаться. В одном из интервью лидер «джамаата Кабардино-Балкарии» М. Мукожев заявил: «Руководители силовых структур загоняют мусульманское общество в тупик. Судя по их действиям, можно сказать, что именно они хотят развязать войну. 400–500 чел. они объявили вне закона. И пока в отношении этих людей будет применяться силовое беззаконие, люди все больше теряют веру в возможность законными методами восстановить свои права и вполне могут перейти к самозащите от власти такими же методами. И к тому моменту общине уже не удастся контролировать действия мусульман»³³.

Борьба с «ваххабизмом» переросла в гонения на ислам. Закрывались мечети, всех молящихся «молодых мусульман» (салафитов) автоматически причисляли к религиозным экстремистам. Запугивания, обыски, аресты, избиения, пытки, облавы на мечети стали нормой в повседневной деятельности правоохранительных

органов. Тем самым усиливалась почва для распространения в молодежной среде радикальных умонастроений и трансформации религиозного фундаментализма в экстремизм и терроризм. Репрессии против «молодых мусульман» ужесточаются с августа 2003 г., а после нападения боевиков в декабре 2004 г. на Госнарконтроль развитие событий принимает лавинообразный характер. 13 октября 2005 г. произошло нападение на силовые структуры г. Нальчика, разделившее новейшую историю Кабардино-Балкарии на периоды «до» и «после» этой катастрофы. В ходе трагического события погибло около 150 чел. с обеих сторон, в том числе мирные жители, более 200 были ранены. А. Малашенко назвал происшедшее «кровавым полувосстанием»³⁴.

В качестве одного из организаторов событий 13–14 октября в федеральный розыск объявлен А. Астемиров. Правоохранительные органы заявили, что он – «лидер экстремистской исламской организации», ранее он же был объявлен в федеральный розыск «за организацию нападения на Наркоконтроль КБР». Между тем в сентябре 2004 г. сразу после «событий в Беслане»³⁵ начальник отдела по борьбе с религиозным экстремизмом УБОП Б. Мукожев заявлял, что в республике только один экстремистский джамаат «Ярмук», возглавляемый М. Атаевым, в котором «максимум 12 человек». Группу молодых верующих, в которую входил А. Астемиров, Б. Мукожев называл не экстремистами, а просто верующими, находящимися в оппозиции к ДУМ КБР. Он отмечал, что они создали свой джамаат и их нельзя сравнивать с «Ярмуком», поскольку «те – бандиты, а эти не совершали противоправных действий. Они не могут найти общий язык с ДУМ, и основные причины этого – личностные»³⁶.

В прессе после этих событий появились разные оценки случившегося. Озвученные в разное время тогдашним Президентом КБР А.Б. Каноковым причины трагедии октября 2005 г. дополняли друг друга. Среди них он назвал сферу экономики, отметив, что «низкий уровень жизни, безработица, слабая экономика, а также отсутствие эффективной государственной молодежной политики, отсутствие внимания к социальной и духовной жизни молодых» привели к тому, что идеология ваххабизма получила отклик среди части молодых людей»³⁷.

Спустя год в интервью «Российской газете» А.Б. Каноков с другой стороны оценил причины трагедии, к коим он отнес «за-

прет молиться не так, «как положено», притеснения джамаатов, давление на мусульман, их допросы в милиции и, по некоторым сообщениям, даже пытки. Этот антиисламский прессинг спровоцировал протестные настроения, и многие молодые люди оказались вовлечены в орбиту настоящих радикальных группировок. Прессинг состоял в том, что составляли списки, из мечетей вытаскивали людей и привозили в милицию. И эта жестокость, проявленная правоохранительными органами, сыграла свою роль. Хотели исправить ситуацию, но невольно обострили ее, довели до трагедии»³⁸.

В силу отсутствия лозунгов со стороны нападавших на силовые структуры г. Нальчика мнения о причинах октябрьских выступлений верующей молодежи 13–14 октября не ограничиваются лежащими на поверхности социально-экономическими, и другими отмеченными факторами. По мнению одного из местных экспертов-исследователей С.И. Аккиевой, «эти события продемонстрировали нечто более серьезное – разрастание в регионе интересов сетевых структур, а также умелую канализацию социального напряжения под различными прикрытиями. В данном случае прикрытием стали религиозные мотивы – «притеснения верующих»³⁹.

Негативную реакцию оппозиционной верующей молодежи вызвала информация о кремации тел погибших 13 октября 2005 г. Она породила новую волну недоверия к органам государственной власти и официальному духовенству, значительно увеличив дистанцию между ними и, соответственно, снизив вероятность налаживания диалога. Впрочем, даже те, кто видел в нападавших еще до решения суда террористов, считали такие действия неправомерными.

В сельских населенных пунктах количество молодых, посещающих мечети, резко сократилось, в связи с чем конфликтных ситуаций в мечетях стало значительно меньше. Однако в условиях сохранения большинства объективных и субъективных причин распространения экстремистской идеологии в республике непосещение молодыми мечетей и отсутствие открытых конфликтов между двумя поколениями верующих не расценивалось в качестве стабилизирующего фактора, так как проблема исламского радикализма в республике вступила в латентную фазу развития⁴⁰.

Ее особенность состояла в том, что умеренная исламская оппозиция, с которой возможен был диалог, представленная в

республике в основном «молодыми мусульманами», последователями амира М. Мукожева, практически прекратила свое существование. Кто-то отошел от дел, зато другие, – по мнению А. Малащенко, – перешли в стан экстремистов, которые находились в глубоком подполье, где накапливали силы для следующих схваток.

После событий 13–14 октября в республике не прекратились громкие преступления против сотрудников силовых структур и гражданского населения. Их связывали с деятельностью подпольных организаций, действовавших под флагом религиозного экстремизма. Главным из них, в зеркале средств массовой информации, стал провозглашенный 7 октября 2007 г. «Имарат Кавказ» во главе с президентом Чеченской Республики Ичкерия Д. Умаровым. Возникновение «Имарата Кавказ» и подобных им организаций джихадистов по мнению профессора А.Д. Кныша⁴¹ стало следствием нерешенности реальных проблем регионального общества. Спустя восемь лет после образования «Имарата Кавказ» полпред СКФО С. Меликов отметит, что наиболее ощутимыми проблемами, порождающими благоприятные условия для распространения идей политического ислама в регионе продолжают оставаться безработица, низкое качество образования, коррупция, бюрократизм⁴².

Заслуга в разработке доктрины джихада на Кавказе и «Имарата Кавказ» как платформы для ее практической реализации принадлежат М. Удутову и его братьям по идеологическому оружию. Если подходить к «Имарату Кавказ» с исторической точки зрения, то использование его руководителями ислама и шариата для объединения местных мусульман можно возвести к горским «имаматам» Шамиля (1832–1859) и Узун Хаджи (1919–1920)⁴³.

Самыми крупными событиями, связанными с деятельностью вооруженного подполья стали: предотвращение готовящегося теракта 12 августа 2006 г. в Нальчике, убийство 4 охотников и 5 специалистов охотничьего хозяйства в лесу у сел. Лечинкай в ноябре 2007 г., вооруженное нападение на сотрудников УБОП по КБР 6 февраля 2008 г., убийство 3 сотрудников Баксанского РОВД 12 июля 2008 г. и др.⁴⁴

Большой резонанс имели убийства А. Пшихачева – муфтия республики, А. Ципинова – известного фольклориста республики, М. Мамбетова – Главы администрации Чегемского района, Б. Же-

рукова – ректора Кабардино-Балкарской государственной сельхозакадемии. В апреле 2011 г. в СМИ прошла информация о ликвидации верхушки кабардино-балкарских боевиков, часто «светившихся» на экстремистских сайтах с воинственными заявлениями.

Очередной виток эскалации религиозного фундаментализма на Северном Кавказе в ее крайнем проявлении был связан с событиями на Ближнем Востоке, в частности, с гражданской войной в Сирии, а также образованием группировки «Исламское государство Ирака и Леванта»⁴⁵ позднее – «Исламское государство» (далее – ИГ – организация, запрещенная в РФ) 9 апреля 2013 г., целью которой стало создание эмирата на территории Ливана, Сирии и Ирака⁴⁶.

В июле 2014 года глава управления ФСБ по Кабардино-Балкарии С. Каменный сообщил, что «в составе действующих в Сирии международных террористических организаций числятся более 60 жителей республики. По состоянию на конец декабря 2014 г. в Сирии воевали от 85 до 150 уроженцев Кабардино-Балкарии. 11 декабря 2014 г. представитель республиканского УФСБ в ходе слушаний в парламенте республики сообщил о гибели девяти уроженцев Кабардино-Балкарии в ходе боевых действий в Сирии»⁴⁷.

23 июня 2015 г. после принесения присяги ИГ несколькими местными полевыми командирами, представители ИГ заявили о создании на Северном Кавказе нового вилаята с названием «Виляят Кавказ». Таким образом, организация заложила основы для расширения своего присутствия в рамках реализации стратегии по региональной экспансии. Провозглашение «Виляята Кавказ» сопровождалось распространением аудиозаписи на русском языке в Твиттер, в которой последователи ИГ в Дагестане, Чечне, Ингушетии и Кабардино-Балкарии присягали на верность лидеру международной террористической организации Абу Бакру аль-Багдади. Эти территории – части аффилированного с «Аль-Каидой» «Исламского имарата Кавказа», где его сторонниками наиболее активно осуществляется террористическая деятельность в целях создания шариатского государства. Расширение присутствия ИГ на Кавказе происходило на фоне слабеющего проекта «Имарат Кавказ», чей «последний» лидер А. Кебеков в апреле 2015 г. был ликвидирован спецслужбами⁴⁸.

Организации «Имарат Кавказ» и ИГ долгое время существовали параллельно, не имея ничего общего, кроме заявленных

ими целей – джихада и создания халифата. Вместе с тем эти течения изначально в меньшей степени были основаны на этнической принадлежности их сторонников, но представляли собой части общекавказского феномена, с большей координацией между составляющими его частями и с чувством принадлежности к глобальному исламскому движению⁴⁹.

Первое бандформирование предполагало джихад и халифат регионального масштаба, а второе – всемирного. Осенью 2014 г. «Имарат Кавказ» присягнул ИГ за исключением некоторых подпольных группировок Кабардино-Балкарии и фактически повело борьбу за присоединение части России к «Исламскому государству». А. Малашенко и А. Ярлыкапов заявили, что присяга отдельных боевиков «Имарата Кавказ» лидеру ИГ почти формальность, и серьезных последствий для ситуации на Северном Кавказе она иметь не будет⁵⁰.

Весной 2015 г. в Кабардино-Балкарии активизировался переход членов бандподполья под знамена ИГ. Толчком послужило сделанное в апреле того же года заявление одного из лидеров НВФ республики Р. Занкишиева о подчинении его структуры руководству ИГ⁵¹.

12 августа в Интернете появилась видеозапись присяги Р. Занкишиева «Исламскому государству». В этом же видео он называл себя амиром Кабардино-Балкарии⁵². Спустя два месяца (10 ноября) Национальный антитеррористический комитет (НАК) сообщил о его ликвидации в Нальчике⁵³. 22 ноября в СМИ появилась информация со ссылкой на данные НАК о ликвидации 14 членов местной ячейки «Исламского государства», среди которых предварительно был опознан Ю. Бицуев как новый лидер местного отделения ИГ⁵⁴.

Спустя десять лет после октябрьских трагических событий в Нальчике еще больше усилился модельный круг вызовов и ответов в профилактике идей радикального исламизма, замкнувшийся еще в 90-е гг. прошлого века. Так или иначе, в противодействии идеологии запрещенных в России нелегальных организаций доминирует силовая составляющая, главным образом ориентированная на борьбу не с причинами, а со следствиями.

Исторический опыт последних десятилетий позволяет сделать вывод о том, что возрождение идей исламского фундаментализма в Кабардино-Балкарской Республике в контексте системных социальных трансформаций обрело характерные черты, свойственные динамике развития Северного Кавказа, России и мирового сообщества в целом. Безусловно, этот вопрос требует приложения серьезных исследовательских усилий для выявления закономерностей и полноценных прогнозов дальнейшего развития исламского фундаментализма.

В борьбе с экстремизмом и терроризмом в современном обществе наблюдается порочный причинно-следственный круг. С одной стороны, в условиях поляризации общества в направлении «богатые богатеют, а бедные беднеют» у населения формируются протестные настроения. Среди определенной категории населения, в основном молодежи, становятся привлекательными идеологические ориентиры исламского фундаментализма. Специфика силового реагирования на эту категорию населения зачастую способствует обретению ими латентной формы. С другой стороны, доминирование силовых способов борьбы с ними и специфика информационного сопровождения еще сильнее сужает потенциал общественного (гражданского) и экономического противодействия им.

В этих условиях одни всю ответственность по профилактике экстремизма и терроризма перекалдывают на плечи семьи, другие на школу, третьи на институты гражданского общества. Стоит отметить, что сила их общего воздействия на сознание наиболее проблематичной категории населения – молодежи по формированию нетерпимого отношения к экстремизму и терроризму не является доминантной. В частности, об этом свидетельствует существенный дисбаланс в проявлении экстремизма и терроризма в различных районах республики. Ведь на сегодняшний день нет никаких подтверждающих аргументов о том, что молодежь Баксанского района, или же г. Нальчика (места с наиболее частым проявлением террористической активности) в возрасте от 18 до 30 лет освоила иную школьную программу, получила другое семейное воспитание, оказалось под доминирующим воздействием только одних/местных институтов гражданского общества, в отличие от молодежи, например, достаточно

спокойных – Лескенского, или же Терского районов Кабардино-Балкарии.

Если говорить о некоторых выявленных в рамках настоящей статьи закономерностях исторической динамики исламского фундаментализма, то исторический опыт его проявления в Кабардино-Балкарии и условия его перехода в радикализм в определенном плане укладываются в рамки утвердившейся в социогуманитарной науке логики его развития. В частности, А. Игнатенко, говоря об эндогенном характере салафизма, отмечает, что «жизнь мусульманской общины-уммы на протяжении истории подчинена цикличности: следование истинной вере, постепенный отход от нее, кризис общины, появление восстановителя истинной веры, возрождение общины. Затем цикл снова повторяется»⁵⁵. В этом и заключается неизбежность и непреодолимость фундаментализма (салафизма) в исламе. Он будет существовать всегда, пока существует сам ислам. «Отсюда – тщетность надежд на окончательную победу над салафитами»⁵⁶. Естественно, что на эту цикличность оказывают определенное влияние и воздействие внешние факторы.

Что касается перспектив политического ислама в Кабардино-Балкарии и на Северном Кавказе в целом, то они достаточно туманны. Даже те, кто поддерживает идею введения шариата и построения Имарата Кавказ как части «всемирного» халифата, как правило, не имеют представления о последнем⁵⁷.

На сегодняшний день не вызывает сомнений, что ответы на вызовы исламизма лежат не только в сферах безопасности и религии, но и в предоставлении доступных политических альтернатив, понимании социальной психологии и в выработке привлекательных способов выражения и доступного для общества языка. Вместе эти компоненты образуют стратегию идеологической работы, которая отсутствует в настоящее время. С молодыми людьми следует общаться на их языке и теми способами, которые являются интересными и привлекательными для них⁵⁸. Необходимость культивирования такой практики возникает в связи с тем, что ислам продолжает занимать все большее место в общественно-политической жизни республик Северного Кавказа, активно заполняя имеющийся идеологический вакуум⁵⁹. В этих условиях работники СМИ более взвешенно и ответственно должны подходить к вопросам освещения религиозного ра-

дикализма в современном обществе, на что регулярно обращает внимание В.Д. Дзидзоев⁶⁰.

В заключительной части настоящей статьи считаем целесообразным сослаться на взгляды современного кавказоведа А.Х. Борова, достаточно плодотворно занимающегося выявлением определенных закономерностей в исторической динамике Северокавказского региона на основе системного подхода к исследованию системных проблем. «В условиях кризиса эффективности государственной власти на Северном Кавказе, – отмечает он, – когда под вопрос поставлена сама способность государства контролировать собственную территорию, национальный и религиозный экстремизм, терроризм и их активные носители смогли укорениться в определенных этносоциальных и территориальных анклавах и превратить их в очаги собственной экспансии. Попытки государства погасить эти очаги с помощью силы первоначально были крайне неэффективны и наводили на мысль о необратимой деградации его военной организации и системы безопасности. В таких условиях стало возможным формирование разветвленной сети экстремистского подполья в регионе, способного осуществлять масштабные акты террористической агрессии. Последствия этого не преодолены до сих пор. Реальность кризисных явлений не вызывает особых сомнений. Но механический перенос на состояние регионального социума общих представлений о кризисе является неоправданным. Анализ ситуации и перспектив развития Северного Кавказа должен включать в себя серьезную проверку гипотезы о том, что социальные и культурные процессы в регионе выражают не кризисное состояние местного социума, а его активное приспособление к сложившимся в стране условиям с использованием социального ресурса традиционных этнических институтов и идеологического ресурса мусульманской религии. Разрыв между алармистскими оценками кризисного состояния региона и реальностью наиболее очевиден применительно к уровню потребления и условиям жизни населения региона. Значительная его часть, так или иначе, приспособилась к условиям экономического спада (и распада) и сформировала свою систему жизнеобеспечения. Но она привязана большей частью к натуральному домашнему хозяйству и теневому сектору экономики. В нее входят и незаконные «врезки» в систему бюджетных потоков, и криминаль-

ная «занятость» части молодежи. Это значит, что люди должны либо смириться с тяжелым неквалифицированным трудом, низким уровнем доходов, отсутствием перспектив повышения уровня жизни и социального статуса, либо погружаться в систему нелегальных форм жизнедеятельности, полукриминальных и криминальных социальных связей и «законов». Именно в этой «полуподвальной» части социального здания укореняется субкультура насилия и формируется сравнительно широкая социальная база экстремизма и терроризма. Если эта гипотеза состоятельна, то не исключено, что Северный Кавказ надолго превратится в область устойчивого воспроизводства полудеяльных, но вполне функциональных социальных практик на периферии модернизационного процесса, в которой обеспечивается потребление плодов модернизации, но блокируется ее развитие»⁶¹.

Примечания

1. Под этим термином, используемым в этой статье как синоним салафизма, следует понимать «движение, сторонники которого выступают за неизменность обрядов и основных принципов вероучения [в исламе – *Авт.*], против попытки их модернизации, изменения или отклонения от них, за восстановление первоначальной чистоты, «возвращение к истокам»» (См.: *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 11: Культура и религия. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 461.). Вместе с тем, не отрицая факт существования множества других интерпретаций этого термина, в настоящей статье он также используется в том значении, в котором ислам способен проявлять себя в форме мобилизационного фактора против внешней агрессии, оппозиции существующим светским или государственным институтам, в качестве метода борьбы с которыми сторонники фундаментализма используют экстремизм и терроризм.

2. *Боров А.Х.* Национальная стратегия многонациональной России: северокавказский срез // Северный Кавказ: проблемы и политика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1180.pdf>

3. *Боров А.Х., Тумов А.А.* Основные параметры общественно-политического развития Кабардино-Балкарской Республики: изменения и преемственность // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). Modern Research of Social Problems. 2015. № 11 (55). www.sisp.nkras.ru. С. 74.

4. *Дегоев В., Ибрагимов Р.* Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или Повестка дня на вчера. Доклад-эссе. М., 2006. С. 15.

5. Там же. С. 15–16.

6. *Апажева Е.Х.* Молодежь как фактор стабилизации или нормализации межэтнических отношений на Северном Кавказе. Владикавказ, 2002. С. 34–36.

7. Агональное общество – это общество, в котором стремление к созиданиям почти во всех сферах жизни является главным принципом, структурообразующим и смыслоопределяющим элементом жизни.

8. *Ярлыканов А.А.* Ислам на Кавказе и его влияние на конфликтность в регионе и России // Сравнительная политика. 2013. № 3 (13). С. 138.

9. *Цветков О.М.* Распространение политического ислама на Северном Кавказе и пути стабильности // Северный Кавказ: профилактика конфликтов. М., 2008. С. 110.

10. *Бобровников В.О.* Этнография ислама на Кавказе // Этнографическое обозрение. 2006. № 2.

11. Молодежь в полиэтничных регионах Северо-Кавказского федерального округа. Экспертный доклад под общей редакцией академика В.А. Тишкова. Москва–Пятигорск–Ставрополь, 2014. С. 42.

12. Население КБР // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Нальчик, 2013. Т. 1. С. 8.

13. Социологи: жители Северного Кавказа опасаются безработицы и последствий социального расслоения больше, чем терроризма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// www.kavkaz-uzel.ru/articles/219264/](http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/219264/)

14. *Денисова Г.С.* Молодежь Кабардино-Балкарии о причинах и факторах терроризма // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-kabardino-balkarii-o-prichinah-i-faktorah-terrorizma>

15. Там же.

16. Цит. по: *Денисова Г.С.* Молодежь Кабардино-Балкарии о причинах и факторах терроризма // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-kabardino-balkarii-o-prichinah-i-faktorah-terrorizma>; Межэтнические и межконфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова, И.И. Степанова. Москва–Ставрополь, 2013.

17. См.: *Денисова Г.С.* Молодежь Кабардино-Балкарии о причинах и факторах терроризма // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-kabardino-balkarii-o-prichinah-i-faktorah-terrorizma>

18. См.: Там же.

19. Грант №182 «Гражданское достоинство». «Защита прав человека и совершенствование институтов гражданского общества как средство предотвращения экстремизма в Кабардино-Балкарской Республике». Москва–Нальчик, 2014.

20. Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад под ред. В.А. Тишкова. М., 1999. С. 44; *Мукожев А.Х.* Ислам в Кабардино-Балкарии до и после октября 2005 года // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 208; *Оширов Р.Г.* Проблема межкультурного диалога в контексте специфики динамики развития глобального, регионального и локального обществ // Межэтнический и межконфессиональный диалог как консолидирующая основа общества в борьбе против глобальных угроз терроризма и экстремизма: материалы Международной научно-практической конференции. Астрахань, 2013. С. 86.

21. Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад под ред. В.А. Тишкова. М., 1999. С. 43.

22. *Такова А.Н.* Современное состояние и основные тенденции развития конфессиональной (исламской) политики в Кабардино-Балкарии на этапе латентной фазы религиозного конфликта // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 287–288.

23. *Мукожев А.Х.* Ислам в Кабардино-Балкарии до и после октября 2005 года // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 208. С. 210.

24. *Такова А.Н.* Современное состояние и основные тенденции развития конфессиональной (исламской) политики в Кабардино-Балкарии на этапе латентной фазы религиозного конфликта // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 288.

25. *Бережной С.Е.* Кабардино-Балкарская Республика как пример эволюции исламского фундаментализма на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. № 2 (44). 2006. С. 173.

26. *Мукожев А.Х.* Ислам в Кабардино-Балкарии до и после октября 2005 года // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 208. С. 213–214, 216–217; *Такова А.Н.* Современное состояние и основные тенденции развития конфессиональной (исламской) политики в Кабардино-Балкарии на этапе латентной фазы религиозного конфликта // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 288.

27. *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. С. 105; *Такова А.Н.* Современное состояние и основные тенденции развития конфессиональной (исламской) политики в Кабардино-Балкарии на этапе латентной фазы религиозного конфликта // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 288; *Бережной С.Е.* Кабардино-Балкарская Республика как пример эволюции исламского фундаментализма на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. № 2 (44). 2006. С. 173.

28. *Мукожев А.Х.* Ислам в Кабардино-Балкарии до и после октября 2005 года // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 221.
29. *Мукожев А.Х.* Ислам в новейшей истории кабардинцев [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Нальчик, 2009. 187 с. С. 129–130.
30. *Кокос В.М.* Ислам религия мира // Кабардино-Балкарская правда. 1999. 4 ноября.
31. Северный Кавказ. 2001. № 5.
32. *Мукожев А.Х.* Ислам в Кабардино-Балкарии до и после октября 2005 года // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 208. С. 219.
33. Цит. по: *Бережной С.Е.* Кабардино-Балкарская Республика как пример эволюции исламского фундаментализма на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. № 2 (44). 2006. С. 178.
34. *Млашенко А.В.* Ислам для России. М., 2007. С. 36.
35. Захват заложников в школе № 1 города Беслана (Северная Осетия), совершенный террористами утром 1 сентября 2004 года во время торжественной линейки, посвящённой началу учебного года. В результате теракта погибли 314 человек из числа заложников, из них 186 детей. Всего, включая спасателей, погибло 333 человека, и свыше 800 получили ранения разной степени тяжести. См.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
36. Цит. по: *Аккиева С.И.* Ислам в Кабардино-Балкарской Республике. М.: Логос, 2009. С. 93.
37. Телевизионное обращение Президента КБР Арсена Канокоева от 20 октября 2005 г. // Газ. Кабардино-Балкарская правда. 2005. 22 окт.
38. Президент Кабардино-Балкарии – о переменах, произошедших в республике за год после событий в Нальчике // Российская газета. 2006 г. 24 окт.
39. *Аккиева С.И.* Ислам в Кабардино-Балкарской Республике. М.: Логос, 2009. С. 98.
40. *Такова А.Н.* Современное состояние и основные тенденции развития конфессиональной (исламской) политики в Кабардино-Балкарии на этапе латентной фазы религиозного конфликта // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 292; *Мукожев А.Х.* Ислам в Кабардино-Балкарии до и после октября 2005 года // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 208. С. 225–226.
41. Виртуальный джихад в XXI веке: Имарат Кавказ // URL: <http://eu.spb.ru/news/14068-virtualnyj-dzhikhad-v-21-veke-emirat-kavkaz>
42. Кавказу аukaются Сирия и Донбасс // URL: <http://sevkavinform.ru/articles/tseny/91623/> (дата обращения: 02.10.2015 г.)
43. Виртуальный джихад в XXI веке: Имарат Кавказ // URL: <http://eu.spb.ru/news/14068-virtualnyj-dzhikhad-v-21-veke-emirat-kavkaz> (дата обращения: 02.10.2015 г.); Кавказу аukaются Сирия и Донбасс // URL: <http://sevkavinform.ru/articles/tseny/91623/> (дата обращения: 02.10.2015 г.)

44. Малащенко А.В. Ислам для России. М., 2007. С. 37; Газета Юга. 2006. 17 авг.; Кабардино-Балкарская правда. 2007. 7 нояб.; Газета Юга. 2008. 14 февр.; Газета Юга. 2008. 17 июля; Такова А.Н. Современное состояние и основные тенденции развития конфессиональной (исламской) политики в Кабардино-Балкарии на этапе латентной фазы религиозного конфликта // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 292.
45. Левант – историческая область в восточной части Средиземноморья, охватывающая территорию Сирии, Ливана, Израиля, Иордании, Палестины, Египта, Турции, Кипра.
46. Выходцы с Кавказа в рядах ИГ (ИГИЛ) // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/251513/> (дата обращения: 25.10.2015 г.).
47. Выходцы с Кавказа в рядах ИГ (ИГИЛ) // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/251513/> (дата обращения: 25.10.2015 г.).
48. Боевики ИГИЛ проникают на Северный Кавказ. Кто стоит за ними? // URL: <http://cont.ws/post/100067> (дата обращения: 26.10.2015 г.); В ИГИЛ объявили о создании филиала на Северном Кавказе // URL: <http://lifenews.ru/news/156149> (дата обращения: 26.10.2015 г.).
49. Северный Кавказ: взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития. Под ред. А.Г. Матвеевой, А.Ю. Скакова и И.С. Савина. М.: Институт Востоковедения РАН, 2012. С. 6.
50. Под черными знаменами // URL: <http://a-news.info/novosti-rossii/novosti-kabardino-bolkariya/217414-novosti-kabardino-balkarii-6-oktyabrya-pod-chernymi-znamenami.html> (дата обращения: 26.10.2015 г.).
51. Там же.
52. Силовики назвали Юрия Бицуева в числе убитых в Нальчике боевиков // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/273003/> (дата обращения: 23.11.2015 г.).
53. Новости СКФО // URL: <http://polpred.com/?cnt=195&fo=8&fulltext=>оп (дата обращения: 23.11.2015 г.).
54. В КБР убит лидер местной ячейки ИГ, всего за день уничтожены 14 боевиков // URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2015/11/22/1463782.html> (дата обращения: 23.11.2015 г.); Силовики назвали Юрия Бицуева в числе убитых в Нальчике боевиков // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/273003/> (дата обращения: 23.11.2015 г.).
55. Игнатенко А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2 (8). С. 117.
56. Малащенко А.В. Исламские ориентиры... С. 139.
57. Ярлыкпатов А. Ислам и конфликт на современном Северном Кавказе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-minbar.com/comments/islam-i-konflikt-na-sovremennom-severnom-kavkaze> (дата обращения: 23.11.2015 г.).

58. Северный Кавказ: взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития. Под ред. А.Г. Матвеевой, А.Ю. Скакова и И.С. Савина. М.: Институт Востоковедения РАН, 2012. С. 19.

59. *Ярлыкапов А.* Ислам и конфликт на современном Северном Кавказе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-minbar.com/comments/islam-i-konflikt-na-sovremennom-severnom-kavkaze>

60. *Дзидзоев В.Д., Левченко Н.Н.* Сепаратизм, терроризм и экстремизм на Северном Кавказе: политико-правовой анализ. Владикавказ, 2008. С. 147.

61. *Боров А.Х.* Северный Кавказ: проблема устойчивого развития в системно-исторической перспективе // Материалы международного симпозиума «Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели», посвященного 20-летию КБНЦ РАН. Нальчик, 2013. Т. I. С. 18.

R.G. OSHROEV

TO THE RESULTS AND LESSONS OF COMPREHENSION
OF EXPENSES OF SOCIAL TRANSFORMATIONS IN KBR
IN FOCUS OF ISLAM FUNDAMENTALISM

The article is devoted to analysis of the specific social dynamics of the modern Kabardino-Balkaria through the prism of the actualization of ideas of Islamic fundamentalism in a multicultural society in recent decades. Coverage of the threats and risks in the format stated theme carried out on the basis of an integrated approach, including using the resources of sociology. The main attention is paid on identification of feedback systems in the challenges and responses to overcome the existing problems in the socio-cultural dynamics of modern society.

Keywords: Kabardino-Balkar Republic, social transformation, Islam, fundamentalism, threats and risks.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алхасов Мухамедхан Михайлович, кандидат социологических наук, научный сотрудник сектора новейшей истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, Пушкина, 18

Тел.: 9-903-490-81-39

E-mail: kbigi@mail.ru

Вислова Аминат Данияловна, доктор психологических наук, старший научный сотрудник группы по изучению проблем современного развития общества ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, Пушкина, 18

Тел.: 8-928-693-90-07

E-mail: avislova@mail.ru

Гугова Марина Хабасовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, Пушкина, 18

Тел.: 8-903-425-58-51

E-mail: gugowa@mail.ru

Жанситов Осман Асланович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, Пушкина, 18

Тел.: 9-928-694-93-70

E-mail: kbigi@mail.ru

Кармов Амерби Хазретович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, Пушкина, 18

Тел.: 8-928-078-68-98

E-mail: kbigi@mail.ru

Кешева Зарема Мухамедовна, кандидат исторических наук, и.о. зав. сектором новейшей истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, Пушкина, 18

Тел.: 8-906-484-96-45

E-mail: kesheva10@gmail.com

Тетуев Алим Инзрелович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, Пушкина, 18

Тел.: 8-928-0831-666

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Шомахов Заур Хамидбиевич, младший научный сотрудник группы по изучению проблем современного развития общества ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, Пушкина, 18

Тел.: 8-928-715-68-30

E-mail: shoma31@rambler.ru

Ошроев Рубен Гермонович, кандидат наук, руководитель группы по изучению проблем современного развития общества ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, Пушкина, 18

Тел.: 8(8662) 42 09 77

E-mail: ruben.kbr@mail.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Alkhasov Mukhamedkhan, PhD in Sociology, Senior Research Fellow, Department of the recent history FGBI «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 9-903-490-81-39
E-mail: kbigi@mail.ru

Vislova Aminat Danyalovna, doctor of Psychological Sciences, senior staff scientist of group on the study of problems of modern development of society FGBI «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies».

175 Vologirova Street
Nalchik 360004
Ph. 8-928-693-90-07.
E-mail: avislova@mail.ru ;

Gugova Marina Habasovna, candidate of Historical Sciences, assistant professor. Senior Research Fellow, Department of the recent history FGBI «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8-903-425-58-51
E-mail: gugowa@mail.ru

Zhansitov Osman Aslanovich, candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of the recent history FGBI «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 9-928-694-93-70
E-mail: kbigi@mail.ru

Carmov Amerbi Khazretovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of the recent history FGBI «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000

Ph. 8-928-078-68-98
E-mail: kbigi@mail.ru

Kesheva Zarema Muhamedovna, Acting Head sector of the recent history department FGBI «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8-906-484-96-45
E-mail: kesheva10@gmail.com

Tetuev Alim Inzrelovich, doctor of History, chief research scientist FGBI «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8-928-0831-666
E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Shomahov Zaur Hamidbievich, Post-junior staff scientist, senior staff scientist of group on the study of problems of modern development of society FGBI «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8-928-715-68-30
e-mail: shoma31@rambler.ru

Oshroev Ruben Germanovich, the head of the group for the study of the problems of modern society development of Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8(8662) 42 09 77
E-mail: ruben.kbr@mail.ru

Научное издание

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ В XX – НАЧАЛЕ XXI В.:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Сборник научных статей

Макет и техническое редактирование

И.Х. Кушховой

Под авторской редакцией

Подписано в печать 24.10.2016 г.

Бумага офсетная. Формат 60x84 ¹/₁₆. Гарнитура Palatino Linotype
Усл. печ. л. 9. Тираж 500 экз. (1-й завод – 100). Заказ № 168

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-50-94
E-mail: kbigi@mail.ru

The federal state budgetary science establishment
The Kabardian-Balkarian institute of humanitarian research
360000, KBR, Nalchik, 18 Pushkin's street
Ph. 8 (8662) 42-50-94
E-mail: kbigi@mail.ru